

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна – доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна – сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

СИНЯКОВ Алексей Викторович – заведующий учебной лабораторией по применению ЭВМ и технических средств обучения социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aur@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Вельц Франк** – доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** – доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович** – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** – доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: lham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаша**, профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** – доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** – доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдрун** – доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор О.В. ИЛЬИНЫХ

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Managing Editor: Olga V. ILINIY, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: iliniy@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Aleksei V. SINYAKOV, Head of IT Laboratory at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone:+43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 4 • Том 24 • 2018 •

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социология неравенства

Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива7

Гаврилюк Т.В. Гендерная проблематика в зарубежном классовом анализе: динамика теоретических подходов26

Грибова К.Л. Концепция глобального социального неравенства в творчестве Саскии Сассен41

Общество и процесс сетевизации

Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета59

Молчанова О.И. Редакция интернет-СМИ как специфическая социальная организация80

Политическая социология

О проведении круглого стола “Лоббизм как неформальный политический институт: проблемы, национальные модели, механизмы и технологии”99

Федоркин Н.С. Лоббизм как структурный элемент механизма функционирования социально-политических систем102

Деханова Н.Г. Социальное партнерство как механизм согласования групповых интересов117

Каневский П.С. Дуалистическая природа института лоббизма в современных демократиях125

Карпова Н.В. Политическая культура как фактор формирования цивилизованного лоббизма в современной России135

Павроз А.В. Тенденции, проблемы и перспективы лоббизма в России ..151

Сушенцов А.А. Перспективы российского лоббизма в США163

Тимченко А.Н. Лоббизм в России в контексте моделей принятия политических решений: возможна ли эволюция?168

Фельдман П.Я. Концептуализация подходов к интерпретации феномена лоббизма180

Глобальные проблемы: история и современность

Сидорина А.В. Римский клуб и социальные трансформации второй половины XX — начала XXI в.188

Экономическая социология и менеджмент

Васильев В.П. Формирование регулятивных функций социального государства206

Коргова М.А., Ажиева И.А. Методы мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена в кредитно-финансовых организациях России223

Емельянова Л.А. Основы конкуренции как социального явления и ее особенности в профессиональной деятельности235

Социология молодежи

Станевич А.Ю. Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности.254

Научная жизнь

Социальная несправедливость в социологическом измерении: о XII Международной конференции “Сорокинские чтения” (материал подготовили **Каневский П.С., Новоселова Е.Н.**)273

Об итогах проведения секции “Социология” XXV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018» (материал подготовили **Каневский П.С., Новоселова Е.Н.**)277

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

**N 4 • VOLUME 24 • 2018 •
OCTOBER — DECEMBER**

Four Issues per Annum

CONTENTS

Sociology of inequality

- Polyakova N.L.* The formation of social inequality in the everyday practices: the historical perspective.7
Gavrilyuk T.V. Gender problematics in western class analysis: the dynamics of theoretical approaches.26
Gribova K.L. The conception of social inequality in the Saskia Sassen's works41

Society and networking process

- Dobrynskaya D.E.* Communities in the age of Internet59
Molchanova O.I. The editors of the internet media as a specific social organization80

Political sociology

- About the round table "Lobbyism as an Informal Political Institute: Problems, National Models, Mechanisms and Technologies.99
Fedorin N.S. Lobbying as a structural element of the mechanism of functioning of socio-political system.102
Dehanova N.G. Social partnership as a mechanism of agreement of group interests117
Kanevskiy P.S. The dualistic nature of lobbying in modern democracies . . .125
Karpova N.V. Political culture as a factor of civilized lobbying establishment in contemporary Russia135
Pavroz A.V. Trends, problems and prospects of lobbying in Russia.151
Sushentsov A.A. Perspectives of Russian lobbying in the US163
Timtchenko A.N. Lobbying in Russia in the context of models of political decision making: is evolution possible?168
Feldman P.J. Conceptualization of approaches to the interpretation of the phenomenon of lobbying180

Global problems: history and modernity

Sidorina A.V. Rome club emergence as a response to the social transformations of the second half of the XX–XXI century.188

Economic sociology and management

Vasiliev V.P. Formation of the regulatory functions of the social state206

Korgova M.A., Azhieva I.A. Methods of motivation and incentiveness of average price managers in credit and financial organization of Russia.223

Emelyanova L.A. The basis of competition as a social phenomenon and its features in professional activity.235

Sociology of youth

Stanevich A.Yu. Political moods of Russian youth: common state and distinctive features.254

Science life

Social Injustice through the Lens of Sociology: on XII International scientific conference “XII Sorokin Reading” (material prepared *P.S. Kanevsky, Ye.N. Novoselova*)273

The results of “Sociology” section XXV International conference for students, post-graduate students and young scientists “Lomonosov–2018” (material prepared *P.S. Kanevsky, Ye.N. Novoselova*)277

СОЦИОЛОГИЯ НЕРАВЕНСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-7-25

ОФОРМЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ПРАКТИКАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА*

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье анализируются методологические основания и границы традиционных методологических подходов, существующих в рамках социологических теорий социального неравенства. В качестве главной проблемы указывается отсутствие в них методологического разделения агентности и структуры, что чаще всего превращает теорию социального неравенства в “социальную таксономию”.

На примере концепций П. Бурдьё и Э. Гидденса анализируются современные конструктивистские методологические подходы к анализу социального неравенства, связанные с разработкой понятий “социальные практики”, “символическая категоризация” в работах П. Бурдьё и “рефлексивная структуризация” в работах Э. Гидденса. Анализируются понятия “различения” и “стиль жизни” (П. Бурдьё). Демонстрируется ограниченность этих теорий, обусловленная отсутствием у них исторического измерения.

В статье указывается на необходимость анализа фундаментальных базисных практик повседневности, порождающих социальное неравенство. С этой целью представляется необходимым расширить сферу социологического анализа посредством введения исторической перспективы и анализа системы неравенства домодерновых обществ. В статье с опорой на исторические исследования анализируются подобные практики социального инклюзивного и эксклюзивного неравенства, связанные с различением свой/чужой на основе механизмов стигматизации, языка, религиозно-этнической традиции.

Ключевые слова: *неравенство, теория, методология, практики повседневности, стиль жизни, стигматизация, включение/исключение, свой/чужой.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01106 “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

** Полякова Наталья Львовна, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

THE FORMATION OF SOCIAL INEQUALITY IN THE EVERYDAY PRACTICES: THE HISTORICAL PERSPECTIVE

Polyakova Natalya L., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

The article analyzes the foundations methods and theoretical limits of the traditional sociological theories of social inequality. These theories do not distinguish methodologically between agence and structure. This makes such a theory of social inequality just a “social taxonomy”.

The theories of A. Giddens and P. Bourdieu are viewed as the contemporary theoretical and methodological constructivist approaches to social inequality. They are based on the notions of “social practices”, “symbolic categorization”, “distinction”, “life style” (P. Bourdieu) and “reflexive structuration” (A. Giddens). The analysis demonstrates the lack of historical dimension in these theories.

The article proves the need to analyze the basic everyday practices which give rise to social inequality. It is necessary to broaden the sphere of sociological research and use the historical perspective. It should also include as its object the system of social inequality in pre-modern societies.

The article strives to achieve this by analyzing such pre-modern social practices of social inequality as inclusion/exclusion based on mechanisms of stigmatization, language and ethnic-religions tradition.

Key words: *inequality, theory, methodology, everyday practices, life style, stigmatization, inclusion/exclusion.*

Теории социального неравенства являются фундаментальным компонентом любой теории общества и теории социального развития. Неравенство составляет нерв социальной структуры и социального порядка любого общества, а развитие предстает как трансформация и последовательная смена систем социального неравенства. Именно эти обстоятельства делают теории социального неравенства неизменно актуальным компонентом социального дискурса.

Современные теории социального неравенства разрабатываются на основе различных методологических подходов и используют различный категориальный аппарат и понятийность. Вместе с тем, возможно вычлениить некоторые фундаментальные моменты, которые являются общими для всех этих теорий.

Прежде всего следует указать на то, что теории социального неравенства традиционно выстраивались и продолжают выстраиваться через соотнесение с целым обществом и поэтому предстают как макросоциологические конструкции. Эти конструкции по преимуществу укоренены в анализе структур экономических и поли-

тических отношений, статусных и стратификационных иерархий, а также опираются на различные системы статистических показателей, таких как образование, профессия, доход, тип труда или занятости: производительный — в случае с представителями рабочего класса, сервисный — в случае служащих, управленческий — от простого клерка до высшего менеджерского состава.

Результатом становится достаточно абстрактное изображение системы социального неравенства, являющееся продуктом “социально-картографической” деятельности социологов и соответствующее видению социального мира обычными агентами. Эта “социальная топография” или “картография” была связана с наивным представлением социологов о том, что речь идет о реальных и даже мобилизованных социальных группах агентов, спонтанно и естественно действующих и живущих в рамках этих групп и непосредственно отождествляющих себя с ними.

Данная наивная социологическая установка, не разделяющая структуру и агентность в теориях социального неравенства, просуществовала в социологии до 80-х гг. XX в. с опорой на “экономический фундаментализм”, включающий индивидов в систему неравенства на основе функционалистской парадигмы и на основе теории конфликта, имеющей политэкономическое происхождение.

Только в конце XX — начале XXI в. в социологии данный “наивный” подход, укорененный в субстанциально-органицистских и экономических объяснительных схемах, разработанных в социологической классике XIX — первой половины XX в., был потеснен новым конструктивистским методологическим трендом. Новая методологическая перспектива проявилась в равной мере в разработках новой социальной онтологии, связанной с концептуализацией теории практики и коммуникации, а также в переходе на новые принципы и модели социологического объяснения. В рамках теорий социального неравенства это выразилось прежде всего в отходе от субстанциалистского видения структур социальной дифференциации. Вопрос о том, что составляет основание социального неравенства, был дополнен вопросом о том, как люди производят и воспроизводят социальное неравенство в обычных практиках повседневной социальной жизни.

Одним из первых примеров такого переосмысления или поворота можно считать позицию Энтони Гидденса, заявленную им в работе “Классовая структура развитых обществ”¹. Именно в этой работе у Гидденса впервые появляется термин “структурация”, который довольно часто, как известно, использовался и используется во французской структуралистской традиции. Использование его Гидденсом

¹ Giddens A. The class structure of advanced societies. L.; N.Y., 1973.

в указанной работе было связано с задачей привлечь внимание к новизне взгляда на классовые отношения. Он стремился показать, что классы следует понимать не как сложившиеся субстанциальные образования, отношения между которыми и составляют структуру социального неравенства. Ситуация должна прочитываться иным образом. Структура социального неравенства является продуктом и результатом осознания социальными агентами существующих социальных отношений, выступающих “структурирующим” основанием для индивидуального определения принадлежности агента к той или иной социальной группе. Именно этот процесс индивидуального осознания и определения приводит к образованию реальных групп и классов, к формированию неравенства.

Именно поэтому Гидденс прибегает к замене термина “классовое сознание” термином “классовое осознание” и по существу совершенно по-новому пытается осмыслить то, что принято называть “субъективными моментами социальных отношений”. Суть этой попытки заключается в указании на то, что знание, рефлексивное осознание сложившихся социальных отношений конституирует социальные группы и отношения, а не просто воспроизводит их объективную данность.

Рефлексивность внутренне присуща субъектам и агентности в эпоху модерна. И именно эта черта субъекта действия и практик кладется Гидденсом в основание его теории структурирования социальных систем, институционализированными компонентами которых являются классы и социальное неравенство. Задача поэтому состоит в том, чтобы выявить этот процесс рефлексивного конституирования социальных отношений неравенства.

Аналогичным образом проблему построения теории социального неравенства видит Пьер Бурдьё. Он указывает на необходимость различения того “абстрактного изображения” социального мира, который создан социологическим воображением, с одной стороны, и пространства “повседневного существования с его дистанциями” — с другой. Эти пространства соотносятся, по мнению Бурдьё, как соответственно геометрическое пространство и годологическое пространство. Проблема состоит в том, что «стремясь ко все большей объективности, социологи почти всегда забывают, что классифицируемые ими “объекты” сами способны производить практики, объективно поддающиеся классификации, а кроме того, не менее объективные операции классифицирования, в свою очередь поддающиеся классификации. Разделение на классы, осуществляемое социологией, возводит к общему корню производимые агентами классифицируемые практики и классифицирующие суждения, которые они выносят относительно своих или чужих практик: в действительности габитус [habitus] является *порождающим принципом* [prinsipe générateur]

объективно классифицируемых практик и одновременно *системой классификации* [principium divisionis] этих практик»².

Сказанное требует новых подходов при построении теорий социального неравенства, разработка которых и была предложена Бурдье. Бурдье разработал два фундаментальных подхода и соответственно две концептуализации социального неравенства, которые можно определить как социальную таксономию/геометрию неравенства и символическую категоризацию/годологию социального неравенства.

Теорию “социальной таксономии” Бурдье выстраивает на основе трех блоков. Первый блок выстраивается на основе теории социального поля как поля социально-статусных позиций, теории четырех видов капиталов (экономического, культурного, социального и символического как разновидности социального капитала) и теории габитуса. При этом он указывает, что экономический капитал и экономическое поле стремятся доминировать и навязать свою структуру другим полям, однако только символический капитал аккумулирует все другие виды капитала и именно в этой форме осуществляется их легитимация.

На базе знания пространства позиций можно, согласно Бурдье, вычленить *классы* в логическом смысле этого слова. «Однако реально это не класс... в смысле группы, причем группы “мобилизационной”, готовой к борьбе... это лишь *возможный класс*»³. Классы, которые можно вычленить в социальном пространстве, не существуют как реальные группы, считает Бурдье. Они лишь объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации, профсоюзные и политические движения и являются результатом “работы представления”, которая ведется социальными агентами.

Второй блок состоит в разработке теории “категоризации” и механизмов “работы представления”. Это работа по выработке категорий классификации. Она ведется «в каждый момент обыденного существования, вследствие той борьбы, которая сталкивает агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность, при помощи всевозможного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений, упреков, критики, обвинений, клеветы и т.п. Неслучайно *kategoresthai*, от которого происходят категории и категоремы, означает “обвинить публично”»⁴. Называть и вызывать к существованию при помощи номинации — это и есть

² Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 26.

³ Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 18.

⁴ Там же. С. 24.

власть (символическая по своему источнику), образовывать группы, формируя здравый смысл, консенсус как основание для любой группы. Восприятие социального мира структурировано схемами восприятия и оценивания, и все, что представлено, в частности, в языке, есть, как подчеркивает Бурдьё, продукт символической борьбы и выражает распределение символических сил. Символическая категоризация — это и есть переход от социальной геометрии к социальной географии.

Символическая работа по классификации социального пространства осуществляется в форме борьбы за классификацию. Поэтому социология не может заниматься “наукой классификации”, не занимаясь “наукой борьбы за классификацию”, и не учитывать в этой борьбе за власть борьбу за монополию рациональными средствами легитимного символического насилия, а также “позицию каждого агента или группы агентов, вовлеченных в эту борьбу”⁵.

Анализ борьбы за классификации проливает свет на политические притязания, следующие за гносеологическими притязаниями производить классификацию, притязаниями вербального проведения границ с помощью знаков, способных производить социальные различия, в частности производить группы.

Различия — это различия в стиле жизни и идентичности, которые реализуются в практиках “ведения жизни”, *во вкусе* — в потреблении (“дома, мебель, картины, книги, автомобиль, алкоголь, сигареты, духи, одежда”, а также “спорт, игры, культурные развлечения”), в “физическом строе” тел, носящих “символическое содержание”, в “дистанции от сфер необходимости”, “вкусе от нужды”, во “вкусе к роскоши”.

Бурдьё указывает три главных способа утвердить свое отличие — это “питание”, “внешность” и “культура”. При этом все три показателя наиболее полно находят свое выражение в “телесной схеме”. Вкус участвует в формировании тела класса. “Являясь инкорпорированным принципом классификации, который управляет всеми формами инкорпорирования, вкус выбирает и преобразует все, что тело поглощает, переваривает, усваивает, физиологически и психологически. Из этого следует, что тело есть наиболее неопровержимая объективация вкуса того или иного класса, который может обнаруживаться разными способами: прежде всего в самом естественном, что есть во внешности, т.е. в размерах (объем, рост, вес и т.д.) и в формах (круглых или угловатых, жестких или гибких, прямых или согнутых и т.д.), где тысячью разных способов выражается отношение к телу, иначе говоря, манера общаться с телом, ухаживать за ним, насыщать, поддерживать — манера, в которой проявляются наиболее глубинные

⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства. С. 31.

диспозиции габитуса... Предпочтения в сфере питания... телесные навыки в работе и в отдыхе определяют распределение телесных свойств между классами”⁶.

Пространства тел различных классов, подчеркивает Бурдые, в своей специфической логике воспроизводят структуру социального пространства как пространства стилей жизни.

Стили жизни воплощают практики, ткущие “пространство отношений”, производят и воспроизводят социальное неравенство как пространство, являющееся продуктом практик символической категоризации. Именно в ориентации на исследование этих практик символической категоризации, опирающихся на культуру, знание, идеологию, и состоит разворот социологических теорий неравенства, призванных ответить на вопрос, как *производится* социальное неравенство.

Однако здесь возникает еще одна проблема. Дело в том, что указание на рефлексивную структуриацию Э. Гидденсом или практики символической категоризации П. Бурдые не решает проблемы выявления специфической интенциональности, лежащей в основе практик, ориентированных на создание неравенства. Практик различения гораздо больше, чем практик, ориентированных на создание социального неравенства. Кроме того, практики различения связаны с уже существующей системой социального неравенства, они осуществляются габитусом как “инкорпорированной структурой”.

Для того чтобы вычленил специфические практики, ориентированные на социальное неравенство, необходимо разделить вопрос о том, как генерируется социальное неравенство, и вопрос о том, как оно воспроизводится. Это означает, что необходимо выявить базовые, фундаментальные практики и формы социального неравенства. Без обращения к историческому материалу это сделать невозможно.

И здесь мы выходим еще на одну черту современной социологической теории неравенства, которую следует рассматривать как серьезное методологическое ограничение.

Дело в том, что социологические теории социального неравенства до сих пор выстраиваются в нововременной, или модерновой перспективе. Это означает, что базовая схема социального неравенства соотносится с промышленным, капиталистическим обществом, имеющим форму национального государства. Соответственно и исследование социальных практик повседневности, ориентированных на создание и воспроизводство социального неравенства, осуществляется в этой перспективе и в ее институциональных измерениях. Однако осуществленная в рамках конструктивистских подходов переформулировка проблемы социального неравенства и переход

⁶ Бурдые П. Различение: социальная критика суждения. С. 38–39.

к таким понятиям, как “практики”, требуют расширения горизонта и введения исторической перспективы и источниковедческой базы, созданной в рамках современной социальной истории.

Как показывают современные исследования в области социальной истории, становление обществ модерна в их национально-государственной форме было не единственным процессом социального и исторического развития западных обществ. Национально-государственным образом организованные общества модерна оформились на основе территориально-монархических образований европейского феодализма. Но помимо этого процесса в рамках истории развития европейских обществ развивался процесс урбанизации и становления развитой системы европейских городов, существующих в форме корпоративным образом организованных многонациональных сообществ, в которых оформлялись свои структуры неравенства и свои практики их производства и воспроизводства.

Этот процесс становления городов, как об этом свидетельствуют современные социально-исторические исследования, оказался не менее значимым в плане становления западной цивилизации, чем процесс феодализации, приведший к оформлению национальных государств.

Западно-европейская модель города сформировалась в XII–XIII вв. и предполагала наделение правами и льготами самого города и его населения. К XII в. уже существовал «стандартный набор нормативных положений... базовые принципы городских свобод, такие как статус свободного города, освобождение от пошлин, наделение монополиями, до определенного предела, правами в экономической жизни. Все эти моменты были неотъемлемой составной частью понятия инкорпорированного города... Один город мог заимствовать у другого целые структуры, ведающие вопросами городского управления, гражданским и уголовным судопроизводством и регламентацией хозяйственной жизни. Результатом становилось рождение целых семейств городов, т.е. групп городских поселений, чья жизнь регламентировалась законами по образу и подобию “матери городов”»⁷. В результате сформировалась международная сеть городов, составивших мощную альтернативу феодальным системам. При этом: “Распространение единых судебно-правовых норм от родительных городов к дочерним по торговым путям и дорогам переселенцев шло более активно, нежели внутри узких границ монархических владений”⁸.

В городах, как уже было сказано, формировались свои системы неравенств и свои практики их осуществления. Эти неравенства

⁷ *Бартлетт Р.* Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350. М., 2007. С. 191.

⁸ Там же. С. 195.

определялись многими процессами. Главным, пожалуй, был миграционный фактор. Для того, чтобы стать городами в экономическом, а не только в юридическом плане, городам эпохи высокого Средневековья был необходим приток иммигрантов. Роберт Бартлетт, например, указывает, что средневековые города представляли собой иммигрантские образования и приводит в качестве примера указ Альфонса VI, зафиксированный “Саагунской хроникой” (начало XII в.). В рамках хроники зафиксирован указ о том, что следует основать город, собрав “гасконцев, бретонцев, германцев, англичан, бургундцев, нормандцев, тулузцев, провансальцев и ломбардцев, и многих других торговцев разных наций и языков”⁹.

В таких иммигрантских городах межэтнические отношения становились фундаментальным основанием для оформления практик неравенства. Для классификации этнических различий, как указывает Бартлетт со ссылкой на канониста Регино Прюмского (примерно 900 г.), использовались четыре критерия. “Разные нации, — пишет он, — отличаются друг от друга происхождением, нравами, языком и законом”¹⁰. При этом, по мнению Бартлетта, для эпохи Средних веков наиболее важными являются нравы, язык и закон.

Нравы, обычаи касались одежды, домашних устоев, привычек в еде, причесок, выступали как отличия одних этносов от других и были основанием для самоидентификации.

Нравы, на основе которых различные этнические и культурно-религиозные группы формировали свою идентичность, становились также и самым визуально точным основанием для идентификации их другими. Внешний облик, прическа, головной убор, костюм, присутствующие в костюме и облике религиозные символы, кухня, запахи, этика, внутригрупповое взаимодействие, профессия и профессиональная этика и поведение — все это становится основанием для оформления социальных чувств, предрассудков как религиозного, так и телесного характера, для возможной стигматизации.

Ричард Сеннет указывает, например, на оформившуюся в Венеции XVI в. “географию угнетения”, связанную с сегрегацией различных этнических групп на основании страха перед их инаковостью. “Разнообразие воспринималось как дефект и внушало страх: албанцам, туркам, грекам и западным христианам вроде немцев были отведены особые тщательно охраняемые здания или кварталы. Разнообразие казалось пугающим, но одновременно и соблазнительным. Сгоняя евреев в Гетто, венецианцы искренне верили, что таким образом локализуют недуг, поразивший христианскую общину: именно евреев они в наибольшей степени отождествляли с вредоносными

⁹ Бартлетт Р. Указ. соч. С. 197.

¹⁰ Там же. С. 217.

телесными пороками”¹¹. Сегрегация и геттоизация стали одними из фундаментальных практик повседневности, ориентированных на установление стигматизированного социального неравенства, устанавливаемого на основе различия “свой — чужой”.

Сегрегация и геттоизация сопровождалась выстраиванием соответствующих ксенофобных идеологий, на основе которых и реализовывались данные практики. Речь идет не только об антисемитизме, но и многих других идеологических образованиях, например, об острой неприязни к немцам, оформившейся на востоке Европы и носящей патологические ксенофобные формы. Бартлетт приводит выдержки, свидетельствующие об этом, из краткого латинского трактата чешского автора под названием “*De Theotonicis bonum dictamen*” (1325–1350 гг.). Автор утверждает, что когда после строительства Вавилонской башни по земле расселились разные народы, “немцы были причислены к рабской расе, не имеющей своей земли и обреченной служить другим народам... Постепенно, однако, немцы захватили себе и землю, и все привилегии свободной нации... Эта ловкая и лживая нация проникла в самые плодородные уголья, лучшие фьеры, богатейшие владения и даже в княжеский совет... ни один сколь-нибудь искушенный человек не усомнится в том, что немцы — это волки в овечьем стаде, мухи на блюде с едой, змеи — на груди, распутницы в доме”¹².

Особое место в системе межэтнических отношений, построенных по принципу “свой — чужой”, принадлежит языку. В многоэтнических городах налицо было двуязычие или плюрализм языков, однако следует понимать, что разные языки имели различный статус, что соответственно определяло и статус языковых групп. Языки были более или менее “престижны” в силу политического или экономического преимущества их носителей. “В частности все более широкое распространение получали романо-германские языки, носители которых осуществляли активную экспансию и отвоевывали все новые территории, тогда как кельтские, славянские, балтийские и арабские языки и наречия постепенно отступали”¹³. Языковая экспансия носила отчетливый колониальный оттенок, и распространение немецкого или французского языка как языка экспансионистов ставило в привилегированное положение носителей этих языков. Однако местные языки оказывали сопротивление, возрождались, противостояние языков имело серьезные последствия, такие как оформление языкового национализма и межэтнические конфликты.

¹¹ Сеннет Р. *Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации*. М., 2016. С. 263.

¹² Бартлетт Р. Указ. соч. С. 260–261.

¹³ Там же. С. 221.

Все эти факты приводятся Бартлеттом в качестве примера практик, устанавливающих неравенство в европейских домодерновых обществах. Они формируются преимущественно на религиозной и этно-языковой основе. При этом этническая принадлежность определялась и правовой системой — готской, франкской или римской. Правовой статус лежал в основе осознания и формирования этнической идентичности. Социальный порядок в результате складывался на основе разного подхода к представителям различных религиозно-этнических групп и носил явно выраженный плюралистический этно-правой характер, характер различия. Практика судопроизводства, которая была основана на этническом принципе, отражала соотношение сил между различными этническими группами и фактически выступала практикой не реализации существующего неравенства, а его созидания.

Начиная с XIV в. в Европе началось нарастание биологической версии национализма, которая потеснила языковую, религиозную, правовую. Это выразилось в оформлении новых практик установления неравенства. Например, появились запреты представителям отдельных национальностей занимать определенные должности или быть членом определенных групп, в том числе профессиональных; оформились практики, запрещающие смешанные браки, дискриминации и недопущения ассимиляции переселенцев, запрета на использование какого-то определенного языка и имен. В рамках этого национализма оформились свои стигматизирующие практики, которые были востребованы затем становящимися национальными государствами и приобрели впоследствии форму государственной социальной и национальной политики.

Подобные исторические свидетельства и исторические исследования позволяют выйти за рамки “картографического” построения структур социального неравенства и исследовать базовые механизмы оформления социального неравенства на уровне повседневных социальных практик, осознанно ориентированных на такую задачу. Таких практик, как уже было продемонстрировано, существует достаточно много. Среди них можно выделить наиболее часто встречающиеся. Такими практиками являются практики стигматизации, лингвистической категоризации, обрядовые практики, правовые практики.

Эти практики, являющиеся практиками повседневности, в рамках теорий социального неравенства до сих пор не получили адекватного анализа. Причинами этого является не только доминирующие в теориях социального неравенства “экономический фундаментализм” или “ресурсная перспектива”, но и очевидная недооценка роли исторического знания как источниковедческой базы в процессе построения социологических теорий.

Стигматизация и категоризация

Стигматизация и символическая категоризация являются, пожалуй, наиболее древними механизмами установления социального неравенства.

Стигма [stigma] — термин греческого происхождения, означающий “пятно”. Стигматизация изначально использовалась как практика нанесения различного рода телесных знаков, должных продемонстрировать моральный или социальный статус индивида, его ранг.

Первоначально стигматизации подвергались рабы, преступники. Практики стигматизации, однако, шире, чем простое использование телесных знаков в качестве механизма установления социального неравенства. Опираясь на исследование этого явления, осуществленное Гербертом Спенсером, можно утверждать вслед за ним, что практики стигматизации в форме различного рода изуродований — отрезание различных частей тела у пленника, указывающее на его порабощение, его рабскую принадлежность, например, пальцев рук, носов, ушей, выбивание зубов — все это различного рода практики социального контроля, которые являются одним из механизмов формирования социального неравенства и лежат в основе формирования классов. Изуродование как практика стигматизации символически закрепляет социальное неравенство и является компонентом фундаментального и исторически первого института социального контроля — института обряда.

Спенсер при этом убежден, что контроль посредством обрядовых правил, будучи самым древним и предшествующим политическому и религиозному контролю, “всегда принимал, и теперь принимает, наибольшее участие в регулировании жизни людей”¹⁴.

Спенсер имел в виду не только древние, но и общества середины XIX в., однако это же можно сказать и о современных обществах конца XX — начала XXI в. И речь идет не только о практиках изуродования, которые можно наблюдать в современных молодежных контркультурах и профессиональных субкультурах, а также в низших классах, примером чего могут служить столь широко распространенные татуировки, неприемлемые в среде высших классов. Эти легкие изуродования продолжают нести на себе символическую память практик стигматизации, унаследованных от “военных обществ” и даже от обществ классического модерна — татуирование матросов, наложение клейма на дезертиров, преступников, обривание головы у преступников (достаточно вспомнить опыт обривания головы французским женщинам, обвиненным в коллаборационизме).

¹⁴ Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Говарда Коллинса с предисловием Герберта Спенсера. СПб., 1892. С. 341.

Вместе с тем, обрядовые практики стигматизации далеко не исчерпывают весь арсенал обрядовых практик, оформившихся в домодерновых обществах и ориентированных на установление контроля, власти, неравенства, ранга. Возвращаясь к Спенсеру, можно указать, например, на взятие трофеев, из которых вырос современный принцип компенсации при нанесении вреда, и даже современный принцип справедливости; на дань, из которой вырос современный обычай дарить подарки, как способ выражения признания и преданности; на “визит”, который и сейчас используется и как “почтительный обряд” и как акт вежливости; на приветствия и на формы обращения, которые имели чрезвычайно разработанную ритуализированную форму, целью которой было подчеркивание ранга и выражение покорности; на титулы, которые непосредственно фиксировали ранг и статус, на знаки отличия и одежду. Все эти обрядовые практики сохранились в современных обществах, они вписаны в системы социального взаимодействия непосредственным образом и используются в системах административных и управленческих отношений для фиксации отношений неравенства, ранга, статуса, а также в системах повседневных взаимодействий для демонстрации социального признания и самопрезентации.

Практики стигматизации, имеющие очень долгую и богатую историю, самым широким образом использовались не только в качестве системы контроля и выстраивания иерархизированного порядка, но и стали одним из механизмов образования социальных групп и даже классов. Речь идет о практиках повседневности, которые формируют посредством механизмов стигматизации базовые индивидуальные социальные неравенства. В работах Мишеля Фуко, например, мы находим множество подобных примеров.

Эти практики стигматизации произрастают из первоначальных практик изоляции больных лепрой и венерическими заболеваниями, внушавших ужас, провоцирующих использование магических обрядов очищения в отношении изгоняемых из общества и заключаемых в закрытые учреждения. Однако, как указывает Фуко, «исчезнет лепра, фигура прокаженного изгладится или почти изгладится из памяти людей, — однако все эти структуры останутся неизменными. Обычай исключения из сообщества встретятся нам и через два-три столетия, зачастую в тех же самых местах. Роль, когда-то принадлежавшую прокаженному, возьмут на себя бедняки, бродяги, уголовные преступники и “повредившиеся в уме”»¹⁵.

Фуко, исследуя исторические формы и становление социального контроля в качестве фундаментальных механизмов, рассматривает практики изоляции и изгнания. Первоначально эти практики были

¹⁵ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010. С. 15.

связаны с медицинскими обстоятельствами жизни и задачами биологического выживания — эпидемиями лепры, чумы, венерических заболеваний, а также безумия. Эти практики можно рассматривать как первоначальные практики медицинской стигматизации. Безумие занимает в ряду этих практик особое место. В Средние века оно рассматривается в горизонте пороков и Божьей кары, его изображение помещают среди “дурных воинов Психомахии”, оно составляет контроверзу такой добродетели как “осмотрительность”. По отношению к умалишенным поступают не менее жестко, чем к больным проказой или венерическими заболеваниями — их изгоняют и они становятся пассажирами плывущих по волнам “Кораблей дураков”. Эта практика поражает воображение современников. “С наступлением эпохи Ренессанса, — пишет Фуко, — область воображаемого пополняется новым объектом, который вскоре займет в ней особое место: это Корабль дураков, загадочный пьяный корабль, бороздящий тихие воды притоков Рейна и фламандских каналов”¹⁶. Восходя, как считает Фуко, к легендам об аргонавтах, этот “литературный конструкт” получил широкое распространение в XV–XVI вв. в литературе. “И конечно, ко всей этой вымышленной флотилии принадлежит знаменитое полотно Босха”¹⁷. Однако речь идет не только о художественных полотнах, романах и памфлетах, “такие корабли, заполненные сумасшедшими и перевозившие свой необычный груз из города в город, были на самом деле”¹⁸. Города изгоняли сумасшедших, передавали их морякам. Как считает Фуко, “Корабли дураков” в известном смысле были кораблями паломников — часто безумцев провозили как паломников и плавание для них обретало в высшей степени символический смысл: умалишенные отправлялись на поиски своего разума. Плавание — это ритуал изгнания, означающий строгую изоляцию и одновременно являющийся воплощением “переходного статуса” и “пограничного” положения безумца. Однако это будет касаться не только безумцев. Практики стигматизации расширятся.

Бедность, бездомность, делинквентность, болезнь станут стигмами, на основе которых будут спонтанным образом формироваться в рамках повседневности практики установления неравенства. В XVII в. будут созданы изоляторы для умалишенных (в 1656 г. был подписан декрет о создании Общего госпиталя в Париже), в которых сумасшедшие “смешаются” с обитателями работных домов и каторжных тюрем. Под одной крышей окажутся бедняки, бродяги, бездомные, преступники и умалишенные. Как указывает

¹⁶ Фуко М. Указ. соч. С. 17.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 18.

Фуко, “еще никто и никогда не задавался целью точно определить их статус и уяснить смысл подобного соседства под одной крышей бедняков, безработных, преступников и умалишенных”¹⁹. На наш взгляд, можно сделать, как минимум, следующий вывод: медицинские практики изоляции и стигматизации стали практиками социальной стигматизации, широко использующимися в современности. Мы и сейчас, как свидетельствует, например, Ирвинг Гофман, при встрече с незнакомцем “можем заметить свидетельства того, что он обладает неким качеством, отличающим его от других людей его категории и являющимся нежелательным для него: если взять крайний случай, то этот человек может быть основательно испорченным, опасным или слабым. Таким образом, в нашем сознании он превращается из цельного обычного человека в неполноценного, обладающего каким-то дефектом (подпорченного). Подобное качество — это и есть стигма, особенно если речь идет об очень сильном негативном воздействии; порою его называют также недостатком, увечьем, дефектом”²⁰.

Термин “стигма” используется Гофманом для обозначения “качества, выдающего какое-то постыдное качество индивида; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него”²¹.

Гофман выделял три типа стигмы, существенно различающихся между собой. Первый тип — это телесное уродство, различного рода физические отклонения. Второй тип связан с недостатками индивидуального характера: “...слабая воля, неконтролируемые или неестественные страсти, подлые или костные убеждения, бесчестность; о них становится известно, например, из факта умственного расстройства, заключения в тюрьму, отсутствия постоянной занятости, попыток самоубийства, радикальных политических пристрастий, склонности к наркотикам, алкоголю, гомосексуализму”²². Третий тип — это “родовая стигма расы, национальности и религии, которая может передаваться по наследству и охватывать всех членов семьи”²³.

Стигма, согласно Гофману, является основанием для дискриминации и соответственно способствует уменьшению жизненных шансов индивида. Стигматизирование осуществляется на основе конструирования “теории стигмы, то есть символической категоризации” или идеологии, призванной обосновать “неполноценность и объяснить опасность”, которую несет носитель стигмы, т.е. стиг-

¹⁹ Фуко М. Указ. соч. С. 63.

²⁰ Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. URL: www.HSE.ru/Data2011/11/15. С. 2–3.

²¹ Там же. С. 3.

²² Там же. С. 4.

²³ Там же.

матизируемый, а также оправдать “враждебность” по отношению к нему, которая возникает на основании других его отличий, например, его принадлежности к определенному социальному классу. «В повседневной речи мы используем особые термины для обозначения стигмы (такие как “калека”, “ублюдок”, “кретин”) в качестве образного выражения... Мы склонны приписывать человеку длинный ряд несовершенств на основе какого-то одного исходного несовершенства»²⁴.

Кроме того, мы склонны интерпретировать защитную реакцию стигматизированного как проявление его дефекта (стигмы), а затем воспринимать его дефект и реакцию на него как “расплату” за то, что “совершил он сам, его родители или его племя”²⁵ и что оправдывает наше поведение по отношению к нему.

Исследования повседневных практик стигматизации свидетельствуют о их неискоренимости. Это древние практики, которые возможно в смягченном варианте и без политических следствий, но продолжают существовать в современности. Эти древние практики стигматизации служили опознавательными стигмами “свой — чужой” и появились как первичные формы различения и дифференциации, с одной стороны, и внутренней консолидации — с другой. В современности востребованы практически все они, особенно те, которые связаны с такими основаниями включения/исключения как религия, раса, этнос, половая принадлежность.

Дискуссионный вывод, который следует сделать из анализа современных теорий социального неравенства состоит, на наш взгляд, в том, что социология должна осуществить поворот в исследованиях социального неравенства от политико-идеологического горизонта равенства и справедливости к исследованию неравенства как системы фундаментальных специализированных практик, ориентированных на формирование социального порядка в виде социальных иерархий и различий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартлетт Р. Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350. М., 2007.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005.

Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.

Вершинина И.А. Город в пространстве социального неравенства // Социология. 2012. № 2. С. 66–76.

²⁴ Гофман И. Указ. соч. С. 4–5.

²⁵ Там же. С. 5.

Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: Обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.

Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (Главы 3–6). URL: www.HSE.RU/Data2011/11/15

Кимелев Ю.А. “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006.

Кимелев Ю.А. Методология социальных наук. М., 2011.

Кимелев Ю.А. Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия. М., 2016.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Философия социальных наук // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 20–26.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.

Мартыненко Т.С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 391. С. 97–101.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46.

Осипова Н.Г. Источники и виды социального неравенства // Общая социология. Основы современной социологической теории / Под ред. Н.Г. Осиповой. М., 2017. С. 246–268.

Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28.

Полякова Н.Л. Теория социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 19–43.

Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М., 2016.

Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1998.

Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 31–62.

Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Говарда Коллинса с предисловием Герберта Спенсера. М.; СПб., 1892.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2015.

REFERENCES

Bartlett R. Stanovlenie Evropy. Ekhspansiya, kolonizaciya, izmeneniya v sfere kul'tury. 950–1350 [Formation of Europe. Expansion, colonization, changes in culture. 950–1350]. М., 2007 (in Russian).

Bodriyyar Z.H. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [Consumer Society. His myths and structures]. M., 2006 (in Russian).

Burd'e P. Razlichenie: social'naya kritika suzhdeniya [Discrimination: A Social Critique of Judgment] // *Ehkonomicheskaya sociologiya*. 2005. T. 6. N 3. S. 25–48 (in Russian).

Burd'e P. Social'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]. M.; SPb., 2005 (in Russian).

Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva [Sociology of social space]. M.; SPb., 2007 (in Russian).

Featherstone M. Consumption and life-style // *Journal of Consume Culture*. N.Y., 2001. Vol. 1. P. 40–62.

Filosofiya Gerberta Spensera v sokrashchenom izlozhenii Govarda Kollinsa s predisloviem Gerberta Spensera [The philosophy of Herbert Spencer in an abridged version of Howard Collins with a preface by Herbert Spencer]. M.; SPb., 1892 (in Russian).

Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu ehpochu [The History of Madness in the Classical Era]. M., 2010 (in Russian).

Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my [To oversee and punish: the birth of a prison]. M., 2015 (in Russian).

Gofman I. Stigma: zametki ob upravlenii isporchennoj identichnost'yu. Chast' 1. Stigma i social'naya identichnost'. Chast' 2. Kontrol' nad informaciej i social'naya identichnost' (Glavy 3–6) [Stigma: Notes on the Management of Corrupted Identity. Part 1. Stigma and social identity. Part 2. Control of Information and Social Identity (Chapters 3–6)]. URL: www.HSE.RU/Data2011/11/15 (in Russian).

Kimelev Yu.A. "Sub"ekt" i "sub"ektivnost'" v sovremennoj zapadnoj social'noj filosofii ["Subject" and "Subjectivity" in Modern Western Social Philosophy]. M., 2006 (in Russian).

Kimelev Yu.A. Metodologiya social'nyh nauk [Methodology of social sciences]. M., 2011 (in Russian).

Kimelev Yu.A. Filosofiya i sociologicheskaya teoriya. Sfery vzaimodejstviya [Philosophy and sociological theory. Spheres of interaction]. M., 2016 (in Russian).

Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Filosofiya social'nyh nauk [Philosophy of social sciences] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2014. N 1. S. 20–26 (in Russian).

Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Modern i process individualizacii: is-toricheskie sud'by individa moderna [Modern and the process of individualization: the historical fate of the individual modern]. M., 2017 (in Russian).

Martynenko T.S. Global'naya sociologiya G. Terborna: teoriya social'nyh neravenstv [Terborn's Global Sociology: Theory of Social Inequalities] // *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*. 2015. N 391. S. 97–101 (in Russian).

Müller H.-P. Sozialstruktur und Lebensstile. Der neue theoretische Diskurs uber soziale Ungleichheit. Fr. a/M., 1997.

Osipova N.G. Neravenstvo v ehpochu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya*. 2014. N 2. S. 22–46 (in Russian).

Osipova N.G. Istochniki i vidy social'nogo neravenstva [Sources and types of social inequality] // *Obshchaya so-ciologiya. Osnovy sovremennoj sociologicheskoy teorii* / Pod red. N.G. Osipovoj. M., 2017. S. 246–268 (in Russian).

Osipova N., Polyakova N., Dobrinskaya D., Vershinina I., Martynenko T. Social inequality: Recent Trends — Poute // *La Nuova Italia Editrice*. 2017. T. 73. N 5. P. 259–273.

Polyakova N.L. Social'noe neravenstvo v sociologicheskikh teoriyah vtoroj poloviny XX v. Oformlenie konstruktivistskoj perspektivy [Social inequality in sociological theories of the second half of the twentieth century. Making a constructivist perspective] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2015. N 1. S. 5–28 (in Russian).

Polyakova N.L. Teoriya social'nogo neravenstva v sociologii XX v. Transformaciya klassiki [The theory of social inequality in the sociology of the twentieth century. Transformation of the classics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2014. N 4. S. 19–43 (in Russian).

Sassen S. Territory, authority, rights: from Medieval to Global assemblages. Princeton; Oxford, 2006.

Sen A. Inequality reexamined. Cambridge, 1992.

Sennet R. Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoj civilizacii [Flesh and stone. Body and city in western civilization]. M., 2016 (in Russian).

Spenser G. Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie [Experiments scientific, political and philosophical]. Minsk, 1998 (in Russian).

Terborn G. Globalizaciya i neravenstvo: problemy konceptualizacii i ob'yasneniya [Globalization and Inequality: Problems of Conceptualization and Explanation] // *Sociologicheskoe obozrenie*. 2005. T. 4. N 1. S. 31–62 (in Russian).

Terborn G. Inequalities of the world: new theoretical frameworks, multiple empirical approaches. L., 2006.

Vershinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo v sovremennom mire: Obzor mezhdunarodnyh dokladov [Inequality in the Modern World: A Review of International Reports] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2016. N 3. S. 74–91 (in Russian).

Vershinina I.A. Gorod v prostranstve social'nogo neravenstva [City in the space of social inequality] // *Sociologiya*. 2012. N 2. S. 66–76 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-26-40

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЗАРУБЕЖНОМ КЛАССОВОМ АНАЛИЗЕ: ДИНАМИКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ*

Т.В. Гаврилюк, канд. социол. наук, доц., старший научный сотрудник НЦ “Технополис”, Тюменский индустриальный университет, ул. Володарского, 38, г. Тюмень, Российская Федерация, 625000**

В статье представлен аналитический обзор аксиоматики социологических подходов к классовому анализу с учетом гендерной дифференциации начиная с 1940-х гг. по настоящее время. Рассматриваются проблемы отбора первичных единиц классового анализа, концептуальные основания определения классовой позиции женщин и обусловленные данной позицией особенности их социального статуса, способы нормализации гендерного неравенства в конвенциональных подходах и критика их легитимности. Было установлено, что в рамках структурно-функционального подхода Т. Парсонса классовый статус индивида аскриптивен, основным механизмом его обретения и трансляции является родство, при этом гендерное неравенство является условием поддержания стабильности социальной системы. Меняющаяся структура занятости и женская эмансипация обусловили необходимость пересмотра оснований конвенционального подхода, проблематизировав рассмотрение родственного союза в качестве первичной единицы классового анализа. В дальнейшем доминирующий подход Дж. Голдторпа нивелирует аспект гендерного неравенства, связывая классовое положение домохозяйства с позицией того из супругов, кто играет лидирующую роль в его экономическом обеспечении. Подход Э. Райта, представляющий влиятельную альтернативную неомарксистскую модель классового анализа, предполагает наличие индивидуального актора как исходного элемента классового анализа. При этом автор подчеркивает наличие в семье отношений эксплуатации, а также высокую степень риска и неопределенности социального положения значительного числа женщин. Осознание роли индивидуализации в социальной динамике, изменения в структуре глобальной экономики и последствия деиндустриализации в 1990-е гг. изменили исходную аксиоматику классового анализа. Фокус внимания сместился от споров о критериях классовой дифференциации к анализу реальных различий образа жизни людей, порожденных социаль-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-78-20062 “Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России”.

** Гаврилюк Татьяна Владимировна, e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

ным неравенством. Современные исследования социального неравенства учитывают взаимное пересечение гендерных, классовых, расовых и иных характеристик индивидов и сообществ.

Ключевые слова: класс, классовый анализ, гендер, гендерное неравенство, социальная мобильность, социальная структура, структурный функционализм, неомарксизм, феминистская теория.

GENDER PROBLEMATICS IN WESTERN CLASS ANALYSIS: THE DYNAMICS OF THEORETICAL APPROACHES

Gavrilyuk Tatyana V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, “Technopolis”, Tyumen Industrial University, st. Volodarsky, Tyumen, Russian Federation, 625000, e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

The article represents an analytical review of the axiomatics of sociological approaches to class analysis, taking into account gender differentiation since the 1940s till nowadays. The problems of primary units selection of the class analysis, conceptual grounds for determining the class position of women and the features of their social status, conditioned by this position, ways of normalizing gender inequality in conventional approaches and criticizing their legitimacy have been considered in the research. It has been found that within the framework of the structural and functional approach of T. Parsons, the class status of the individual is ascetic, the main mechanism for its acquisition and transmission is kinship, while gender inequality is regarded as condition for maintaining the stability of the social system. The changing structure of employment and women’s emancipation has led to the revision of the conventional approach foundations by problem consideration of families as the primary units of class analysis. Subsequently, the dominant approach of J. Goldthorpe eliminates the gender inequality aspect, linking the class position of the household with the position of the partner who plays a leading role in its economic provision. E.O. Wright’s approach, representing an influential neo-Marxist alternative model of class analysis, presupposes the existence of an individual actor as the initial element of class analysis. At the same time, the author emphasizes the existence of exploitation relations in the family, as well as the high degree of risk and uncertainty of the social status of a significant number of women. Awareness of the role of individualization in social dynamics, changes in the structure of the global economy and the consequences of de-industrialization in the 1990s changed the original axiomatics of class analysis. The focus of attention has shifted from the disputes about the criteria of class differentiation to the analysis of real differences in people’s way of life, generated by social inequality. Modern studies of social inequality take into account the intersection of gender, class, racial and other characteristics of individuals and communities.

Key words: class, class analysis, gender, gender inequality, social mobility, social structure, structural functionalism, neo-Marxism, feminist theory.

Противоречия глобальной неокapиталистической трансформации актуализировали интерес к классовой проблематике. Подвергшийся критике на рубеже XX и XXI в. аналитический конструкт “социальный класс” вновь обретает актуальность в современных реалиях, характеризующихся ростом социальной поляризации как в масштабах национальных государств, так и в новом глобальном порядке. Гендерный аспект классового неравенства долгое время оставался на периферии исследовательского интереса, вплоть до 1960-х гг., когда динамика социальных процессов в трудовой и семейной сфере заставила переосмыслить позиции женщин в социальной структуре. В данной работе представлен анализ эволюции взглядов на гендерную проблематику в классовой теории, концептуальных напряжений в определении критериев и единиц классового анализа, способов определения классовой позиции женщин и обусловленных данной позицией особенностей их социального статуса в период с 1940-х гг. по настоящее время.

Исследование носит теоретический характер и опирается на метод сравнительного анализа текстов. Обзор основных концепций представлен в хронологической перспективе и сопровождается уточнением исходной аксиоматики рассматриваемых подходов. Динамика взглядов на предмет обуславливает структуру работы: конвенциональный структурно-функциональный подход рассматривается в диалоге с феминистской и неомарксистской критикой на протяжении нескольких десятилетий. В заключительной части статьи представлен обзор современных исследований, акцентирующих взаимопересечение гендерных и классовых характеристик индивидов и сообществ.

Классический структурно-функциональный подход: семья как единица классового анализа

Т. Парсонс в статье 1940 г. “Аналитический подход к теории социальной стратификации” эксплицирует понятие “социального класса” в терминах стратификационного анализа. Рассматривая стратификацию как один из главных способов структурирования действия в социальной системе, он определяет социальный статус индивида не только как позицию актора во властной и экономической структуре, но и как следствие его “морального авторитета”, складывающегося из коллективно разделяемых представлений и нравственной оценки его роли в социальной системе: “Фактическая система отношений иерархии в той мере, в какой она опирается на моральные санкции, может быть, таким образом, названа системой социальной стратификации”¹. Он предлагает критерии, обусловли-

¹ Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // О структуре социального действия. М., 2002. С. 357.

вающие совокупный социальный статус индивида, среди которых принадлежность к родственной ячейке, личные качества, достижения, собственность, авторитет и власть².

Члены родственных групп, несмотря на значительную дифференциацию по вышеуказанным критериям “в некоторых отношениях рассматриваются как равные”, т.е. существует некий “элемент статуса, принадлежащий им всем в одинаковой степени, в отношении которого признается только такая дифференциация, которая заключается в санкционированных обществом различиях статуса по полу и возрасту”³. Для характеристики этого генерализирующего “элемента статуса” автор использует категорию *социального класса*, определяя его как группу людей, входящих в родственную ячейку и оцениваемых обществом приблизительно одинаково.

Следовательно, классовый статус в данной концептуальной схеме аскриптивен, т.е. предписывается актору в силу его связи с единицей классовой структуры на основании происхождения. Так как именно родство является основным механизмом обретения и трансляции классового статуса, единицей анализа является не индивид, а родственная ячейка. В современных обществах, по его мысли, муж и жена могут иметь разный классовый статус на момент заключения брака, но впоследствии именно семья как единое целое способна изменять его в течение жизни.

Т. Парсонс приходит к амбивалентному выводу относительно гендерных ролей и роли семьи в современном ему американском обществе. С одной стороны, движение США к идеальному типу общества равных возможностей, в котором классовые структуры будут полностью элиминированы, сдерживается механизмами семейной солидарности. С другой стороны, именно крепкие связи внутри первичной ячейки, по его мысли, играют ключевую роль в обеспечении стабильного функционирования социальной системы. Поддержание семейной солидарности, по его мысли, возможно только при условии четкого разделения гендерных ролей. Автор выражает надежду, что феминистскому движению в будущем не удастся устранить гендерную дифференциацию, необходимую для предотвращения таких дисфункциональных явлений, как внутрисемейные конфликты и профессиональная конкуренция между полами⁴. Жесткая связь классового статуса мужа и жены, однако, не исключает классовой мобильности (“дисперсии”) детей и родителей, братьев и сестер. Происходит это за счет ослабления связей общинного типа внутри родственной ячейки, и данный тип мобильности

² Парсонс Т. Указ. соч. С. 362–363.

³ Там же. С. 365.

⁴ Там же. С. 368.

Т. Парсонс оценивает более благосклонно, нежели возможность статусной автономизации женщин⁵.

Схожий взгляд на гендерный аспект классовой дифференциации был характерен и для других представителей структурного функционализма в данный исторический период. Так, Дж. Кал в работе “Американская классовая структура” (1957) пишет, что общность основных социальных характеристик членов семьи (жилище, совокупный доход, ценности) обуславливает схожесть их жизненных шансов и социального положения. Он предлагает следующее определение: “Если большие группы семей занимают приблизительно равное положение и отличны от других семей, мы можем назвать их социальным классом”⁶.

Таким образом, в рамках конвенционального структурно-функционального подхода в период с 1940-х по 1970-е гг. социальные классы прочно связывались со структурами родства. Гендерное неравенство не рассматривалось в качестве релевантного критерия анализа, а классовая позиция семьи определялась статусом мужчины, являющегося ее главой. Позиция женщины была полностью детерминирована социальным положением ее мужа или отца, при этом ее подчиненное положение и отсутствие автономии трактовались как функциональные для социальной системы.

Ранняя феминистская критика структурно-функционального подхода

Уже в 1960-е гг. структурно-функциональный подход к классовому анализу с его унификацией позиции членов семьи и невниманием к гендерным различиям был подвергнут критике. Был представлен ряд убедительных контраргументов рассмотрения семейной ячейки в качестве единицы классового анализа, например, такие:

– Полученные авторами выводы представляют собой результат априорного теоретизирования на основании общих принципов функционалистской концептуальной схемы и не подкреплены данными эмпирических исследований⁷.

– Далеко не каждый индивид принадлежит семейной ячейке, следовательно, использование родственного союза в качестве первичной единицы классового анализа является проблематичным⁸.

– Игнорирование критерия гендерного неравенства сужает возможности практического применения структурно-функциональной

⁵ Парсонс Т. Указ. соч. С. 378–379.

⁶ Kahl J.A. The American class structure. N.Y., 1957. P. 15.

⁷ Watson W.B., Barth E.A.T. Questionable assumptions in the theory of social stratification // Pacific Sociological Review. 1964. N 7 (1). P. 13.

⁸ Acker J. Women and social stratification: a case of intellectual sexism // The American Journal of Sociology. 1973. N 78 (4). P. 936–945.

теории в классовом анализе. Простое включение замужних женщин в классовую ячейку, детерминированную статусом супруга, блокирует возможности понимания роли женской профессионализации в меняющейся структуре занятости и классовой структуре общества в целом⁹. Кроме того, в современных реалиях далеко не каждая родственная группа имеет “мужчину — главу семьи” (который может быть, например, безработным или пенсионером), что также проблематизирует конвенциональный подход¹⁰.

– Вызывает сомнение факт одинаковой моральной оценки со стороны общества классовой позиции мужа и жены. Было обнаружено, что социальный престиж жены в определенных социальных классах ниже, чем мужа¹¹.

Женская профессионализация в дискурсе классового анализа

Вышеуказанные аспекты критики оказали определенное влияние на дискурс классового анализа, однако в целом на протяжении 1960–1970-х гг. структурно-функциональный подход оставался доминирующим. Например, в 1970-х гг. Э. Гидденс утверждал, что даже если женщина имеет оплачиваемую работу, ее труд по-прежнему остается периферийным для классовой системы, следовательно, нет оснований рассматривать гендерный аспект как релевантный критерий анализа¹².

Полемика обостряется в 1980-е гг., когда против конвенциональной трактовки равной классовой позиции супругов выступили представители левоориентированного феминизма. Они рассматривали домашний труд женщины как форму эксплуатации со стороны мужа, аргументируя этим невозможность аналитического уравнивания их классового статуса¹³.

С учетом указанных аспектов критики в рассматриваемый исторический период были предложены новые подходы к классовому анализу семей, позволявшие учитывать профессиональные позиции обоих супругов. Так, в работе Н. Бриттен и А. Хит впервые появляется категория “кросс-классовых” семей¹⁴. Авторы рассматривали

⁹ *Acker J. Op. cit.; Garnsey E. Women's work and theories of class stratification // Sociology. 1978. N 12 (2). P. 223–243.*

¹⁰ *Watson W.B., Barth E.A.T. Questionable assumptions in the theory of social stratification // Pacific Sociological Review. 1964. N 7 (1). P. 14.*

¹¹ *Haavio-Mannila E. Some consequences of women's emancipation // Journal of Marriage and the Family. 1969. N 31 (1). P. 123–134.*

¹² *Giddens A. The class structure of the advanced societies. L., 1973. P. 288.*

¹³ *Delphy C. Close to home: a materialist analysis of women's oppression. L., 1984. P. 38–39.*

¹⁴ *Britten N., Heath A. Women, men and social class // Gender, Class and Work / Ed. by E. Gamarnikow, D.H.J. Morgan, J. Purvis et al. L., 1983. P. 46–60.*

в качестве базового критерия классовой дифференциации профессиональную принадлежность, подразделяющуюся на “ручной” и “неручной” труд. Однако утверждение классовых различий внутри семей лишь на основании данного критерия подверглись критике со стороны ряда ведущих исследователей. Дж. Голдторп полагал, что обязанности женщин по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей продолжают оказывать значительное влияние на их карьерные траектории, обуславливая сохранение их финансовой зависимости от мужей¹⁵. Он утверждал, что социальный статус работников-женщин, занятых нефизическим трудом (клерков, секретарей или продавцов) сопоставим с социальной позицией их мужей-рабочих, поэтому такого рода семьи не должны рассматриваться как кросс-классовые. Согласно его эмпирическим данным, большинство семей сохраняют классовую однородность, что обуславливает возможность и целесообразность использования домохозяйства как первичной единицы классового анализа¹⁶.

Ряд исследователей в этот период настаивали на необходимости использования индивидуалистического подхода в анализе ресурсов достижения социального статуса социальными агентами вне зависимости от их гендерной принадлежности¹⁷. Тем не менее, на протяжении 1980-х гг. конвенциональный подход, рассматривающий семейные ячейки или домохозяйства как исходный элемент классового анализа, сохранял доминирующую позицию, пойдя лишь на некоторые уступки феминизму. Например, социолог Р. Эриксон защищает конвенциональную трактовку с опорой на шведские эмпирические данные, полагая, что классовая принадлежность семьи должна определяться положением того из супругов, кто играет доминирующую роль — в случае, если главой домохозяйства является женщина, классовая позиция семьи связывается с ее социальным положением¹⁸. К 1984 г. Дж. Голдторп принимает точку зрения Р. Эриксона о необходимости учитывать доминирующую роль мужчины или женщины в семье, и в дальнейшем эти авторы работают совместно в рамках классовой модели, оппонирующей индивидуалистическому подходу¹⁹.

¹⁵ Goldthorpe J.H. Women and class analysis: in defence of the conventional view // *Sociology*. 1983. N 17 (4). P. 465–488.

¹⁶ Ibid. P. 468.

¹⁷ Stanworth M. Women and class analysis: a reply to John Goldthorpe // *Sociology*. 1984. N 18 (2). P. 159–170.

¹⁸ Erikson R. Social class of men, women and families // *Sociology*. 1984. N 18 (4). P. 500–514.

¹⁹ Zhang S. Cross-class families: a social capital perspective. A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of PhD. Birmingham, 2013.

Новая конвенциональность: классовый подход Дж. Голдторпа и Э.О. Райта

Невзирая на критику, структурный подход к классовому анализу Дж. Голдторпа и его коллег оставался доминирующим в период с 1960-х до начала 1990-х гг. Среди неомарксистских концепций влиятельную альтернативу представил Э.О. Райт.

Экономически ориентированная классовая модель Дж. Голдторпа основывалась на идее М. Вебера о способности к обмену ресурсов на капиталистическом рынке труда²⁰. Опираясь на принцип многомерной классификации (дифференциация профессий, характер труда, уровень образования и квалификации, отношения найма и формы занятости), Дж. Голдторп в соавторстве с Р. Эриксоном определяют свою классовую схему следующим образом: “Задача схемы — дифференцировать позиции внутри рынков труда и производственных единиц... в терминах отношений найма, которые они влекут за собой”²¹. Первое базовое различие — между нанимателями (высокообразованные и высококвалифицированные слои административно-управленческого аппарата), обладающими наибольшими ресурсами на рынке труда, и наемными работниками, классовая позиция которых зависит от характера отношений найма. Внутри группы наемных работников выделяется сервисный класс, вовлеченный в “сервисные отношения” с нанимателем, и рабочий класс, обладающий наименьшими ресурсами в капиталистической системе и получающий за свой труд только заработную плату, а также минимальную защищенность в виде трудового контракта²². Трудовой контракт подразумевает “относительно кратковременный и специфицированный обмен денег на трудовые усилия. Работники получают автономные участки работ под надзором нанимателя или его агента в обмен на заработную плату, рассчитываемую на основании объема или времени труда”, в то время как сервисные отношения “влекут за собой длительные и более разнообразные формы обмена. Работники предоставляют свои услуги нанимающей организации в обмен на компенсацию, которая является не только вознаграждением за выполненный объем работы посредством заработной платы и дополнительных привилегий, но также предусматривает перспективные элементы — например, увеличение зарплаты по установленной шкале, гарантии защищенности как в процессе труда, так и после выхода на пенсию и, кроме того, четко определяемые карьерные

²⁰ *Goldthorpe J.H.* Social stratification in industrial society. Class, status, and power // *Social Stratification in Comparative Perspective* / Ed. by R. Bendix, S.M. Lipset. L., 1966.

²¹ *Erikson R., Goldthorpe J.H.* The Constant Flux: a study of class mobility in industrial societies. Oxford, 1992. P. 37.

²² *Ibid.* P. 41–42.

возможности”²³. Особую социальную группу составляют те, кто не только не продает свою рабочую силу, но и не покупает чужую (самозанятые работники, фермеры и мелкие арендаторы). Их классовая позиция не связана с характером найма рабочей силы²⁴.

Ключевым параметром классового различения в представленной модели является способ, которым труд обменивается на вознаграждение. Сервисные отношения влекут за собой более высокий уровень доверия со стороны нанимателя и лояльность работника, тогда как профессии рабочего класса базируются на строгой регуляции труда и зарплаты в течение короткого временного промежутка, не предусматривают дополнительных привилегий и возможностей карьерного продвижения, связанного с изменением социального статуса. При этом гендерный аспект в так называемом “доминантном” подходе игнорируется: классовое положение домохозяйства связывается с позицией того из супругов, кто играет лидирующую роль в экономическом обеспечении.

Подход Э.О. Райта, ставший одной из наиболее популярных концепций современного неомарксистского классового анализа, был разработан автором в 1970-е гг. В отличие от Дж. Голдторпа, Э.О. Райт в качестве исходной аналитической единицы рассматривает индивидуального актора, а не семейную ячейку. Он полагает, что объяснение социальных практик внутри сложившихся классовых структур невозможно без изучения индивидуального сознания, классовые характеристики которого касаются двух аспектов — содержания верований и убеждений и эффекта, производимого наличием этих верований (в частности, гендерные идеологии он также трактует как аспект классового сознания).

Под классовой структурой автор понимает совокупную организацию классовых отношений, а место индивида в ней обозначается понятием “классовая локация” (положение, позиция). Классовая структура, таким образом, фиксирует не “классы” как автономные образования, а фундаментальные реляционные *позиции* внутри капиталистической системы классовых отношений²⁵. Он также предлагает многомерную типологию классовой структуры на основании таких признаков, как отношение к средствам производства, дефицитным ресурсам и власти. Темпоральное измерение классовой позиции подразумевает значительную степень *временной неопределенности* классового положения людей.

Позиция официально не занятого населения в классовой структуре зависит от того, определяется ли она межличностными отно-

²³ Erikson R., Goldthorpe J.H. Op. cit. P. 41–42.

²⁴ Goldthorpe J.H., Hope K. The social grading of occupations: a new approach and scale. Oxford, 1974.

²⁵ Wright E.O. Class counts. Cambridge, 2000. P. 20.

шениями (особенно внутри семьи) или нет. Помимо обозначенных выше типов классовых позиций, которые он называет *прямыми*, существуют и иные способы включения в отношения эксплуатации. *Опосредованные* классовые позиции формирует, прежде всего, семья, а также членство в определенных сообществах или отношения с государством. Большинство людей обладает как прямыми, так и опосредованными классовыми позициями, что обуславливает возможное наличие как противоречивых классовых позиций отдельного индивида, так и существование так называемых кросс-классовых семей, в которых супруги принадлежат к разным классам. Э.О. Райт подчеркивает высокую степень риска и неопределенности социального положения значительного числа женщин. Потенциальные характеристики классовой позиции замужней женщины он описывает категорией “теневой класс”, подразумевающей место в социальной структуре, которое она может занять в случае расторжения брака или вдовства²⁶.

В целом, модель Э.О. Райта смещает акцент с постулирования наличной классовой структуры на процессы, которые помещают людей на те или иные позиции, усиливая значение власти и культурной гегемонии правящего класса в качестве аналитических переменных. Классовый анализ в его версии трансформируется в многомерную модель, учитывающую пограничные социальные позиции и множественность структурных детерминант, оказывающих влияние на классовое образование. Он признает, что большинство женщин в наличной социальной структуре обладает неустойчивым и зависимым классовым положением, которое по-прежнему опосредовано социальным статусом их супругов. Э.О. Райт также не умалчивает и наличие отношений эксплуатации в семье, обуславливающих классовую неоднородность ряда семей и различия социального статуса супругов.

Гендерный вопрос в классовом анализе: современное состояние проблемы

Новый этап классового анализа начался в 1990-е гг. в США и Великобритании, когда последствия деиндустриализации, глобализация экономики и технологические инновации трансформировали не только социальную структуру, но и образ жизни людей. Феминистский вызов не уничтожил традиционный классовый анализ, способствуя, напротив, развитию его концептуального аппарата с учетом возрастающей сложности современных обществ. Динамика развития сферы семейно-брачных отношений, экономическая эмансипация

²⁶ Wright E.O. Op. cit. P. 23–26.

женщин, внимание к индивидуальным аспектам жизненного опыта представителей различных классов привели к постепенному отказу от конвенционального подхода. Осознание роли индивидуализации в социальной динамике изменило исходную аксиоматику классового анализа. В современных реалиях каждый человек рассматривается как автономная единица классовой структуры вне зависимости от его гендерной принадлежности или семейного положения, а фокус исследовательского внимания смещается от споров о критериях классовой дифференциации к анализу реальных различий образа жизни, порожденных социальным неравенством.

К началу 1990-х гг. “класс” как исследовательская категория утратил доминирующую позицию в объяснении социального поведения, расположившись в одном ряду с такими базовыми понятиями западной социологии, как “гендер”, “раса”, “этничность” и “сексуальная ориентация”. При этом в большинстве исследований негласно постулируется, что эти понятия обладают равнозначным онтологическим статусом. Конкретные формы социального анализа, специфицирующие взаимное пересечение и взаимоналожение дискриминаций, обусловленных различиями по указанным параметрам, представлены эмпирическими исследованиями в рамках теории интерсекциональности²⁷. Фокусируясь на пересечении класса и дополнительной социальной идентичности, данные работы представляют собой убедительный ответ постмодернистским критикам, утверждающим “смерть класса” в текущих социальных условиях. Примером использования такого рода методологии является исследование М. Токарчук и Е. Фэй, посвященное женщинам-академикам с рабочим происхождением²⁸. Взаимопересечение возрастной, гендерной и классовой дифференциации проблематизируется также в работе Дж. Бетти о девочках-подростках из рабочего класса²⁹.

Гендерная и классовая проблематика встречается также в ряде работ, выполненных на стыке стратификационной теории и поля исследований жизненного пути (*life course studies*). Например, Дж. Голдштейн и С. Кенни, анализируя брачное поведение женщин, приходят к выводу об усиливающейся диверсификации жизненных паттернов, свидетельствующих об инверсии традиционных классовых различий. Согласно их данным, афроамериканские женщины, не окончившие колледж, имеют наименьшую вероятность вступления в брак, в то время как шансы белых образованных женщин на замужество в

²⁷ McCall L. The complexity of intersectionality // *Journal of Women in Culture and Society*. 2005. N 30 (3). P. 1771–1800.

²⁸ Working-class women in the academy: laborers in the knowledge factory / Ed. by M.M. Tokarczyk, E.A. Fay. Amherst, 1993.

²⁹ Bettie J. *Women without class: girls, race, and identity*. Berkeley, 2003.

последнее время возрастают. Наблюдаемая тенденция разрушения связи социального класса с нормативно закрепленными паттернами демографического поведения женщин (рабочий класс — раннее замужество и многодетность, средний класс — преимущественное внимание образованию и карьере, более позднее замужество, меньшее количество детей) приводит авторов к довольно популярному на рубеже 1990–2000-х гг. выводу о “конце классов”³⁰.

Вместе с тем, большинство современных исследований, акцентирующих проблематику неравенства, сохраняют исходное допущение о различиях образа жизни и нормативных жизненных паттернов женщин среднего и рабочего класса. Например, исследователи отмечают сохранение связи подростковой беременности и классовой позиции — выходцы из расовых меньшинств в США в два и более раза чаще становятся родителями в подростковом возрасте, чем белое население³¹. Ранние беременности также имеют непосредственную корреляцию с низким социально-экономическим статусом и маргинализацией³² или могут интерпретироваться как часть социально приемлемой жизненной стратегии для низшего класса и меньшинств³³.

Совмещение подходов исследований жизненного пути, классового анализа и теории интерсекциональности позволило осуществить более глубокий социологический анализ взаимосвязи макросоциального и личностного фреймирования ключевых событий, взглянуть на жизненный путь представителей разных классов с позиции различных форм социального участия — не только в контексте институционализированных статусных переходов, но и социального взаимодействия. Подобная комбинированная методология актуализирует взгляд на жизненный путь исторически дискриминируемых групп как пространство конфликтного взаимодействия базовых жизненных траекторий, являющегося следствием несогласованного воздействия доминирующих социальных сил. Различные институты

³⁰ Goldstein J.R., Kenney C.T. Marriage delayed or marriage forgone? New cohort forecasts of first marriage for U.S. women // *American Sociological Review*. 2001. N 66. P. 506–519.

³¹ Wiltz T. Racial and ethnic disparities persist in teen pregnancy rates. N.Y., 2015. URL: <http://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/blogs/stateline/2015/3/03/racial-and-ethnic-disparities-persist-in-teen-pregnancy-rates> (accessed: 3.03.2018).

³² Boonstra H.D. What is behind the declines in teen pregnancy rates? // *Guttman Policy Review*. 2014. N 17 (3). URL: <https://www.guttmanpolicyreview.org/gpr/2014/09/what-behind-declines-teen-pregnancy-rates> (accessed: 3.03.2018).

³³ Penman-Aguilar A., Carter M., Snead M.C., Kourtis A.P. Socioeconomic disadvantage as a social determinant of teen childbearing in the U.S // *Public Health Reports*. 2013. N 128 (2 Suppl. 1). P. 5–22; Meier A., Allen G. Intimate relationship development during the transition to adulthood: differences by social class // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2008. N 119. P. 25–39.

и статусные группы производят противоречивые нормативные социальные программы человеческой жизни. Многие современные гендерные исследования подтверждают мысль Р. Бекер-Шмидт, высказанную еще в середине 1980-х. Она писала о необходимости “двойной социальной интеграции” для женщин, базирующейся на конфликтности одновременно предъявляемых обществом ролевых ожиданий — карьерная состоятельность и забота о близких. Мысль о невозможности для большинства работающих женщин выбрать одно из указанных направлений активности в качестве наиболее важного в их жизни вынесена в заголовок работы: “Одного недостаточно, оба — это слишком”³⁴.

Заключение

Гендерная проблематика в классовом анализе появляется в 1940-х гг. в работах Т. Парсонса, в последующие годы став объектом научной и общественной полемики. Уже в 1960-е гг. конвенциональный подход в его структурно-функциональном варианте был подвергнут критике за редукцию классовой дифференциации общества к структуре родственных связей, игнорирование гендерного неравенства и эксплуатации, излишнюю абстрактность классификационных схем, нивелирующую социальную и культурную субъектность людей. Первая линия критики связана с феминизмом, поставившим под сомнение конвенциональные модели социального класса, рассматривавшие структуру мужской занятости как синоним классовой структуры общества. Вторая линия критики представлена так называемым индивидуалистическим подходом к классовому анализу, сторонники которого отстаивали необходимость определения классовой позиции каждого индивида, а не семейной группы. Неомарксистские концепции также актуализировали проблематику гендерного неравенства, подчеркнув наличие отношений эксплуатации в семье, свидетельствующих о различиях социального статуса супругов. Большинство современных исследований в русле данной проблематики фокусируются на пересечении класса, гендера и дополнительной идентичности в анализе социальных характеристик и образа жизни индивидов и сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 354–380.

³⁴ *Becker-Schmidt R., Knapp G.-A., Schmidt B.* Eines ist zuwenig — beides ist zu viel. Erfahrungen von Arbeiterfrauen zwischen Familie und Fabrik. Bonn, 1984.

REFERENCES:

- Acker J.* Women and social stratification: a case of intellectual sexism // *The American Journal of Sociology*. 1973. N 78 (4). P. 936–945.
- Becker-Schmidt R., Knapp G.-A., Schmidt B.* Eines ist zuwenig — beides ist zu viel. Erfahrungen von Arbeiterfrauen zwischen Familie und Fabrik. Bonn, 1984.
- Bettie J.* Women without class: girls, race, and identity. Berkeley, 2003.
- Boonstra H.D.* What is behind the declines in teen pregnancy rates? // *Guttmacher Policy Review*. 2014. N 17 (3). URL: <https://www.guttmacher.org/gpr/2014/09/what-behind-declines-teen-pregnancy-rates> (accessed: 3.03.2018).
- Britten N., Heath A.* Women, men and social class // *Gender, Class and Work* / Ed. by E. Gamarnikow, D.H.J. Morgan, J. Purvis et al. L., 1983. P. 46–60.
- Delphy C.* Close to home: a materialist analysis of women's oppression. L., 1984.
- Erikson R.* Social class of men, women and families // *Sociology*. 1984. N 18 (4). P. 500–514.
- Erikson R., Goldthorpe J.H.* The Constant Flux: a study of class mobility in industrial societies. Oxford, 1992.
- Garnsey E.* Women's work and theories of class stratification // *Sociology*. 1978. N 12 (2). P. 223–243.
- Giddens A.* The class structure of the advanced societies. L., 1973.
- Goldstein J.R., Kenney C.T.* Marriage delayed or marriage forgone? New cohort forecasts of first marriage for U.S. women // *American Sociological Review*. 2001. N 66. P. 506–519.
- Goldthorpe J.H.* Social stratification in industrial society. Class, status, and power // *Social Stratification in Comparative Perspective* / Ed. by R. Bendix, S.M. Lipset. L., 1966.
- Goldthorpe J.H.* Women and class analysis: in defence of the conventional view // *Sociology*. 1983. N 17 (4). P. 465–488.
- Goldthorpe J.H., Hope K.* The social grading of occupations: a new approach and scale. Oxford, 1974.
- Haavio-Mannila E.* Some consequences of women's emancipation // *Journal of Marriage and the Family*. 1969. N 31 (1). P. 123–134.
- Kahl J.A.* The American class structure. N.Y., 1957.
- McCall L.* The complexity of intersectionality // *Journal of Women in Culture and Society*. 2005. N 30 (3). P. 1771–1800.
- Meier A., Allen G.* Intimate relationship development during the transition to adulthood: differences by social class // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2008. N 119. P. 25–39.
- Parsons T.* Analiticheskij podhod k teorii social'noj stratifikacii [Analytical approach to the social stratification theory] // *Parsons T. O strukture social'nogo dejstvija* [About the structure of social action]. M., 2002. P. 354–380 (in Russian).
- Penman-Aguilar A., Carter M., Snead M.C., Kourtis A.P.* Socioeconomic disadvantage as a social determinant of teen childbearing in the U.S // *Public Health Reports*. 2013. N 128 (2 Suppl. 1). P. 5–22.
- Stanworth M.* Women and class analysis: a reply to John Goldthorpe // *Sociology*. 1984. N 18 (2). P. 159–170.

Watson W.B., Barth E.A.T. Questionable assumptions in the theory of social stratification // *Pacific Sociological Review*. 1964. N 7 (1). P. 10–16.

Wiltz T. Racial and ethnic disparities persist in teen pregnancy rates. N.Y., 2015. URL: <http://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/blogs/stateline/2015/3/03/racial-and-ethnic-disparities-persist-in-teen-pregnancy-rates> (accessed: 3.03.2018).

Working-class women in the academy: laborers in the knowledge factory / Ed. by M.M. Tokarczyk, E.A. Fay. Amherst, 1993.

Zhang S. Cross-class families: a social capital perspective. A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of PhD. Birmingham, 2013.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-41-58

КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ САСКИИ САССЕН

К.Л. Грибова, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются взгляды С. Сассен на проблему глобального неравенства, представленные в работе “Выталкивание: жестокость и сложность в глобальной экономике”. Анализируется понимание исследовательницей причин и сущности процессов социального исключения в контексте глобализации, а также приводится оценка последствий данных процессов с точки зрения масштабов влияния на социальную систему. Определяется предметное поле и выявляются перспективные направления исследования, для которых работа С. Сассен представляет эвристическую ценность. Автор выделяет теоретические и методологические основания работы С. Сассен, акцентирует внимание на исследовательских приемах, позволяющих продемонстрировать неявные тенденции, которые зачастую упускаются в ходе социологического анализа. Приведенные в статье примеры иллюстрируют суть процесса “выталкивания”, характерного для конца XX — начала XXI в. Капиталистическая система, направленная на извлечение прибыли во всех областях человеческой жизнедеятельности (экономической, социальной, правовой, экологической), отличается неконтролируемым характером, в результате чего неравенство проявляется не только в непосредственном неравенстве доходов, но также способствует формированию “пространства исключенных”, состоящего из маргинализированных слоев населения (лишенных социальных пособий, мигрирующих из-за масштабного выкупа земель иностранными правительствами в производственных целях, находящихся в заключении и т.д.). Актуальным становится вопрос о выработке статистических показателей и концептуальных инструментов, которые позволили бы составить адекватное представление о реальных масштабах социального неравенства и бедности.

Ключевые слова: *неравенство, глобализация, бедность, социальное исключение, выталкивание, миграция, капитализм*

* Грибова Кристина Львовна, e-mail: k.gribova@inbox.ru

THE CONCEPTION OF SOCIAL INEQUALITY IN THE SASKIA SASSEN`S WORKS

Gribova Kristina L., Postgraduate Student, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: k.gribova@inbox.ru

The article deals with the inequality problem based on S. Sassen's work "Expulsions: brutality and complexity in the global economy", in which the researcher presents her understanding of causes and essence of social exclusion processes in globalization context and there is assessment of the consequences of these processes in terms of the extent of impact on the social system. On the basis of the modern literature analysis the author considers problems of social inequality, determinates the subject field and perspective directions of the research, in terms of which S. Sassen's work is a new and the most significant approach. The author highlights theoretical and methodological foundations of the S. Sassen's work, focusing on research techniques to demonstrate implicit trends, which are often overlooked in sociological analysis courses. The examples, given in the article, illustrates the essence of the "expulsions" process, typical for the period of the late XX century. This is a capitalist system formation time, aimed to generate profits in all areas of human life (economic, social, legal, environmental, etc.), which is characterized by an uncontrolled nature. As a result, inequality is embodied not only in direct income inequality, but also forms a whole "excluded space" consisting of marginalized groups, those who are deprived of social benefits, those who migrate because of the large-scale redemption of land by foreign governments for production purposes, those who are detained, etc. It is important to develop statistical indicators and conceptual tools that would allow, in particular, to emphasize this part of the population, and, in general, to make an adequate representation of the real scale of social inequality and poverty.

Key words: *inequality, globalization, poverty, social exclusion, expulsion, migration, capitalism*

Глобальное неравенство — одна из главных тем современной социологии, актуальность которой связана с социально-экономическим положением населения разных стран мира. Рост внимания исследователей и специалистов из различных областей к данной проблематике обусловлен стремительным увеличением масштабов неравенства и его негативных социальных последствий.

Особую научную и практическую значимость проблема неравенства приобретает в условиях глобализации, роста взаимозависимости территорий и государств и ослабления национальных границ. В связи с этим исследователи справедливо отмечают, что "мировую глобальную систему разрывает неравенство, она подобна лоскутному одеялу, состоящему из государств, которые имеют не только общие, но и противоположные интересы"¹. Таким образом, одна из самых тревожных тенденций современности заключается в том, что глобализация

¹ *Осипова Н.Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 125

сопровождается политической и экономической нестабильностью, а также ростом социального неравенства.

Глобальное социальное неравенство изучают не только представители различных наук, но и международные организации. Например, анализ причин и последствий роста доли миллиардеров в различных сферах общественной жизни изложен в докладе авторитетной консалтинговой компании и исследовательского международного агентства PwC (*PricewaterhouseCoopers*)². Особенности и тренды глобального социально-экономического расслоения рассматриваются научно-исследовательским институтом “Кредит Свисс” (*Credit Suisse*)³. Международная организация “Оксфам Интернешнл” (*Oxfam International*) ежегодно осуществляет мониторинг уровня бедности по разным регионам мира⁴.

Среди зарубежных авторов анализ данной проблематики находит свое отражение в трудах З. Баумана⁵, Д.Ю. Стиглица⁶, Х.Р. Кербо⁷, Н. Кляйн⁸ и др. Особенности теоретико-методологических аспектов социального неравенства и его проявлениям в рамках современного глобального общества посвящены работы отечественных исследователей Н.Г. Осиповой⁹, Н.Л. Поляковой¹⁰, С.С. Ярошенко¹¹, И.А. Вершининой¹², Т.С. Мартыненко¹³ и др.

² PWC. Billionaires Insights 2017: new value creators gain momentum. Retrieved 23 October 2017. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/publications/billionaires-insights.html> (accessed: 07.02.2018)

³ Global Wealth Report 2017. URL: <http://publications.credit-suisse.com/index.cfm/publikationen-shop/research-institute/global-wealth-report-2017-en/> (accessed: 07.02.2018)

⁴ Lawson M., Martin M. Commitment to reducing inequality index. Development finance international and Oxfam, 2017. . URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/rr-commitment-reduce-inequality-index-170717-en.pdf

⁵ Bauman Z. Collateral damage: social inequalities in a global age. Cambridge, 2011.

⁶ Stiglitz J.E. The price of inequality: how today's divided society endangers our future. N.Y., 2012.

⁷ Kerbo H.R. World poverty: global inequality and the modern world system. Boston, 2006.

⁸ Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М., 2009.

⁹ Osipova N.G., Polyakova N.L., Dobrinskaya D.Ye. et al. Social inequality: recent trends // Ponte. 2017. Vol. 73. N 5. P. 259–273.

¹⁰ Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28.

¹¹ Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 34–42.

¹² Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.

¹³ Мартыненко Т.С. Концепции социального неравенства в западной социологии последней трети XX — начала XXI века: дис. ... канд. социол. наук. М., 2017.

В современной социологии наблюдается смещение акцентов с проблемы неравенства на проблемы доступа и эксклюзии, в центре внимания оказываются не только непосредственная дифференциация общества по экономическому критерию, но и связанное с этим исключение из политико-правового, социального, культурного и благоприятного экологического пространства. Изучением данных аспектов глобального неравенства занимаются зарубежные исследователи (А. Турен¹⁴, Дж. Рифкин¹⁵, Р. Сеннет¹⁶, Р. Мунк¹⁷, Х. Силвер¹⁸, П. Таузенд¹⁹ и др.) и отечественные авторы (Н.Е. Тихонова²⁰, А.В. Дмитриева²¹, Т.С. Мартыненко²², В.К. Антонова²³, Т.С. Артемова²⁴ и др.).

Возрастает интерес к новым формам социального неравенства и факторам, обуславливающим его модификации в глобальном измерении. Так, проблему трансформации неравенства подробно рассматривает американский социолог Саския Сассен, которая хорошо известна благодаря своей концепции глобального города²⁵. Однако в творчестве американской исследовательницы можно выделить намного больше направлений работы. В частности, С. Сассен анализирует причины и факторы стремительного распространения бедности и социального неравенства, а также особенностей современных миграционных процессов в мире. Проблемы, на которых сосредоточивается американская исследовательница, всегда находились в центре внимания социологов. Однако С. Сассен рассматривает

¹⁴ *Touraine A.* Face à l'exclusion // *Esprit*. 1991. N 141.

¹⁵ *Rifkin J.* The age of access: the new culture of hypercapitalism, where all of life is a paid-for experience. N.Y., 2000.

¹⁶ *Sennett R.* How work destroys social inclusion // *New Statesman*. 1999. N 128. P. 25–27.

¹⁷ *Munck R.* Globalization and social exclusion: a transformationalist perspective. Bloomfield, 2005.

¹⁸ *Silver H.* Social exclusion and social solidarity: three paradigms // *International Labour Review*. 1994. Vol. 133. P. 531–578.

¹⁹ *Townsend P.* The international analysis of poverty. N.Y., 1993.

²⁰ *Тихонова Н.Е.* Социальная эксклюзия в российском обществе // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 5–17.

²¹ *Дмитриева А.В.* Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // *Социологический журнал*. 2012. № 2. С. 98–114.

²² *Мартыненко Т.С.* Понятие “доступ” как основа теорий социального неравенства в современной социологии: подход К. Черри // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 5. С. 104–106.

²³ *Антонова В.К.* Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 11. № 2. С. 151–170.

²⁴ *Артемова Т.С.* Понятие “доступ” в социологической теории Джереми Рифкина // *Социология*. 2012. № 3. С. 84–96.

Вершинина И.А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2017. № 3. С. 63.

традиционные для социологии вопросы в новом ракурсе, в контексте современности, важнейшими характеристиками которой являются глобализация и цифровизация.

В отечественной социологии практически не изучается проблема глобального неравенства в творчестве С. Сассен. Лишь немногие авторы указывают на эту тему в ее творчестве²⁶, однако, подробно ее не анализируют. Данный факт обуславливает необходимость детального исследования теории С. Сассен.

Опираясь на понятие “глобальный город”, который определяется как центр “управления мировой экономикой”²⁷, С. Сассен “фиксирует новую экономическую логику, которая начала формироваться в рамках еще активной и динамичной старой экономики”²⁸. Осмысление данных процессов и стремление концептуализировать проблемы глобальной бедности, неравенства, миграции и социального исключения находят свое отражение в работе “Выталкивание: жестокость и сложность в глобальной экономике”²⁹ (далее по тексту — “Выталкивание”).

Эвристическая ценность данной работы С. Сассен состоит в сочетании убедительной аргументации и веских эмпирических доказательств, заставляющих читателя задуматься над тем, что использование таких терминов, как “выталкивание” (выражение насильственного характера), “проигравшие” (представление о том, что некоторая группа выигрывает только в случае проигрыша другой группы) и “жестокость” (ежедневное варварское и жестокое отношение к миллионам людей) является абсолютно оправданным для описания глобального неравенства в современном мире³⁰.

С. Сассен указывает на существование радикального разрыва (*radical rupture*), выходящего далеко за рамки того, что фиксируется в более знакомых нам категориях, таких как неравенство и социальная изоляция³¹. Тем самым исследовательница настаивает на необходимости смещения внимания социологии на выявление скрытых механизмов, обуславливающих масштабы негативных социальных процессов, связанных с глобальным неравенством.

Следует отметить, что С. Сассен не только разрабатывает собственный подход, но и осуществляет подробный анализ большого

²⁶ Мартыненко Т.С. Концепции социального неравенства в западной социологии последней трети XX — начала XXI века: дис. ... канд. социол. наук. М., 2017.

²⁷ Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford. 1991. P. 34.

²⁸ Вершинина И.А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах. С. 63.

²⁹ Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. Cambridge, 2014.

³⁰ Blasi J. Comments on expulsions // ASA. Trajectories Expulsions. 2016. Spring. Vol 27. N 3. P. 70.

³¹ Torino G. Age of extraction: an interview with Saskia Sassen. URL: <http://king-sreview.co.uk/articles/interview-saskia-sassen/> (accessed: 07.02.2018).

объема эмпирических и статистических данных, что позволяет выявить глубинные причины социальных процессов и проследить общие тенденции. Изданию книги “Выталкивание” предшествовало написание ряда статей, в которых американская исследовательница разрабатывает основные идеи работы. Так, в статье “Возвращение примитивного накопления”³² С. Сассен раскрывает особенности развитого капитализма (*advanced capitalism*) и выделяет три механизма примитивного накопления, оформившегося в конце XX в.

Во-первых, это “информатизация и снижение темпов роста экономики на глобальном Севере”³³, в результате чего в таких городах, как Нью-Йорк, Париж, Лондон и Амстердам, падает роль профсоюзов в тяжелой промышленности, растет временная занятость, не предполагающая обеспечения населения социальными гарантиями.

Второй важный механизм, который С. Сассен затем подробно анализирует в работе “Выталкивание”, — это “реализация программ реструктуризации на глобальном Юге Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирной торговой организации (ВТО)”³⁴. Эти международные организации представляют собой влиятельные механизмы трансформации современного мира. С. Сассен отмечает, что “МВФ и ВТО оказывают на развивающиеся страны чрезмерное давление с целью осуществления комплекса новых стратегий, способствующих корпоративной глобализации. К их числу относятся принудительное принятие программ структурной перестройки, в том числе обеспечение открытости их экономики для иностранных фирм; ликвидация государственных дотаций для незащищенных секторов — от здравоохранения до дорожного строительства; и почти неизбежные финансовые кризисы”³⁵. Данные действия глобальных организаций определяют ориентацию на внешний рынок в качестве первостепенной цели, не учитывая при этом актуальное социально-экономическое состояние стран.

Третьим механизмом, характеризующим, по мнению С. Сассен, развитый капитализм с точки зрения инструментов примитивного накопления, становятся ипотечные кредиты для домохозяйств с низким доходом, что привело, в частности, к экономическому кризису: “Миллионы таких ипотечных кредитов были проданы в США людям, которые фактически не могли позволить себе их приобрести, особенно в период быстрого повышения процентных ставок. В результате все накопления были извлечены через

³² Sassen S. The return of primitive accumulation // *The Global 1989: Continuity and Change in World Politics*. Cambridge, 2010, 2012.

³³ Ibid. P. 53.

³⁴ Ibid. P. 54.

³⁵ Ibid.

ипотечный инструмент, и миллионы людей потеряли как свои сбережения, так и свой дом”³⁶. Спекулятивный характер подобных инструментов был завуалирован с помощью сложной, непрозрачной финансовой программы, на первый взгляд представляющей собой традиционную ипотеку.

Непосредственно в работе “Выталкивание” исследовательница сосредоточивается на анализе процесса насильственного исключения граждан из трех систем, а именно из экономической, социальной и биологической в их взаимосвязи. Одним из ключевых здесь является понятие “системный край” (*systemic edge*), вокруг которого оформляется ключевая гипотеза работы. С. Сассен выдвигает предположение о том, что «переход от кейнсианства к глобальному миру, эра приватизации, дерегулирования и открытых границ повлекли за собой переход от динамики “включения” людей к динамике их выталкивания»³⁷. Американская исследовательница последовательно осуществляет причинно-следственный анализ данного процесса и рассматривает конкретные его проявления. Процесс выталкивания представляется С. Сассен не просто как результат решений и действий отдельно взятых людей или правительств, а как следствие функционирования финансово-экономической системы, тенденций ее развития на локальном и региональном уровнях.

Американская исследовательница опирается на системный и сетевой анализ (М. Кастельс³⁸, Н. Луман³⁹, М. Манн⁴⁰ и др.) и рассматривает “систему” как совокупность конкретных финансово-экономических образований, режимов и процедур (например, капиталистическая система, кейнсианская система и т.д.), так и в контексте описания сложных динамических отношений между элементами на локальном и глобальном уровнях, имеющих особые системные свойства. Понимая систему таким образом, С. Сассен отмечает, что “система, способная концентрировать богатства, отличается, например, от системы, способной генерировать рост доли обеспеченных рабочих и среднего класса, как это происходило в течение большей части XX в. на глобальном Севере, в Латинской Америке и в ряде африканских стран, в частности в Сомали. Эта система была далеко не совершенной: существовало неравенство, концентрация богатства, нищета, расизм и многое другое. Но это была система, способная

³⁶ Sassen S. The return of primitive accumulation. P. 55.

³⁷ Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. Cambridge, 2014. P. 211.

³⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

³⁹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.

⁴⁰ Mann M. Societies as organized power networks. Vol. 1. A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1986.

генерировать растущий средний сектор, который продолжал расширяться в течение нескольких поколений”⁴¹.

Исследовательница уделяет особое внимание анализу отдельных случаев, стремясь на примерах конкретных кейсов проиллюстрировать проблемы, рассматриваемые в книге. Например, С. Сассен подробно анализирует неблагоприятную экологическую обстановку в таких городах, как Норильск (Россия), Таймс-Бич (США, Миссури), Сумгаит (Азербайджан), Ранипет (Индия) и др.⁴². Исследовательница приходит к выводу о существовании особой экологической формы “выталкивания” как следствия неконтролируемого и неограниченного использования природных ресурсов (земли, воды и воздуха) в целях удовлетворения потребностей глобального рынка.

Важным методологическим ходом здесь является стремление С. Сассен к теоретическому обобщению данных, акцент на процессах, которые являются, с одной стороны, специфичными для каждой отдельно взятой страны, но с другой стороны (и что более важно) — могут проявляться во всех странах, обнаруживая общие тенденции трансформаций на мировом, наднациональном уровне.

Анализируя темпы экономического роста и уровень безработицы в различных странах, исследовательница приходит к следующему выводу: “...то, что принимает крайнюю форму в Греции, и в некоторой степени в Португалии и Испании, вполне может также присутствовать в других странах еврозоны и за ее пределами. Это могло бы свидетельствовать о более глубоком структурном состоянии в фазе развитого капитализма, который возник в 1980-х гг. и оформился в 1990-х гг. Объяснение не должно ограничиваться исключительными условиями, такими как, например, бедность и коррупция в Греции, а должно учитывать структурные особенности политической экономики, присутствующие на всей территории Европейского Союза”⁴³. Другими словами, С. Сассен подчеркивает всеобщий характер выявленных тенденций и возможное сходство стран с различными, на первый взгляд, социально-экономическими и политико-правовыми условиями.

“Выталкивание” исследовательница рассматривает как вид социальной эксклюзии: “Для тех, кто находится на социальном дне или составляет малообеспеченную середину, выталкивание означает исключение из жизненного пространства; для тех, кто составляет верхушку общества, оно означает уход от ответственности вследствие самоустранения от участия в решении проблем, крайней концентра-

⁴¹ *Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. P. 14.*

⁴² *Ibid. P. 149–173.*

⁴³ *Ibid. P. 37*

ции богатства, имеющегося в обществе, и отсутствия стремления к перераспределению этих материальных благ”⁴⁴. Иными словами, сущность процесса выталкивания представляется чем-то большим, нежели просто то, что фиксируется в традиционных терминах неравенства и бедности. Данный тип социального исключения, как считает С. Сассен, характерен сегодня для всех слоев населения.

Специфическим содержанием исследовательница наделяет также понятие “финансов” (*finance*) как одной из главных движущих сил социальных процессов: “Я рассматриваю финансы как сложную совокупность субъектов, возможностей и функциональных пространств. Элементы — это совокупность функций как концептуально скрытой динамики, которую я рассматриваю в этой книге. Финансы могут принимать различные формы и адаптироваться к институциональным условиям, таким как Китай и США, с такими инструментами, как секьюритизация кредитов и дефолтные свопы. Но суть данного разнообразия сводится к одному — к финансиализации долга и активов фирм, владельцев домов и правительств независимо от геополитической суверенной власти, правовой системы, отношений между государством и экономикой или экономического сектора. Финансы можно рассматривать как способность секьюритизировать практически все в экономике и при этом подчинять экономику и правительства своим собственным критериям оценки успеха”⁴⁵, — заключает С. Сассен.

Экономический аспект выталкивания американская исследовательница рассматривает на примере глобального Севера и глобального Юга. При этом С. Сассен осуществляет анализ стран и городов с учетом глобальных тенденций, обуславливающих условность проведения территориально-административных границ и правомерность задействования подобного разделения исключительно в качестве исследовательского инструмента. В работах С. Сассен формируется география, которая “преодолеывает национальные границы и традиционное деление на Север-Юг, но, при этом, следует определенным векторам. Она предполагает не только масштабные движения капитала, имеющие место в этой глобальной сети, но и трансмиграцию людей, как состоятельных, то есть высококвалифицированных специалистов транснациональных компаний, так и бедных, то есть трудовых мигрантов”⁴⁶. В данном случае исследовательница подчеркивает факт формирования пространства нового типа, орга-

⁴⁴ Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. P. 15.

⁴⁵ Ibid. P. 119.

⁴⁶ Сассен С. Город как призма для социальной теории: новые исследовательские перспективы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 86.

низованного посредством перемещения потоков материального и нематериального капиталов.

Американская исследовательница приводит данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР⁴⁷), свидетельствующие о высоком уровне бедности и неравенства в развитых странах. В частности, в США “резко возросла диспропорция между верхним и нижним слоями: доля доходов, приходящаяся на верхние 10% населения США, резко возросла с 1980-х годов, в то время как среди нижних 90% наблюдался скромный рост за тот же период времени. В Соединенных Штатах в период с 1979 по 2006 г. (прямо перед кризисом) заработная плата работников увеличилась на 144%, а в нижних слоях у 90% работников заработная плата возросла всего на 15% за тот же период”⁴⁸.

Однако свою задачу С. Сассен видит не просто в констатации известной информации, а в раскрытии связей и комбинаций элементов системы, трансформация которых привела к тому, что в дальнейшем исследовательница описывает как сокращение экономик (*shrinking economies*). Если предшествующая социально-экономическая модель, основанная на массовом производстве, обеспечивала благоприятные условия для оформления среднего класса (организация работников в профсоюзы, высокие заработные платы и социальные пособия и т.д.), то к 1990-му г. происходит резкая переориентация на “расширение способов извлечения прибыли даже в неприспособленных для этого областях”⁴⁹.

Исследовательница выделяет два типа логики, одна из которых является имманентным свойством самой системы, другая — порождается системными элементами, в терминологии С. Сассен “хищническими образованиями” (*predatory formations*). В первом случае речь идет о приватизации и снятии тарифов на импорт: “В капиталистических экономиках это проявляется в неурегулированности и демаркации существующих фискальных и денежных механизмов, хотя и с переменной степенью интенсивности в разных странах”⁵⁰.

Так, на примере Греции и других стран С. Сассен демонстрирует, как политика реструктуризации, проводимая МВФ, Всемирным банком и ВТО, влияет на социально-экономическую политику страны, строго говоря, “навязывая” определенные стандарты без учета анализа реальных проблем, стоящих перед населением. “Среди наиболее известных из этих квази-норм были контроль инфляции, даже если это означало жертвование экономическим ростом и занятостью, сокращение явных государственных растрат практически любой ценой;

⁴⁷ OECD. URL: <http://www.oecd.org/> (accessed: 07.02.2018).

⁴⁸ Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. P. 33.

⁴⁹ Ibid. P. 18.

⁵⁰ Ibid.

погашение долга, даже если это означало сокращение социальных пособий, здравоохранения и развития инфраструктуры; и приватизация всех основных функций обслуживания, от телекоммуникаций до банковского дела”⁵¹. Греция вследствие экономических проблем столкнулась и с политическими противоречиями⁵², что стало угрозой стабильности не только для отдельной страны, но и для ЕС и мирового сообщества в целом.

При этом С. Сассен акцентирует внимание на важной проблеме несоответствия реальной социально-экономической ситуации страны и формальных показателей, которые фиксируют только те элементы, которые будут внешне свидетельствовать о стабильной государственной обстановке: “Рецессия Греции, вступающая в пятый год в 2012 г., углубляется в результате первостепенной важности погашения задолженности, сокращения рабочих мест, сокращения социальных программ и повышения налогов. Эта политика продолжает усиливаться, и греческое правительство регулярно объявляет о дальнейших сокращениях: например, было объявлено о сокращении минимальной заработной платы в конце 2012 г. на 22%, об отмене постоянных рабочих мест на государственных предприятиях и ликвидации еще 150 000 рабочих мест в государственном секторе к 2015 г.”⁵³ При этом, формальные, общепризнанные показатели (которые, как считает С. Сассен, являются неадекватными для отражения существующих экономических и социальных реалий) свидетельствуют об умеренном экономическом росте Греции с конца 2014 г.⁵⁴

Иными словами, подобное навязывание стандартов развития привело к появлению так называемых проигравших государств (*failed states*), возможности которых в рамках глобального экономического и информационного пространства стремительно снижаются.

Суть упомянутой выше тенденции сокращения экономик заключается в несовершенстве стандартных экономических показателей, определяющих круг элементов экономического пространства, намеренно сужая данный перечень для достижения определенных показателей. Так, Верховная комиссия Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) в системе подсчета мигрантов не учитывает лиц, “перемещенных из-за крупномасштабных приобретений земель иностранными правительствами и фирмами на глобальном Юге, перемещенных лиц на глобальном Севере из-за

⁵¹ Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. P. 84.

⁵² Курбанов А.П. Манифестация исторической памяти в политической практике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 200–214.

⁵³ Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. P. 41.

⁵⁴ The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/> (accessed: 07.02.2018).

финансовых манипуляций с их долгами, или перемещенных лиц в результате катастрофического изменения климата во всем мире”⁵⁵. Таким образом, сегодняшние статистические показатели и инструменты не позволяют осуществлять адекватное социальное измерение, что приводит к недооценке масштабов глобального неравенства и, как следствие, невозможности повлиять на ситуацию.

Среди других конкретных проявлений процесса выталкивания наряду с безработицей (в частности, среди молодежи), исследовательница указывает на рост неустойчивости рынка труда вследствие распространения вынужденного неполного рабочего дня. Безусловный интерес представляют социальные последствия таких процессов и явлений, как принудительная эмиграция и бедность, потеря права выкупа (*foreclosures*), лишение свободы. С. Сассен выделяет три проявления последней формы выталкивания:

1. Стремительный рост числа заключенных, что особенно характерно для США, где за последние четыре десятилетия численность заключенных увеличилась на 600%; 2,3 миллиона заключенных США составляют четверть от всех заключенных в мире.

2. Социальной эксклюзии подвергаются те, кто находится под той или иной формой длительного исправительного надзора. При этом, по мнению исследовательницы, статистические показатели расчета количества заключенных также являются зачастую некорректными, так как не учитывают условно или досрочно освобожденных граждан или другие подобные формы тюремного наблюдения. Таким образом, наблюдение, осуществляемое за пределами тюрьмы, становится важным механизмом социальной изоляции, которая может стать еще одним механизмом выталкивания.

3. Приватизация пенитенциарных учреждений и, в частности, распространения частных тюрем в странах Европы (Бельгия, Чехия, Франция, Германия, Венгрия, Франция и т.д.) и США. В данном случае вновь прослеживается логика примитивного накопления, ориентированная на извлечение прибыли из чуждых для подобных целей ситуаций. Так, в тюрьмах США произошел переход от системы возмещения расходов к системе фиксированной ставки суточных, в соответствии с которой тюрьма получает фиксированную плату за содержание одного заключенного в день, вследствие чего федеральное правительство начало арендовать кровати в тюрьмах для размещения федеральных заключенных. Кроме того, прибыль частных тюрем могла представляться в качестве прироста к ВВП страны, тюрьмы становятся корпоративным бизнесом, логика которого не отличается от логики владельца мотеля, а именно — заполнить кровати, — цель

⁵⁵ Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. P. 55.

может быть только одна: заключать в тюрьму больше людей и держать их там как можно дольше⁵⁶.

Еще одним важным проявлением логики системы “хищнических образований” является резкий рост приобретений иностранными корпорациями или правительствами больших участков земли в производственных целях (выращивание пальм для биотоплива). Данный процесс прироста иностранной собственности начал интенсифицироваться после 2006 г. и, по мнению исследовательницы, стал катализатором значительных изменений характера местной экономики, особенно земельной собственности, что ведет к подрыву суверенитета государства на его территории.

Следствием становится формирование “нового глобального рынка земли” (*New Global Market for Land*), влекущего за собой негативные социальные последствия, которые С. Сассен подробно рассматривает в работе на примере разных стран: “Миллионы бразильских мелких фермеров были изгнаны со своих земель, которые были захвачены под обширные плантации сои, производимой на экспорт. Одним из результатов был голод в тех районах, где раньше он был незначительным. И у многих фермеров не было иного выбора, кроме как мигрировать в трущобы крупных городов”⁵⁷. В подобных случаях логика глобального рынка не учитывает интересы местного населения.

Вместе с тем, американская исследовательница отмечает возможные преимущества данного процесса крупномасштабных иностранных земельных приобретений, которые могут послужить созданию большого числа рабочих мест и экономического благосостояния, особенно если такие приобретения направлены на защиту прав трудящихся и обеспечение экологической устойчивости. Но сегодняшние тенденции не обещают многого в этом направлении: это “история изгнания людей, местной экономики и уничтожения биосферы”⁵⁸. Когда корпорация или иностранное правительство приобретает большой участок земли для реализации производственных целей, оно наносит вред окружающей среде, “изгоняет” мелких фермеров, сельские производственные предприятия и многое другое. Но с точки зрения формальных показателей результаты данного процесса направлены на создание образа преуспевающей, сильной экономики, свидетельствуют об увеличении ВВП страны и т.д.

Таким образом, неравенство — это не только разница в доходах, но и ограничение доступа к важным ресурсам и исключенность/выталкивание из глобальной экономики, из жизненного пространства

⁵⁶ Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. P. 64–68.

⁵⁷ Ibid. P. 82.

⁵⁸ Ibid. P. 77.

в целом. Традиционно в центре внимания социологов находится экономическое неравенство, однако, в последнее время актуальность приобретает и анализ других его форм. С. Сассен акцентирует внимание на пространственном, экологическом и других типах.

Работа “Выталкивание” представляет собой комплексное исследование, в рамках которого С. Сассен пытается по-новому взглянуть на проблемы, сопровождающие человечество на протяжении всей его истории. Задача заключается в том, чтобы проанализировать “выталкивание”, ведущее к новым формам социального неравенства. Однако исследовательница отмечает необходимость дальнейшего рассмотрения того, что из себя представляет пространство исключенных, ставшее результатом процесса выталкивания.

Сегодня работы С. Сассен обсуждаются научным сообществом, высказываются альтернативные мнения, даются различные оценки результатов ее исследования. В частности, критики отмечают неясность рекомендаций и путей решения проблем социального исключения, которые предлагает американская исследовательница: «С. Сассен указывает на “усиление местных демократий”. Какие реформы тогда необходимы для того, чтобы направить власть демократического большинства? С одной стороны, она, кажется, указывает на определенный детерминизм, согласно которому политическая власть просто не в состоянии преодолеть силу глобальных корпораций. С другой стороны, если найдется способ расширить владение капиталом в экономике, эта новая сила собственности, возможно, сможет более эффективно выстроить политику и корпоративную власть. В будущем С. Сассен нужно будет разобраться в этом более подробно»⁵⁹.

Вместе с тем, исследователи отмечают, что труд “Выталкивание” представляет собой выход на новый уровень теоретического обобщения. В этом смысле работу “Территория, власть и права: от средневековых до глобальных ассоциаций”⁶⁰ можно рассматривать как необходимый, но промежуточный труд, который «явно помог С. Сассен продвинуться вперед в уточнении методологии. Она сохраняет старые концепции и, вместе с тем, разрабатывает новые взаимодополняющие подходы, которые позволяют нам видеть то, что она называет “подземным”»⁶¹.

Сегодня С. Сассен является одним из самых влиятельных социологов, ведущих активную работу в сфере исследования актуальных

⁵⁹ *Blasi J.* Comments on expulsions. P. 75.

⁶⁰ *Sassen S.* Territory, authority, rights: from medieval to global assemblages. Princeton, 2006.

⁶¹ *Kennedy M.D.* Centering the edge in the shift from inequality to expulsion // *Contemporary Sociology*. 2016. N 44. 1. P. 12.

проблем глобализированного мира. Дальнейшее изучение ее идей поможет лучше понять современное экономическое и социальное пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова В.К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 151–170.

Артемova Т.С. Понятие “доступ” в социологической теории Джереми Рифкина // Социология. 2012. № 3. С. 84–96.

Вершинина И.А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 58–76.

Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.

Дмитриева А.В. Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 98–114.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М., 2009.

Курбанов А.Р. Манифестация исторической памяти в политической практике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 200–214.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.

Мартыненко Т.С. Понятие “доступ” как основа теорий социального неравенства в современной социологии: подход К. Черри // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5. С. 104–106.

Мартыненко Т.С. Концепции социального неравенства в западной социологии последней трети XX — начала XXI века: дис. ... канд. социол. наук. М., 2017.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2.

Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28.

Сассен С. Город как призма для социальной теории: новые исследовательские перспективы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. Вып. 4.

Тихонова Н.Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 5–17.

Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 34–42.

REFERENCES

- OECD. URL: <http://www.oecd.org/> (accessed: 07.02.2018).
- PWC. Billionaires Insights 2017: New value creators gain momentum. Retrieved 23 October 2017. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/publications/billionaires-insights.html> (accessed: 07.02.2018).
- Antonova V.K.* Koncepty social'noj inklyuzii i ehksklyuzii v global'nom obshchestve: dreyf po social'nym institutam, aktoram i praktikam [The concepts of social inclusion and exclusion in global society: a journey within social institutions, actors and practices] // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki [The Journal of Social policy Studies]. Vol. 11. N 2. P. 151–170 (in Russian).
- Artemova T.S.* Ponyatie dostup v sociologicheskoy teorii Dzheremi Rifkina. [The concept “access” in Jeremy Rifkin’s sociological theory] // Sociologiya [Sociology]. 2012. N 3. P. 84–96 (in Russian).
- Bauman Z.* Collateral damage: social inequalities in a global age. Cambridge, 2011.
- Blasi J.* Comments on expulsions // ASA. Trajectories Expulsions. 2016. Spring. Vol 27. N 3.
- Castells M.* The information age: economy, society and culture. Vol. I–II. Oxford, 2000.
- Dmitrieva A.V.* Social'noe vklyuchenie/isklyuchenie kak princip strukturacii sovremennogo obshchestva [Social inclusion/exclusion as a principle of structuration of modern society] // Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2012. N 2. P. 98–114 (in Russian).
- Global Wealth Report 2017. URL: <http://publications.credit-suisse.com/index.cfm/publikationen-shop/research-institute/global-wealth-report-2017-en/> (accessed: 07.02.2018)
- Kennedy M. D.* Centering the edge in the shift from inequality to expulsion // Contemporary Sociology. 2016. Vol. 44. N 1.
- Kerbo H. R.* World poverty: global inequality and the modern world system. Boston, 2006.
- Klyajn N.* Doktrina shoka. Rascvet kapitalizma katastrof [The shock doctrine: the rise of disaster capitalism]. M., 2009 (in Russian).
- Kurbanov A.R.* Manifestaciya istoricheskoy pamyati v politicheskoy praktike [The manifestation of historical memory in political practice] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2016. N 1. P. 200–214 (in Russian).
- Lawson M., Martin M.* Commitment to reducing inequality index. Development finance international and Oxfam, 2017. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/rr-commitment-reduce-inequality-index-170717-en.pdf
- Luman N.* Social'nye sistemy. Ocherk obshchej teorii [Social systems. Essay on the general theory]. SPb., 2007 (in Russian).
- Mann M.* Societies as organized power networks. Vol. 1. A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1986.
- Martynenko T.S.* Ponyatie dostup kak osnova teorii social'nogo neravenstva v sovremennoj sociologii: podhod K. Cherri [The concept “access” as a basis of

contemporary theories of social inequality in sociology: Collin Cherry's approach // *Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social Sciences]. 2014. N 5. P. 104–106 (in Russian).

Martynenko T.S. Konceptii social'nogo neravenstva v zapadnoj sociologii poslednej treti HKH — nachala XXI veka: dis. ... kand. sociol. nauk [The concepts of social inequality in Western sociology of the last third of XX — beginning of XXI century: dis. ... cand. sociology. Sciences']. M., 2017 (in Russian).

Munck R. Globalization and social exclusion: a transformationalist perspective. Bloomfield, 2005.

Osipova N.G. Neravenstvo v ehpohe globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [The inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18]. 2014. N 2 (in Russian).

Osipova N.G., Polyakova N.L., Dobrinskaya D.Ye. et al. Social inequality: Recent trends // *Ponte*. 2017. Vol. 73. N 5. P. 259–273.

Polyakova N.L. Social'noe neravenstvo v sociologicheskikh teoriyah vtoroj poloviny XX v. Oformlenie konstruktivistskoj perspektivy [Sociological theories of social inequality in the second part of 20th century. constructivist perspective] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series]. 2015. N 1. P. 5–28 (in Russian).

Raker E. Review: "Expulsions: brutality and complexity in the global economy". URL: <http://www.helvidius.org/2014/10/01/review-expulsions-brutality-and-complexity-in-the-global-economy/> (accessed: 07.02.2018).

Rifkin J. The age of access: the new culture of hypercapitalism, where all of life is a paid-for experience. N.Y., 2000.

Sassen S. Territory, authority, rights: from medieval to global assemblages. Princeton, 2006.

Sassen S. The return of primitive accumulation // *The Global 1989: Continuity and Change in World Politics*. Cambridge, 2010, 2012.

Sassen S. Gorod kak prizma dlya social'noj teorii: novye issledovatel'skie perspektivy [The city as a prism for social theory: new research prospects] // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences]. 2013. Vol. 13. N 4 (in Russian).

Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. Cambridge, 2014.

Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 1991.

Sennett R. How work destroys social inclusion // *New Statesman*. 1999. N 128. P. 25–27.

Silver H. Social exclusion and social solidarity: three paradigms // *International Labour Review*. 1994. Vol. 133. P. 531–578.

Stiglitz J.E. The price of inequality: how today's divided society endangers our future. N.Y., 2012.

The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/> (accessed: 07.02.2018).

Tihonova N.E. Social'naya ehksklyuziya v rossijskom obshchestve [Social exclusion in Russian society] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and modernity]. 2002. N 6. P. 5–17 (in Russian).

Torino G. Age of extraction: an interview with Saskia Sassen. URL: <http://kingsreview.co.uk/articles/interview-saskia-sassen/> (accessed: 07.02.2018).

Touraine A. Face à l'exclusion // Esprit. 1991. N 141.

Townsend P. The international analysis of poverty. N.Y., 1993.

Vershinina I.A. Lokalizaciya mirovoj ehkonomicheskoy sistemy v global'nyh gorodah [Localization of the global economic system in global cities] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2017. N 3. P. 58–76 (in Russian).

Vershinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo v sovremennom mire: obzor mezhdunarodnyh dokladov [Inequality in the modern world: a review of international reports] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2016. N 3. P. 74–91 (in Russian).

Yaroshenko S.S. Chetyre sociologicheskikh ob'yasneniya bednosti [Four sociological explanations of poverty] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2006. N 7. P. 34–42 (in Russian).

ОБЩЕСТВО И ПРОЦЕСС СЕТЕВИЗАЦИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-59-79

СООБЩЕСТВА В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

Д.Е. Добринская, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Трансформационный потенциал интернет-технологий сегодня неоспорим. Это касается всех сфер общественной жизни, и это, безусловно, отражается на множестве социальных практик и социальных взаимодействий. В фокусе социологов находятся проблемы, которые так или иначе связаны с влиянием интернета на общество. Без внимания не остались и современные сообщества. Какова их природа, их формы и особенности функционирования? Речь идет о том, чтобы понять, являются ли современные сообщества принципиально новым типом социальных объединений или же интернет-технологии обеспечивают лишь дополнительные инструменты для продолжения взаимодействий, характерных для традиционных сообществ. В статье осуществлен историко-социологический анализ понятия "сообщество". Особое внимание уделяется различным подходам к определению современных сообществ и их типов. Рассматривая интернет-пространство как новое социальное пространство и интернет как революционное средство коммуникации, предлагается осуществить анализ виртуальных сообществ с точки зрения наличия или отсутствия у этих сообществ альтернативных традиционным сообществам характеристик. В заключении делается вывод о том, что для современных сообществ характерны процессы гибридизации, под которыми подразумевается фактическое объединение свойств реальных и виртуальных сообществ.

Ключевые слова: сообщество, виртуальное сообщество, интернет, киберпространство, современная социологическая теория, гибридизация.

COMMUNITIES IN THE AGE OF INTERNET

Dobrinskaya Darya E., PhD in Sociological Sciences, Associate Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

The transformational potential of Internet technologies is undeniable today. This applies to all spheres of social life, and this, of course, affects a variety of social

* Добринская Дарья Егоровна, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

practices and social interactions. In the focus of sociologists there are problems that are somehow connected with the influence of the Internet on society. Modern communities are also under scrutiny. What is their nature, their forms and features of functioning? It's about understanding whether modern communities are a fundamentally new type of social association or whether Internet technologies provide only additional tools for continuing the interactions that are characteristic of traditional communities. The article carries out the historical-sociological analysis of the concept of "community". Various approaches to the definition of modern communities and their types are analyzed. Considering the Internet space as a new social space and the Internet as a revolutionary means of communication, it is proposed to carry out an analysis of virtual communities in terms of the presence or absence of characteristics in these communities that are alternative to traditional communities. The conclusion is made that the processes of hybridization are typical for modern communities, which implies the actual consolidation of the properties of real and virtual communities.

Key words: *community, virtual community, Internet, cyberspace, modern sociological theory, hybridization.*

Цель данной статьи — выявить специфику концептуализации сообществ в рамках современных социологических исследований. Для уточнения понятийной специфики современных сообществ вводится понятие “гибридизация”, что означает фактическое объединение черт реальных и виртуальных сообществ. Киберпространство как пространство интернет-технологий становится полем функционирования виртуальных сообществ. В то же время интернет-технологии расширили коммуникационные возможности взаимодействия в рамках традиционных сообществ.

Понятие “сообщество” в истории социологии

Сообщества всегда находились под пристальным вниманием социальных мыслителей. В социологической литературе, посвященной исследованию сообществ, представлено большое число различных дефиниций этого понятия. Попытки прийти к общему, признаваемому представителями различных методологических подходов, определению не увенчались успехом, а выработать единую интерпретативную схему для социологического определения “сообщества” исследователям не удалось.

Первые упоминания о сообществах относятся к XIV в.¹ Анализируя этимологию английского слова “community”, Р. Уилльямс указывает на то, что оно происходит от старофранцузского “communité”, латинского “communitatem”, что означает “сообщество отношений

¹ См. об этом: *Giddens A., Sutton P. W. Essential concepts in sociology. Cambridge, 2017; Williams R. Keywords: a vocabulary of culture and society. N.Y., 1985.*

или чувств”. Данное понятие может использоваться для определения реальных социальных групп (к примеру, людей одного социального ранга, представителей одного государства или жителей определенного района). Под сообществом также понимается общий смысл взаимодействия (сообщества по интересам или общность имущества). О сообществах говорят и как об особом качестве отношений, к примеру общей идентичности².

С течением времени изменяется смысл данного понятия. И если изначально оно использовалось для того, чтобы различать представителей различных сословий, то в XVIII в. слово “сообщество” стали употреблять для описания групп людей, проживающих в определенном районе, а также для описания групп индивидов со схожими интересами. В XIX в. отношения в небольших местных сообществах стали отличать от весьма сложных по своей внутренней структуре индустриальных обществ³. Внимание социологов XIX в. к концептуализации сообществ объясняется тем обстоятельством, что в этот период оформляется и происходит активный процесс становления обществ модерна, сопровождающийся интенсивной урбанизацией и индустриализацией. “Всякая доверительная, сокровенная, исключительная совместная жизнь (как мы находим) понимается как жизнь в общности. Общество же — это публичность, мир”⁴.

Для представителей Чикагской школы в социологии (Р. Парк, Л. Вирт, Э. Берджесс) анализ вопросов, связанных с организацией сообщества и его внутренней структурой, являлся одним из ключевых. Определяющим фактором образования любого сообщества, по мнению этих исследователей, выступало соседство, территориальная близость, поскольку именно физическое пространство является основой для организации любого социального действия. Изучение сообществ, составляющих ткань городской жизни, являлось для представителей Чикагской школы серьезной задачей. Для Р.Э. Парка, в частности, такие исследования были наилучшим способом “отслеживать основные трансформации общества и диагностировать проблемы, требующие скорейшего разрешения”⁵. Парк определял сообщество как “собрание людей, занимающих более или менее четко определенную область”⁶. При этом далее он уточняет, что сообще-

² *Williams R.* Op. cit. P. 75.

³ *Giddens A., Sutton P.W.* Op. cit.

⁴ *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002. С.10.

⁵ *Вершинина И.А.* Социологическая урбанистика: история и основные направления современных исследований // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2018. С. 243.

⁶ *Парк Р.Э.* Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 14.

ство представляет собой не просто совокупность индивидов, но, прежде всего, сообщество является собранием институтов. Не люди, но “институты являются конечным и решающим фактором, отличающим сообщество от других социальных констелляций”⁷. Благодаря новым средствам коммуникации умножаются и вместе с тем усложняются социальные отношения⁸. В связи с этим Л. Вирт, описывая процессы урбанизации, отмечает, что “в сообществе, численность индивидов в котором превосходит предел, при котором каждый может близко знать любого другого и все могут собраться в одном месте, возникает потребность в опосредованной коммуникации”⁹. Л. Вирт фактически говорит об изменениях, которые будут характерны для современной цивилизации, что проявляется в “новых тенденциях развития системы коммуникации и в той технологии производства и распределения, которые возникают”¹⁰. Речь идет о том, что представители Чикагской школы демонстрируют понимание того, что отношения в сообществах со временем будут приобретать иные формы благодаря новым средствам коммуникации, что позволяет говорить о первых попытках “выхода” за территориальные границы сообщества.

В 1955 г. Дж. Гиллери, проанализировав 94 определения понятия “сообщество” в работе “Определение сообщества: области согласия”¹¹, пришел к выводу, что в большом разнообразии теоретических подходов к его анализу обнаруживается лишь один общий элемент, который присутствует во всех концептуализациях. Этим элементом являются люди¹². Э. Гидденс и Ф. Саттон также отмечают спорный характер определения термина “сообщество”, предлагая понимать под сообществом “группу людей, проживающих на определенной территории или имеющих общие интересы и систематически взаимодействующих между собой”¹³.

В широком смысле сообщество определяют “как совокупность социальных отношений, связанных, как правило, с наличием у всех членов сообщества общей идентичности”¹⁴. В Российской социоло-

⁷ Парк Р.Э. Указ. соч. С. 14.

⁸ Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 16.

⁹ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 117.

¹⁰ Там же.

¹¹ Hillery G.A. Definitions of community: areas of agreement // Rural Sociology. 1955. N 20. P. 111–123.

¹² A dictionary of sociology / Ed. by J. Scott. Oxford, 2014. P. 104.

¹³ Giddens A., Sutton P.W. Op. cit.

¹⁴ A dictionary of sociology. P. 103.

гической энциклопедии сообщество определяется как “объединение индивидов, имеющих общие цели”¹⁵.

Можно приводить большое число различных определений “сообщества”, но так или иначе, в традиционном его значении будут содержаться вместе или выборочно указания на условия территориальной близости, наличие социальных связей и разделяемое всеми членами чувство принадлежности к сообществу.

В конце прошлого столетия независимо друг от друга и примерно в одно и то же время несколько мыслителей совершили переворот в области понимания сообществ. “Концептуальная революция” началась в 1983 г. с публикации работы Б. Андерсона “Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма”¹⁶, в которой был выдвинут тезис о том, что все нации представляют собой “воображаемые сообщества”, “поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности”¹⁷. В 1985 г. вышла в свет работа антрополога Э.П. Коэна “Символическое конструирование сообщества”¹⁸, где образование сообществ описывалось через существование его символических границ, которые определяют смысл существования сообщества и отличают его от других. Новая перспектива анализа сообществ стала весьма популярной среди исследователей, а с распространением продуктов информационно-коммуникационной революции определение сообществ на основании территориальной общности было подвергнуто серьезной критике.

Проблематика организации и функционирования сообществ в современном социологическом дискурсе является весьма распространенной темой. В частности, большое число исследований посвящено определению специфики современных сообществ. В этой связи интересно исследование Дж. Каца, Р. Райса и их коллег, в котором в результате анализа различных теоретических и эмпирических подходов к исследованию сообществ, авторы представляют в систематизированном виде ключевые характеристики двух типов сообществ — физических и виртуальных. Такое деление весьма условно и объясняется авторами аналитической целесообразностью. Именно поэтому эти типы представляют собой скорее идеально-типические

¹⁵ Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипов. М., 1998. С. 476.

¹⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

¹⁷ Там же. С. 30.

¹⁸ Cohen A.P. The symbolic construction of community. L., 1985.

конструкции (используя терминологию М. Вебера). Физические сообщества могут существовать только благодаря присутствию индивидов в одном физическом пространстве. Как было показано выше, так определяют сообщества, к примеру, представители Чикагской школы. Детерминирующее значение физических оснований сообщества доминировало на протяжении практически всего XX в. Согласно такому определению, каждое сообщество занимает свое физическое пространство и окружено другими сообществами, а члены физического сообщества живут в условиях взаимозависимости и высокого уровня солидарности. Авторы выделяют ряд специфических черт физических сообществ, среди которых границы, отделяющие одно сообщество от других, наличие межличностных связей и коммуникаций лицом-к-лицу, высокий уровень влияния на поведение индивидов внутри сообщества, информационное воздействие, непосредственная близость участников сообщества, ограниченный размер, как правило, небольшой, стабильные интеракции между членами сообщества, доверие, общее происхождение/память, равенство, идентичность, общие потребности и ценности и т.д.¹⁹

Развитие системы транспортных коммуникаций, а также средств связи расширило возможности для общения и поддержания отношений на далеких расстояниях. Сообщества перестали рассматриваться лишь как группы, связанные плотной сетью отношений на определенной территории²⁰. И если физические сообщества функционируют благодаря наличию физических границ, то виртуальные сообщества основаны на разделяемых всеми социальных практиках и интересах²¹.

Обращаясь к терминологии Э. Дюркгейма, Дж. Кац, Р. Райс и их коллеги заключают, что в обществах модерна социальные отношения в сообществах строились на основе того, что французский мыслитель называл “механической солидарностью” и были связаны преимущественно с физической близостью. С развитием информационно-коммуникационных технологий социальные отношения становятся

¹⁹ Katz J.E., Rice R.E., Acord S., Dasgupta K., David K. Personal mediated communication and the concept of community in theory and practice // *Communication and community. Communication yearbook. Vol. 28 / Ed. by Kalbfleisch. Mahwah, 2004. P. 325.*

²⁰ Артемова Т.С. Понятие “доступ” в социологической теории Джереми Рифкина // *Социология. 2012. № 3. С. 84–96; Wellman B., Carrington P.J., Hall A. Networks as personal communities // Social Structures: A Network Approach / Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. Cambridge, 1988. P. 130–184; Wellman B., Hampton K. Living networked on and offline // *Contemporary Sociology. 1999. Vol. 28. N 6. P. 648–654; Gruzd A., Jacobson J., Wellman B., Mai Ph. Understanding communities in an age of social media: the good, the bad, and the complicated // Information Communication and Society. 2016. Vol. 19. N 9. P. 1187–1193.**

²¹ Katz J.E., Rice R.E., Acord S., Dasgupta K., David K. *Op. cit.* P. 326.

все более “органическими” в том смысле, что определяющее значение для современных сообществ все чаще приобретают общность идей и интересов²².

Персональные компьютеры сначала заменили печатную машинку и калькулятор, затем обеспечили альтернативные способы передачи информации на дальние расстояния с помощью средств электронной почты, позднее предложили новые возможности проведения досуга посредством компьютерных игр, музыки и видео. Стремительными темпами росло число пользователей персональных компьютеров, которые открыли для себя удивительные возможности Всемирной паутины, в которой стало доступным немислимое количество информации, а также весьма значительно расширились границы установления новых контактов. Сегодня компьютер (будь то стационарный десктоп или миниатюрное устройство типа смартфона) сопровождает человека повсеместно: в работе, в учебе и в личной жизни.

Интернет как расширение возможностей для коммуникаций

Канадский социолог Б. Уэллман полагает, что изменение природы современных сообществ связано с распространением информационно-коммуникационных технологий. Интернет-технологии создают возможности для функционирования сообществ, в основе которых лежат общие интересы, а не просто территориальные основания и общее происхождение. Подобной позиции придерживается и М. Кастельс, который указывает на инструментальный характер интернета, обеспечивающего дополнительные возможности для повседневных взаимодействий и реализации различных социальных практик посредством новых коммуникационных средств. И для М. Кастельса, и для Б. Уэллмана сообщества, функционирующие в киберпространстве, не являются альтернативными сообществами, а представляют собой “продолжение” реальных сообществ²³.

Осуществив ряд серьезных эмпирических исследований с использованием инструментов сетевого анализа, Б. Уэллман приходит к выводу, что современные сообщества представляют собой не группы, а сети: “Мы находим сообщества не в группах, а в сетях”²⁴. Б. Уэллман пишет об изменении природы сообществ, которые трансформируются из солидаристских образований в индивидуализированные или, по-другому, персонализированные сети. Исследователь подчерки-

²² Katz J.E., Rice R.E., Acord S., Dasgupta K., David K. Op. cit. P. 361.

²³ Cavanagh A. Sociology in the age of the Internet. Maidenhead, 2007. P. 108.

²⁴ Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. N 2. P. 227.

вает, что распространение сетей персональных сообществ началось задолго до появления киберпространства, но информационно-коммуникационные технологии безусловно ускорили эти процессы²⁵. В сетевых обществах границы являются проницаемыми, социальные взаимодействия характеризуются чрезвычайным разнообразием, социальные связи переключаются между несколькими сетями, а иерархии могут быть более плоскими и рекурсивными. Сообщества становятся весьма обширными, слабо ограниченными и фрагментированными. В современном мире большинство людей функционирует в нескольких слабосвязанных сообществах, поскольку они имеют дело с сетями родственников, соседей, друзей, товарищей по работе, а также являются частью различных организационных сетей. Поэтому речь идет не о групповой принадлежности, а о том, что индивид имеет свое “персонализированное сообщество”²⁶.

Для Б. Уэллмана сообщество — это сети межличностных связей, которые обеспечивают общительность, поддержку, информированность, чувство принадлежности и социальной идентичности. Сообщества выходят за пределы соседства и территориальных границ. Использование новых технологий коммуникации создает и поддерживает связи в сообществах. Эти связи превратили киберпространство в так называемые “киберместа”, так как индивиды имеют возможность общаться и поддерживать отношения онлайн с людьми, близкими им по духу, наполняя свою деятельность в сети смыслом, чувством причастности и идентичности.

Специализированные сообщества, основанные на общих интересах, могут способствовать высокой степени когнитивной однородности. Несмотря на наличие разнообразных культур и идей в интернете людей привлекают те онлайн-сообщества, в которых присутствуют индивиды, разделяющие с ними общие интересы или имеющие схожие проблемы. Они могут быть более разнообразными, чем “реальные” сообщества в их гендерном, этническом и социально-экономическом статусе, но при членстве в сообществе индивиды по-прежнему руководствуются ограниченным кругом тем и идей²⁷.

Б. Уэллман отмечает, что физическое пространство продолжает содержать и формировать социальные взаимодействия, предоставляя определенные возможности и ограничения. В современном мире наряду с физическим пространством для поиска и поддержания сообществ большое значение приобрели “киберместа”. Налицо взаимопроникновение границ физического пространства и кибер-

²⁵ Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking. P. 227–228.

²⁶ Ibid. P. 227.

²⁷ Ibid. P. 246.

пространства, поскольку люди активно занимаются поиском своих сетей онлайн и оффлайн²⁸.

Интернет как пространство для оформления альтернативных сообществ

В 1968 г. Дж. Ликлайдер²⁹ и Р. Тейлор³⁰ впервые использовали понятие “интерактивные мультимедийные компьютерные сообщества”, предсказав появление “суперсообщества”, которое соединит все компьютерные сообщества. Речь шла о сети, которая в будущем полностью изменит коммуникационную картину мира. Ровно 50 лет назад эти ученые уже знали о том, что жить полноценной жизнью будут те индивиды, которые смогут находиться онлайн, так как социальные взаимодействия отныне будут выстраиваться на основе общности интересов, а не благодаря случайной пространственной близости. “Онлайн интерактивные сообщества”, о которых писали Дж. Ликлайдер и Р. Тейлор, станут сообществами интересов, а не физических мест. В этих сообществах разделенные географическими границами и огромными расстояниями люди будут взаимодействовать в группах или индивидуально³¹.

Спустя практически три десятка лет в 1993 г. выходит в свет работа Г. Рейнгольда “Виртуальное сообщество: заселение электронных рубежей”³², в которой исследователь предлагает определение того, что из себя представляют взаимодействия с помощью средств информационно-коммуникационных технологий и каковы особенности этих взаимодействий.

С распространением в начале 1990-х гг. интернета для описания онлайн мира, в котором взаимодействия индивидов и групп осуществляются посредством электронных сетей, соединенных средствами информационно-коммуникационных технологий, начинают использовать термин “киберпространство”³³. Возникает новая среда

²⁸ *Wellman B.* Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking. P. 247.

²⁹ Джозеф Карл Робнетт Ликлайдер (1915–1990) — американский ученый, который внес большой вклад в развитие информационно-коммуникационных технологий. Сформулировал ряд ценных идей и принципов, повлиявших на создание интернета, в том числе указывая на интерактивный потенциал ЭВМ.

³⁰ Роберт Тейлор (1932–2017) — американский исследователь, родоначальник системы ARPANET, прототипа современного интернета.

³¹ *Licklider J.C.R., Taylor R.W.* The computer as a communication device // Reprinted from *Science and Technology*. 1968. Vol. 76.

³² *Rheingold H.* The virtual community: homesteading on the electronic frontier. Cambridge, 2000.

³³ *Добринская Д.Е.* Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1. С. 52–70.

социального взаимодействия, в которой жизнь индивидов также протекает в разнообразных сообществах, получивших название “виртуальных”³⁴. “Виртуальность” в данном случае указывает на то, что социальные отношения в рамках таких сообществ необязательно происходят при непосредственном контакте (лицом-к-лицу). Индивиды в таких условиях могут «как бы пересекать пространство и время, что ведет к “несвязности” ощущений: время и пространство становятся менее стабильными и понятными, менее едиными, более запутанными, непоследовательными»³⁵. В отличие от локальных сообществ виртуальные сообщества объединяют большие группы людей в целях обмена информацией, идеями, чувствами и желаниями, не находясь в одном физическом месте³⁶. Они являются сообществами без физических ограничений³⁷.

По мнению Г. Рейнгольда, виртуальные сообщества представляют собой общественные объединения, которые возникают в сети, когда определенное количество индивидов на протяжении довольно длительного времени участвует в публичных обсуждениях некоторой темы, выражая свои чувства и демонстрируя эмоциональное вовлечение, что способствует оформлению сети личных отношений в киберпространстве³⁸. Исследователь отмечает, что киберпространство, являясь экосистемой огромного множества субкультур, предлагает индивидам бесконечный набор вариантов поведения. Особенностью виртуальных сообществ является взаимодействие, которое не требует физического соприсутствия, а осуществляется посредством текста на экране монитора персонального компьютера.

Виртуальные сообщества позволяют, с одной стороны, находиться в контакте, а с другой стороны, сохранять дистанцию. Для одних виртуальные сообщества представляют собой места для встреч, для других — это средство для реализации конкретных целей (посредством получения определенной информации), а для третьих виртуальные сообщества являются и местом, и средством. В виртуальном сообществе чувство места требует работы воображения. Взаимодействия в виртуальных сообществах определяются наличием норм, об-

³⁴ См. об этом: *Бондаренко С.В.* Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-н/Д., 2004; *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004; *Ваут N.K.* The emergence of community in computer-mediated communication // *CyberSociety* / Ed. by S. Jones. Newbury Park, 1995. P. 138–163; *Rheingold H.* The virtual community: homesteading on the electronic frontier. Cambridge, 2000; *Wellman B.* Physical place and cyberplace...

³⁵ *Осипова Н.Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы: Научная монография. М., 2018. С. 442.

³⁶ *Calhoun C.J.* Dictionary of the social sciences. Oxford, 2002.

³⁷ *Katz J.E., Rice R.E., Acord S., Dasgupta K., David K.* Op. cit. P. 315–371.

³⁸ Ibid.

разцов приемлемого поведения, что дает понимание того, что можно и нельзя делать в конкретных сообществах в киберпространстве.

Интерактивные социальные сети суть проявления человеческой деятельности, опирающиеся на состоящие из проводов и микросхем инфраструктуры связи. По мере распространения социальных коммуникаций с помощью интернета люди стали создавать группы поддержки и политические союзы в интерактивном режиме. Новые социальные формы последнего десятилетия XX в. выросли из предоставляемой интернетом возможности устанавливать социальные связи многих со многими, что повышает значение социальных сетей³⁹.

Г. Рейнгольд видит причины образования виртуальных сообществ в нехватке взаимодействий в неформальных публичных пространствах реальной жизни. Соглашаясь с Р. Ольденбургом в том, что для каждого человека важны три места — дом, работа и общественные места для неформальных встреч⁴⁰, Г. Рейнгольд пишет, что в современном мире многие из этих традиционных “третьих мест”, где обычно проходят случайные беседы, свободное и непринужденное общение (кафе, салоны красоты, аптеки, городские площади и т.п.) из-за засилья торговых центров, точек быстрого питания и т.п. стали исчезать, что не могло не сказаться на изменении характера сообществ. И далее он продолжает: “...возможно, киберпространство является одним из неформальных общественных мест, где люди могут восстановить те качества сообщества, которые были потеряны, когда магазины превратились в торговые центры” или, напротив, “...киберпространство — это не источник возрождения сообщества... а симулякр настоящей страсти и истинной приверженности друг другу”⁴¹.

Некоторые исследователи в качестве “заменителей” традиционных “третьих мест” предлагают рассматривать массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (MMORPG — Massively Multiplayer Online Role-Playing Game). Предоставляя пространства для социального взаимодействия и выстраивание социальных отношений за пределами рабочего места и дома, MMORPG несут способность функционировать как одна из форм нового “третьего места” для неформальных отношений, так же как и пабы, кафе и другие прежние “третьи места”. Более того, участие в таких виртуальных “третьих местах” влияет на уровень социального капитала, приобретение новых социальных связей, которые, хотя и не отличаются глубиной эмоционального воздействия, однако, способствуют тому,

³⁹ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. С. 16.

⁴⁰ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места “тусовок” как фундамент сообщества. М., 2014.

⁴¹ Rheingold H. Op. cit.

что индивид получает представление о множестве различных точек зрения⁴².

Участие в различных онлайн-группах развивает сильное чувство причастности к группе. Они фактически становятся основой для создания новых социальных отношений, поскольку люди из различных мест встречаются синхронно или асинхронно, для того чтобы обсуждать общие темы, участвовать в виртуальных ролевых играх или просто пообщаться на любую тему. Несомненным преимуществом таких групп является независимость от местонахождения и возможности быстро найти единомышленников⁴³. Таким образом, для Г. Рейнгольда важен элемент эмоциональной близости членов сообщества. Только в случае наличия эмоционального контакта сообщество из простой группы по интересам трансформируется в виртуальное сообщество.

Н. Байм предлагает рассматривать пять ключевых характеристик, указывающих на то, что онлайн-группа является сообществом. Этими характеристиками выступают чувство пространства, общие практики, общие ресурсы и поддержка, общие идентичности и межличностные отношения⁴⁴. Исследователь представляет развернутое описание каждой их перечисленных характеристик.

Чувство пространства. Большинство онлайн-групп не связаны с конкретными географическими местами, однако, индивиды, участвующие в этих группах, как правило, воспринимают их как общие (разделяемые с другими) места. Ощущение того, что онлайн-группы, которые функционируют на конкретных платформах, составляют определенные пространства является неотъемлемым для описания интернета.

Метафора пространства особо характерна для массовых многопользовательских ролевых онлайн игр (MMORPG), когда взаимодействует большое число участников — игроков, каждый из которых принимает на себя роль определенного героя в виртуальном мире. Примерами таких игр являются “World of Warcraft”, “Star Wars: The old Republic или Second Life”. Онлайн-группы иногда организуются и по географическому признаку, когда люди образуют группы для того, чтобы обсуждать национальные и региональные проблемы, культурные особенности конкретного региона и т.п. Как показывает практика, социальные медиа являются инструментом организации общественных протестов (Twitter, Facebook и т.п.), позволяющим в довольно короткие сроки собирать большие группы людей в конкретных местах в реальном мире.

⁴² Steinkuehler C.A., Williams D. Where everybody knows your (screen) name: online games as “third places” // Journal of Computer-Mediated communication. 2006. Vol. 11. P. 885–909.

⁴³ Rheingold H. Op. cit.

⁴⁴ Baym N.K. Personal connections in the digital age. Oxford; Boston, 2015. P. 85–101.

Разделяемые практики. Сообщества обнаруживаются в рутинных практиках, часто не осознаваемых членами онлайн-групп. Сообщества практик включают профессиональные объединения, образовательные и досуговые группы. Язык здесь выступает важнейшим инструментом, с помощью которого функционируют онлайн-группы. Речь идет о так называемых “речевых сообществах”. Большое значение имеют нормы, определение границ дозволенного и недозволенного в рамках конкретной группы⁴⁵.

Общие ресурсы и поддержка. Когда речь идет о виртуальных сообществах, как правило, подразумевают взаимную поддержку и обмен ресурсами, в том числе и эмоциональную поддержку, признание профессиональных и личных заслуг, предоставление необходимой информации и даже материальную поддержку. В чем кроется загадка того, что люди готовы помогать незнакомцам? Одним из ответов является важность осознания того, что они кому-то нужны⁴⁶, или возможность повышения собственного статуса внутри группы⁴⁷.

Общие идентичности. Идентичность понимается как общее осознание того, “кто мы есть как группа”. Участвуя в определенных сообществах, которые, как правило, имеют название, индивиды принимают определенные роли, которые они исполняют в рамках этого сообщества. Формирование группы происходит через групповую идентичность, принятие определенных норм и правил взаимодействия внутри сообщества.

Межличностные отношения. Группы дают возможность оформления отношений между отдельными индивидами. Видимые пары связей становятся важными в ощущении общей связанности.

Н. Байм выявила пять факторов, которые влияют на различные формы виртуальных сообществ. Этими факторами являются техническая инфраструктура системы, цели группы, характеристики пользователей-членов группы, темпоральная структура сообщества и внешние условия⁴⁸.

В рамках рассмотренных выше подходов виртуальные сообщества есть особенная форма социальности, характерная для киберпространства. В настоящее время представлено и большое число различных типологий виртуальных сообществ, к примеру, сообщества

⁴⁵ Pentzold C. Imagining the Wikipedia community: what do Wikipedia authors mean when they write about their “community”? // *New Media and Society*. 2011. Vol. 13. N 5. P. 704–721.

⁴⁶ Kollock P. The economies of online cooperation: gifts and public goods in cyberspace // *Communities in Cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M. Smith. N.Y., 1999. P. 220–242.

⁴⁷ Matzat U. Cooperation and community on the Internet: past issues and present perspectives for theoretical-empirical Internet research // *Analyse & Kritik*. 2004. Vol. 26. N 1. P. 66–67.

⁴⁸ Cavanagh A. *Sociology in the age of the Internet*. N.Y., 2007. P. 109.

практики, сообщества поддержки, сообщества знаний, сообщества поклонников, сообщества общественных движений и др.⁴⁹

У. Матцат предлагает различать два подхода к определению онлайн-сообществ. Одна группа исследователей определяет онлайн-сообщество таким образом, что в него оказываются включены все виды онлайн-групп. Соответствующим элементом этой группы определений является межличностное общение по общей теме, что представляет собой лишь общий интерес. Вторая группа исследователей дополнительно подчеркивает эмоциональные элементы, которые могут иметь сетевые сообщества⁵⁰. У. Матцат предлагает следующее определение виртуально сообщества: “группа пользователей веб-сайта, которые взаимодействуют с каждым через опосредуемые компьютером средства коммуникации этого сайта. Взаимодействие сосредоточено, по крайней мере, на одной теме, которая отражает общие интересы пользователей сайта”⁵¹. Это определение описывает онлайн-сообщество как основанное на общих интересах, а не на эмоциях или других характеристиках. Если онлайн-сообщество имеет дополнительные характеристики, такие как чувства привязанности к группе, эмоциональные связи с другими членами или общие ценности и нормы, то оно будет называться “социальным виртуальным сообществом”, как предлагает У. Матцат.

Гибридизация сообществ в эпоху интернета

Как справедливо отмечают ряд авторов, легко впасть в заблуждение относительно того, что в виртуальной жизни теряется представление о физической реальности, в которой фактически функционируют пользователи. Ведь действия происходят где-то: кто-то набирает на клавиатуре текст, кто-то говорит по телефону или с помощью средств видеосвязи⁵². Именно поэтому речь сегодня идет о гибридизации сообществ.

Разумеется, киберпространство не является обособленной реальностью: взаимодействия в киберпространстве и в реальном физическом пространстве пересекаются. При этом увеличение виртуальных социальных контактов не приводит к сокращению взаимодействий в реальной жизни⁵³. Киберпространство стало еще одной средой обитания современного человека, где возникают новые социальные

⁴⁹ См. подробнее: Рыков Ю.Г. Структура социальных связей в виртуальных сообществах: сравнительный анализ онлайн-групп социальной сети “ВКонтакте”: дисс. ... канд. социол. н., М., 2016.

⁵⁰ Matzat U. Op. cit. P. 66–67.

⁵¹ Ibid. P. 67.

⁵² Ibid. P. 327.

⁵³ Wellman B., Gulia M. Virtual communities as communities. Net surfers don't ride alone // Communities in Cyberspace / Ed. by M.A. Smith, P. Kollock. L., 1999. P. 167–194.

практики, индивиды конструируют свои сетевые идентичности, взаимодействуя в разнообразных виртуальных сообществах.

В современных обществах «групповые перспективы и идентификационные стратегии размываются... не позволяя индивиду “зацепиться” за них как за что-то внешнее, твердое, устойчивое»⁵⁴. Идентичность определяется не в рамках коллективных сообществ, а как результат процессов индивидуализации и участие в разнообразных социальных сетях, которые могут восприниматься как сообщества или нет⁵⁵. Индивид помещен в условия самостоятельного конструирования собственной идентичности и вынужден создавать ее на протяжении всей своей жизни. Постоянная борьба за выживание, проявляющаяся в поиске хорошей работы и достойной зарплаты, средств для реализации властных полномочий, удовлетворении все возрастающих потребностей в товарах и услугах, стремлении к реализации определенных жизненных стилей и стратегий — все это фундаментальным образом изменяет природу сообществ, в которых человек стремится выстроить солидаристские отношения со своим окружением. Изменились условия для понимания того, что из себя представляет сообщество. К. Фукс отмечает, что сообщества больше не являются однородными с точки зрения их ценностного содержания и образа жизни, которые позволили бы говорить об общей идентичности, солидарности и единстве⁵⁶.

Возможно, именно эти обстоятельства объясняют столь стремительное распространение виртуальных сообществ. Индивиды чувствуют, что общество и социальные системы, в которых они живут и работают, не предоставляют им возможностей, гарантирующих участие в общественной жизни и гармоничную личностную самореализацию. Многие ощущают отчуждение и поэтому стремятся стать частью новых сообществ, которые функционируют в соответствии с принципами, выходящими за доминирующую логику конкуренции и капитализма, которая сегодня и вызывает чувство отчуждения. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют выстраивать новые социальные отношения в рамках многочисленных виртуальных сообществ⁵⁷. Интернет-технологии предоставляют новые возможности для социального взаимодействия. Речь ни в коем случае не идет о том, что технологические разработки в области коммуникаций сокращают потенциал реальных сообществ в традиционном их понимании. Виртуальное

⁵⁴ Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017. С. 473.

⁵⁵ Fuchs C. Internet and society: social theory in the information age. N.Y., 2008. P. 306.

⁵⁶ Ibid. P. 306.

⁵⁷ Ibid. P. 308.

сообщество становится одной из форм виртуального единства среди множества других⁵⁸, существующих как в реальном пространстве, так и в киберпространстве.

З. Бауман утверждает, что сообщества сегодня более похожи на “социальные сети”. В отличие от сообществ, которые существовали в прошлом, сети не поддерживаются уже существующими структурами или любыми predetermined правилами, которые одновременно направляют поведение и отношение их членов и обязывают их следовать четко определенным принципам взаимодействия. Напротив, сети не имеют никакой предшествующей истории, а это означает, что прошлое с его способностью направлять, контролировать и исправлять, становится весьма заметным именно по причине его отсутствия. Сети имеют свое происхождение в воображении и поддерживаются только благодаря успешной коммуникации. В результате они всегда “индивидуально приписываются и индивидуально сфокусированы”, что также означает, что они сохраняются до тех пор, пока их отдельные члены считают их важными⁵⁹. У каждого человека есть своя уникальная сеть, которую “подобно улитке, несущей на себе дом”, несет каждый индивид⁶⁰. Виртуальный мир становится еще одним проявлением поиска принадлежности к миру, в котором утрачены прежние уверенности в идентичности и наличии совместного опыта⁶¹.

К. Фукс пишет о диалектическом понимании виртуальных сообществ: субъективном и объективном их определении. В субъективном смысле виртуальное сообщество воспринимается как непрерывный поток коммуникативных онлайн-практик, в процессе которых создаются смыслы и значения. При этом нет обязательного условия наличия одинаковых интересов или согласия относительно ценностей и интерпретаций⁶².

Объективное понимание виртуальных сообществ основано на ключевом значении того, что в сообществах разделяются общие ценности, общая идентичность, общее понимание, солидарность. Более того, такие сообщества представляются целостными и едиными. При такой интерпретации виртуального сообщества далеко не все онлайн-группы, в которых происходит коммуникация, являются виртуальными сообществами, а лишь те из них, которые основаны на близости, общих ценностях и единстве. Главное значение прида-

⁵⁸ Bakardjieva M. Virtual togetherness: an everyday-life perspective // *Media, Culture & Society*. 2003. Vol. 25. N 3. P. 294.

⁵⁹ Blackshaw T. Key concepts in community studies. L., 2010. P. 15.

⁶⁰ Bauman Z. Does ethics have a chance in a world of consumers? L., 2008. P. 120.

⁶¹ Ibid. P. 111.

⁶² Цит. по: Baym N.K. The emergence of community in computer-mediated communication // *CyberSociety* / Ed. by S. Jones. Newbury Park, 1995. P. 138–163.

ется не общим коммуникативным практикам, а именно ценностному аспекту. При таком подходе к определению виртуальных сообществ на первый план выдвигается тезис о том, что виртуальные сообщества суть моральные структуры⁶³.

Вместе с тем, К. Фукс полагает, что различные концепции виртуального сообщества не должны рассматриваться как взаимоисключающие. Субъективные подчеркивают важность онлайн-коммуникации; для объективных важен моральный аспект, который является основой для идентичности, чувства принадлежности и согласия. К. Фукс выделяет третий, интегративный подход, который содержит субъективный и объективный компонент, полагая, что они одинаково важны для адекватной интерпретации виртуальных сообществ. Социолог описывает виртуальные сообщества как “динамические техно-социальные системы коммуникации и создания смысла”, что указывает на технологические и социальные основания виртуальных сообществ⁶⁴.

О фундаментальных изменениях структуры современных сообществ пишет К. Хэмптон. Несмотря на то, что эти изменения пытались описать многие исследователи, раскрывая возможности мобильности и способности преодоления пространственно-временных границ, только сегодня новейшие средства коммуникаций позволили находиться в постоянном контакте и иметь всеобъемлющую осведомленность⁶⁵. По мнению К. Хэмптона, именно эти два преимущества (контакт и осведомленность) коммуникационных технологий могут коренным образом трансформировать структуру сообществ. Как в тесных сообществах все члены знали друг друга и жизнь каждого была на виду у всех, так и современные интерактивные системы репутаций, являясь компьютеризованными технологиями, позволили по-новому эффективно управлять одной из важнейших сфер человеческого общежития, дав возможность быть всеобъемлющим образом осведомленным и оставаться постоянно в контакте с другими⁶⁶.

Важно подчеркнуть, что виртуальные сообщества не являются идеальными и гармоничными; они представляют собой пространство как сотрудничества, так и борьбы. Колонизация жизненного мира как черта общества позднего модерна, о которой писал Ю. Хабермас, воспроизводится и в киберпространстве; следовательно, виртуальные сообщества, помимо пространства добровольного альтруистического

⁶³ *Bakardjieva M.* Op. cit. P. 291–313; *Rheingold H.* The virtual community: homesteading on the electronic frontier. Cambridge, 2000.

⁶⁴ *Fuchs C.* Op. cit.

⁶⁵ *Hampton K.N.* Persistent and pervasive community: new communication technologies and the future of community // *American Behavioral Scientist.* 2016. Vol. 60. N 1. P. 2.

⁶⁶ Цит. по: *Рейнгольд Г.* Указ. соч. С. 17.

сотрудничества (к примеру, Википедия, сайты знакомств), также колонизируются конкуренцией⁶⁷.

Распространение новых информационных и коммуникационных технологий изменило способы, с помощью которых создаются, организуются и функционируют сообщества, предоставив возможности для новых форм социального взаимодействия. Благодаря интернету географические границы перестали быть препятствием для координации и организации действий большого числа людей, находящихся в различных уголках мира. Наблюдаемые процессы гибридизации сообществ фактически позволили говорить о “продолжении” традиционных сообществ, характерных для реального мира в мире киберпространства. Они имеют более подвижные границы и большой потенциал для роста. Главная же цель современных сообществ как и прежде — транслировать определенные смыслы и ценности посредством устоявшихся норм и правил, принятых участниками сообщества, обладающих чувством идентичности, наличием общего интереса и конкретных целей социального взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Артемова Т.С. Понятие “доступ” в социологической теории Джереми Рифкина // Социология. 2012. № 3. С. 84–96.

Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-н/Д., 2004.

Вершинина И.А. Социологическая урбанистика: история и основные направления современных исследований // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2018. С. 230–268.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93–118.

Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1. С. 52–70.

Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места “тусовок” как фундамент сообщества. М., 2014.

Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы: Научная монография. М., 2018.

Парк Р.Э. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 13–18.

⁶⁷ *Fuchs C.* Op. cit. P. 313.

- Парк Р.Э.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11–18.
- Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.
- Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998.
- Рыков Ю.Г.* Структура социальных связей в виртуальных сообществах: сравнительный анализ онлайн-групп социальной сети “ВКонтакте”: дисс. ... канд. социол. н., М., 2016.
- Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.

REFERENCES

- A dictionary of sociology / Ed. by J. Scott. Oxford, 2014.
- Anderson B.* Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma [Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism]. М., 2001 (in Russian).
- Artemova T.S.* Ponyatie “dustup” v sotsiologicheskoi teorii Dzheremi Rifkina [The notion ‘access’ in the sociological theory by Jeremy Rifkin] // Sotsiologiya [Sociology]. 2012. N 3. S. 84–96 (in Russian).
- Bakardjieva M.* Virtual togetherness: an everyday-life perspective // Media, Culture & Society. 2003. Vol. 25. N 3. P. 291–313.
- Bauman Z.* Does ethics have a chance in a world of consumers? L., 2008.
- Baym N.K.* The emergence of community in computer-mediated communication // CyberSociety / Ed. by S. Jones. Newbury Park, 1995. P. 138–163.
- Baym N.K.* Personal connections in the digital age. Oxford; Boston, 2015.
- Blackshaw T.* Key concepts in community studies. L., 2010.
- Bondarenko S.V.* Sotsial'naya struktura virtual'nykh setevykh soobshchestv [Social structure of virtual network communities]. Rostov-n/D., 2004 (in Russian).
- Calhoun C.J.* Dictionary of the social sciences. Oxford, 2002.
- Castells M.* Galaktika Internet [Internet Galaxy]. Ekaterinburg, 2004 (in Russian).
- Cavanagh A.* Sociology in the age of the Internet. Maidenhead, 2007.
- Cohen A.P.* The symbolic construction of community. L., 1985.
- Dobrinskaya D.E.* Cyberspace: territory of contemporary life // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2018. Vol. 24. N 1. P. 52–70. DOI:10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70 (in Russian).
- Fuchs C.* Internet and society: social theory in the information age. N.Y., 2008.
- Giddens A., Sutton P.W.* Essential concepts in sociology. Cambridge, 2017.
- Gruzd A., Jacobson J., Wellman B., Mai Ph.* Understanding communities in an age of social media: the good, the bad, and the complicated // Information Communication and Society. 2016. Vol. 19. N 9. P. 1187–1193. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1187195
- Hampton K., Wellman B.* Neighboring in Netville: how the Internet supports community and social capital in a wired suburb // City and Community. 2003. Vol. 2. N 4. P. 277–311.

Hampton K.N. Persistent and pervasive community: new communication technologies and the future of community // *American Behavioral Scientist*. 2016. Vol. 60. N 1. P. 1–24. DOI: 10.1177/0002764215601714

Hillery G.A. Definitions of community: areas of agreement // *Rural Sociology*. 1955. N 20. C. 111–123.

Katz J.E., Rice R.E., Acord S., Dasgupta K., David K. Personal mediated communication and the concept of community in theory and practice // *Communication and community. Communication yearbook*. Vol. 28 / Ed. by P. Kalbfleisch. Mahwah, 2004. P. 315–371.

Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Modern i protsess individualizatsii: istoricheskie sud'by individa moderna [Modernity and the process of individualization: the historical destinies of the modern individual]. M., 2017 (in Russian).

Kollock P. The economies of online cooperation: gifts and public goods in cyberspace // *Communities in Cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M. Smith. N.Y., 1999. P. 220–242.

Licklider J.C.R., Taylor R.W. The computer as a communication device // Reprinted from *Science and Technology*. 1968. Vol. 76.

Matzat U. Cooperation and community on the Internet: past issues and present perspectives for theoretical-empirical Internet research // *Analyse & Kritik*. 2004. Vol. 26. N 1. P. 63–90.

Oldenburg R. Tre'te mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshchestva [The Great Good Place]. M., 2014 (in Russian).

Osipova N.G. Zapadnaya sotsiologiya v XX stoletii: klyuchevye figury, napravleniya i shkoly: nauchnaya monografiya [Western sociology in the twentieth century: key figures, trends and schools: a scientific monograph]. M., 2018 (in Russian).

Park R.E. Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguratsiya i moral'nyi poryadok [The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2006. Vol. 5. N 1. P. 11–18 (in Russian).

Park R.E. Organizatsiya soobshchestva i romanticheskii kharakter [Community Organization and the Romantic Temper] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2002. Vol. 2. N 3. P. 13–18 (in Russian).

Pentzold C. Imagining the Wikipedia community: what do Wikipedia authors mean when they write about their "community"? // *New Media and Society*. 2011. Vol. 13. N 5. P. 704–721. DOI: 10.1177/1461444810378364

Rheingold H. The virtual community: homesteading on the electronic frontier. Cambridge, 2000.

Rheingold H. Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya [Smart mobs: the next social revolution]. M., 2006 (in Russian).

Rossiiskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya [Russian sociological Encyclopedia] / Pod red. G.V. Osipova. M., 1998 (in Russian).

Rykov Yu.G. Struktura sotsial'nykh svyazei v virtual'nykh soobshchestvakh: sravnitel'nyi analiz onlain-grupp sotsial'noi seti "VKontakte" [The structure of social

relations in virtual communities: a comparative analysis of online groups of social network “VKontakte”]: diss. ... kand. sots. n., M., 2016 (in Russian).

Steinkuehler C.A., Williams D. Where everybody knows your (Screen) name: online games as “third places” // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2006. Vol. 11. P. 885–909.

Tennis F. Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii [Community and Society]. SPb., 2002 (in Russian).

Vershinina I.A. Sotsiologicheskaya urbanistika: istoriya i osnovnye napravleniya sovremennykh issledovaniy [Sociological urban studies: history and modern key research trends] / *Sovremennaya sotsiologiya: klyuchevye napravleniya i vektory razvitiya* [Modern sociology: key trends and development vectors] / Pod obshch. red. N.G. Osipovoi. M., 2018. S. 230–268 (in Russian).

Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. N 2. P. 227–252.

Wellman B., Carrington P.J., Hall A. Networks as personal communities // *Social Structures: A Network Approach* / Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. Cambridge, 1988. P. 130–184.

Wellman B., Gulia M. Virtual communities as communities. Net surfers don't ride alone // *Communities in Cyberspace* / Ed. by M.A. Smith, P. Kollock. Abingdon; N.Y., 1999. P. 167–194.

Wellman B., Hampton K. Living networked on and offline // *Contemporary Sociology*. 1999. Vol. 28. N 6. P. 648–654.

Williams R. Keywords: a vocabulary of culture and society. N.Y., 1985.

Wirth L. Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a way of life] // *Wirth L. Izbrannye raboty po sotsiologii*. M., 2005. S. 93–118. M., 2005. S. 93–118 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-80-98

РЕДАКЦИЯ ИНТЕРНЕТ-СМИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

О.И. Молчанова, канд. пед. наук, доц., доц. кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, улица Садовая, д. 21, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191023*

Статья посвящена выявлению специфических особенностей социальной организации редакции интернет-СМИ. Цель данной статьи — рассмотреть сетевое издание с точки зрения новой формы социальной организации современных специалистов. На примере редакции типичного малого интернет-журнала рассмотрены принципы организации его функционирования, взаимодействия специалистов, редакционного персонала с целевой аудиторией, технологические возможности измерения различных параметров с целью выявления ее информационных потребностей. Задачи исследования включают в себя рассмотрение понятий “сетевое издание” и “интернет-СМИ” в соответствующем Федеральном законодательстве, анализ функционирования интернет-журнала “Питер Online”, выявление специфических для сетевого издания методов работы с аудиторией. Данные, полученные при измерении аудиторных показателей, дают возможность изучить поведенческие особенности различных сегментов пользователей и проанализировать эффективность рекламного сообщения. В результате можно отметить, что интернет-СМИ — издание, реализуемое как ресурс в интернете, обладающий интерактивностью, мультимедийностью, гипертекстуальностью. Данные характеристики отличают интернет-СМИ от традиционных изданий. Редакция сетевого СМИ — социальная организация, в которой формируются специфические взаимоотношения, обусловленные статусно-ролевой иерархией и общей целью коллектива. Сетевая организация редакции имеет как плюсы, так и минусы. Неоспоримым преимуществом являются технологические возможности изучения аудитории, интерактивные способы взаимодействия с ней, что позволяет выстраивать стратегию развития издания.

Ключевые слова: интернет-СМИ, сетевое издание, социальная организация, интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность.

* Молчанова Ольга Ильинична, e-mail: moi.2012@bk.ru

THE EDITORS OF THE INTERNET MEDIA AS A SPECIFIC SOCIAL ORGANIZATION

Molchanova Olga I., The Candidate of Pedagogical sciences, Associate Professor of International relations, media studies, political science and history, St. Petersburg State University of Economics, Sadovaya street, 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023, e-mail: moi.2012@bk.ru

The article is devoted to the identification of specific features of the social organization edition of the Internet media. The purpose of this article is to consider the network edition from the point of view of a new form of social organization of modern specialists. The principles of organization of its functioning, interaction of editorial staff with the target audience, technological capabilities of measurement of various parameters in order to identify its information needs are considered on the example of the typical small online magazine. The objectives of the study include the consideration of the concepts of "online publication" and "Internet media" in the relevant Federal legislation, the analysis of the functioning of the online magazine "Peter Online", the identification of specific online publication methods of working with the audience. The data obtained in the measurement of classroom indicators make it possible to study the behavioral characteristics of different segments of users and analyze the effectiveness of advertising messages. As a result, it can be noted that the Internet media — a publication, implemented as a resource on the Internet, which has interactivity, multimedia, hypertextuality. These characteristics distinguish online media from traditional publications. The editorial office of the online media is a social organization in which specific relationships are formed due to the status-role hierarchy and the common goal of the team. The network organization of the editorial Board has both pros and cons. The undeniable advantage is the technological possibility of studying the audience, interactive communication methods with it that allows you to build a strategy for the development of the publication.

Key words: *Internet media, online publication, social organization, interactivity, multimedia, hypertextuality.*

Стремительное развитие интернет-технологий, доступность информации приводят к активизации сектора интернет-СМИ: растет количество сетевых изданий, растет их аудитория.

Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере средств массовой информации", который был принят в 2011 г., раскрывает понятие сетевого издания. Данный закон учитывает изменения, которые произошли в связи с распространением интернета, цифрового вещания, и направлен на модернизацию положений Закона РФ "О средствах массовой информации".

Трактуется понятие “сетевые СМИ” как “сайт в сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации”¹. В качестве дополнительного признака сетевых СМИ указана периодичность его обновления. Однако в научной литературе большую популярность приобрел термин “интернет-СМИ”. На наш взгляд, данные понятия — “сетевое издание” и “интернет-СМИ” — являются синонимами, означающими регулярно обновляемый интернет-ресурс, имеющий свою постоянную аудиторию.

Интернет-СМИ может являться “дубликатом” уже имеющегося средства массовой информации (журнала, газеты, телеканала или радиоканала), может быть “самостоятельным”, зарегистрированным только в интернете, а может фактически являться СМИ, но не быть зарегистрированным. В любом случае, сетевое издание, как правило, имеет редакцию. Это может быть отдел, отвечающий именно за ведение сайта (наполнение контента, продажа рекламы и т.д.), а может быть отдельная единица в организационной структуре компании.

В современной редакции Закона РФ о СМИ в 2011 г. появилась формулировка “сетевое издание” с разъяснением: «под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с настоящим Законом»².

У сетевого издания должен быть учредитель, устав, главный редактор, редакция и веб-сайт в интернете. От редакции закон требует “осуществлять свою деятельность на основе профессиональной самостоятельности”, а также подчиняться руководству главного редактора. Больше закон ничего про особенности структуры редакции не говорит.

Такое широкое правовое поле обеспечивает множество вариантов организации редакционной работы. Процесс построения редакции интернет-СМИ отличается большой гибкостью. Принципиальное отличие от работы всех прочих СМИ здесь только одно: один из этапов в работе в сетевом издании — это публикация материала в интернете на своем сайте. В остальном — полная свобода. Однако это не значит, что можно оставить все так, как было раньше в печатных СМИ. Практика показывает, что для успеха сетевого издания редакция должна быть другой и по составу, и по распределению обязанностей. Такая редакция остается организацией, в которой формируется статусно-ролевая иерархия, позволяющая осуществлять сотрудничество и достигать поставленных целей.

Социальная организация представляет собой “сознательно координируемое социальное образование с определенными границами,

¹ Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 25.11.2017) “О средствах массовой информации” (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018).

² Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1...

которое функционирует на относительно постоянной основе для достижения общей цели или целей”³.

Интернет-редакция, объединяющая творческих сотрудников для совместно-творческого типа деятельности, подразумевает наличие у сотрудников транспрофессионализма, что означает взаимозаменяемость, владение новыми цифровыми технологиями, способность принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях.

Говоря о редакции интернет-СМИ, следует иметь в виду новую форму социальной организации универсальных специалистов. “Для решения всего комплекса задач менеджмента сетевых СМИ необходим профессионализм, соединяющий в себе компетентность журналиста, веб-мастера, менеджера, специалиста по PR, т.е. транспрофессионализм, который необходимо вырабатывать в себе как лидеру проекта, так и всем сотрудникам”⁴.

СМИ являются частью интернета, это своеобразный институт социальной коммуникации, являющийся средством общения и обмена информацией. Функционирование интернет-СМИ как социального института определяется потребностями и интересами различных социальных субъектов⁵.

Интернет-СМИ как веб-проект определяется такими компонентами как:

- концепция;
- контент;
- целевая аудитория;
- дизайн⁶.

Концепция включает в себя понятие моделирования, что отражается в идеологии проекта, стратегии его развития, включающей в себя планирование и целеполагание.

Интернет-СМИ отличаются такими особенностями, как оперативность, доступность, возможность хранить информацию в неограниченных объемах, массовость, относительно низкая себестоимость.

Малая форма сетевого издания может быть представлена одним сайтом и одним или двумя-тремя сотрудниками, среди которых будет главный редактор, учредитель, администратор, выполняющие одновременно обязанности журналиста, копирайтера, специалиста по рекламе и т.д. Малых форм сетевых СМИ в России тысячи, есть также и крупные организации с сотнями сотрудников и сложной развитой структурой управления.

³ Теория организации: Уч. пособ. / Под общ. ред. Л.С. Ружанской. Екатеринбург, 2015. С. 6.

⁴ Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М., 2005. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/022.html> (дата обращения: 25.01.2018).

⁵ Фомичева И.Д. Социология Интернет-СМИ. М., 2005.

⁶ Калмыков А.А., Коханова Л.А. Указ. соч..

Большое количество редакционных коллективов сетевых изданий — это коллективы традиционных СМИ, вышедших в интернет, так называемых интернет-версий газет и журналов. Одни из них делятся на два разных состава, каждый со своим главным редактором, другие выполняют двойную задачу — создают бумажный и цифровой варианты информационного продукта, совмещая эти виды деятельности.

Основная функция редакционной системы интернет-СМИ — создавать, поддерживать и обновлять гипертекстовые информационные ресурсы, обеспечивая их связь с другими ресурсами и их потребителями, ориентируясь на современный уровень телекоммуникационных технологий⁷.

Интернет-журналист должен обладать новыми навыками, уметь то, что не приходилось делать при производстве традиционного СМИ:

- владеть современными компьютерными программами;
- оперативно находить, обрабатывать информацию, проверяя ее на подлинность;
- уметь транслировать информацию в формате лонгрида, мультимедийной истории, инфографики, видеоролика и т.д.

В маленькой редакции универсальные навыки специалиста особенно востребованы, ведь ему приходится осваивать новые виды деятельности и выступать одновременно в качестве фотокорреспондента, видеооператора, корректора, монтажера, бильд-редактора, контент-менеджера, SMM-менеджера, обозревателя-аналитика и др.

“Журналист-универсал способен в одиночку переписать новостное сообщение с лент информагентств, взять по телефону комментарий о событии, подобрать в фотобанке фотографию, на Youtube видеоролик, опубликовать материал на сайте и разместить гиперссылки на него в социальных сетях”⁸.

В связи с этим можно назвать новые роли сотрудников редакции интернет-СМИ:

- редактор-агрегатор (специалист по мониторингу), который должен хорошо разбираться в тематическом разнообразии и умело выбирать те события, которые востребованы аудиторией издания;
- SMM-специалист, разбирающийся в специфике социальных сетей и умеющий продвигать релевантный контент на каждой из площадок;
- модератор контента, работающий с комментариями пользователей в соответствии с этическими принципами и законодательством в сфере СМИ.

⁷ Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика.

⁸ Сапун А. Особенности структуры редакции интернет-СМИ. Распределение обязанностей. URL: <https://www.dni.ru/academ/2016/8/1/347411.html>

Со всеми обязанностями редакция интернет-СМИ справится в случае наличия в коллективе специалистов как широкого, так и узкого профиля.

Главным ответственным лицом в интернет-СМИ остается редактор, который способен руководить коллективом, умело распределяя обязанности, давая задания в соответствии с навыками сотрудников, потребностями целевой аудитории.

Помимо корпуса журналистов и редакторов в сетевых СМИ имеется отдел IT-специалистов (программист, веб-дизайнер, сетевой администратор), рекламный отдел, служба по финансам, бухгалтерия.

Вся техническая часть коллектива обычно подчиняется генеральному директору. От технической части зависит качество конечной информационной продукции.

Гендиректор и главный редактор несут ответственность за все, что происходит в редакции, за социальную среду, которая формируется под их руководством. Материальные и духовно-нравственные условия, в которых члены редакции трудятся и живут, позволяют распределять и потреблять блага, налаживать общественные связи между группами сотрудников и отдельными личностями, выражать морально-этические ценности. Таким образом, согласие между основными руководителями — необходимое условие для успешной деятельности редакции. Их сферы влияния прописываются в Уставе редакции, что позволяет избежать нежелательных конфликтных ситуаций.

«Обычная схема разграничения обязанностей в руководстве такова. Гендиректор отвечает за обеспечение редакции всем необходимым для работы, техническое обслуживание веб-сайта и коммерческую сторону деятельности редакции. Главный редактор осуществляет стратегическое планирование и определяет общую схему распределения обязанностей в коллективе»⁹.

В подчинении у главного редактора может быть заместитель, отвечающий за кадры, за выполнение редакционных заданий корреспондентами редакции. Ответственный секретарь также подчиняется главному редактору, отвечая за соблюдение плана и координируя работу отделов. За своевременным выпуском материалов следят заведующие тематическими отделами.

«Важно, чтобы в руководстве редакцией соблюдался принцип единоначалия, так как “двоевластие” — противоречивые указания разных руководителей — дезориентирует, раздражает и демотивирует коллектив»¹⁰.

Сетевая редакция имеет как преимущества, так и недостатки. К преимуществам можно отнести самоорганизующийся характер

⁹ Сапун А. Указ. соч.

¹⁰ Там же.

данной деятельности, который основан на принципах взаимозаменяемости и единоначалия, а также относительная независимость от конкретной идеологии, текущих политических процессов, современные технологии, облегчающие процессы взаимодействия с пользователями ресурса. Существенным недостатком является зависимость от кадров, которые должны обладать транспрофессиональными навыками, как журналистскими, так и управленческими, что ведет к росту обязанностей членов редакционного коллектива.

Каждый член редакционного коллектива интернет-издания осуществляет коммуникацию с потребителем информационного продукта данного СМИ, один из основных показателей успешности которого — доскональное знание своей аудитории. Эти знания позволяют понять, какие средства общения использовать, какие темы выбирать для анализа и обсуждения, какие инструменты применять для осуществления эффективного диалога с пользователями. Специалисты интернет-СМИ должны уметь использовать современные технологии для изучения аудитории.

Технический потенциал интернета позволяет проводить медианисследования, выявлять количественные и качественные характеристики представителей целевой аудитории. С помощью измерения можно определить состав, объем аудитории, частоту контактов с носителем информации.

Основные способы сбора информации об аудитории интернет-СМИ:

- лог-анализатор сервера и данные счетчика посещений (позволяют изучить все действия пользователей на сайте и конкретизировать распределение аудитории сайта по регионам, по времени и др.);
- опросы аудитории сайта (анкетирование уникальных посетителей с использованием опросной формы или регистрации на сайте);
- опросы аудитории на сайтах опросов, совмещение панельных данных и данных счетчика посещений (анкетирование происходит не на исследуемом сайте, а на сайте панели);
- системы аудита и традиционные опросы исследовательских компаний (агентств)¹¹.

Яндекс, Рамблер, Google как поисковые системы позволяют вести статистику, дающую сведения о количестве пользователей данного интернет-ресурса. ВКонтakte есть подобная опция для пабликов.

Данные, полученные при измерении аудиторных показателей, дают возможность изучить поведенческие особенности различных сегментов пользователей и проанализировать эффективность рекламного сообщения. Можно понять, какие материалы удовлетворяют читательские интересы аудитории, а какие отталкивают ее.

¹¹ Васильева С.А. Продвижение сайта в поисковых системах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 40–42.

Проследить зависимость посещения сайта сетевого издания от оформления материала (с соответствующей иллюстрацией или без).

Целевую аудиторию классифицируют по таким характеристикам, как гендерная принадлежность, возрастная категория, семейное положение, образование, социальный статус, финансовая обеспеченность, а также индивидуальные показатели, все это помогает выстраивать стратегию коммуникации с пользователями¹².

Данные, характеризующие обобщенный портрет аудитории, используются при разработке графической и содержательной модели издания: его дизайна, структурных особенностей, идейно-тематического своеобразия.

Интернет-СМИ классифицируют по разным параметрам:

1) по уровню профессиональности — профессиональные и любительские;

2) по характеру информации — новостные, информационные, аналитические, информационно-аналитические (смешанные), а также на качественные (элитарные), массовые (популярные) и смешанные (качественно-массовые);

3) по типу аудитории — общие и специализированные;

4) по частоте обновления — на регулярно обновляемые, нерегулярно обновляемые и обновляемые по мере поступления информации;

5) по методам работы с информацией — на контентосоздающие и контентопотребляющие, иными словами, на публикующие эксклюзив и так называемые “агрегаторы (сборщики) новостей”¹³.

Одно из типичных сетевых средств массовой информации — журнал “Питер Online”, который принадлежит организации CSN-PRO communications group, краткое наименование CSN-PRO. Учредителем ООО CSN-PRO, которая в 2011 г. была образована как флешмоб-проект, является Анатолий Коптев.

Тип данного издания в соответствии с приведенной типологией можно определить как профессиональное, новостное, массовое (популярное), специализированное (новости Санкт-Петербурга, развлекательного характера), обновляемое по мере поступления информации, контентосоздающее.

Общая характеристика и краткая история развития данного сетевого СМИ помогут понять его идейно-тематическое своеобразие.

Проект изначально строился как некоммерческая, общественная организация. Первым мероприятием был флешмоб “Водные бои”,

¹² Кий М.И. Изучение целевой аудитории в виртуальной среде. Сб. по мат. XII Всероссийской научно-практической конференции “Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов”. СПб., 2017. С. 117–125.

¹³ Градюшко А.А. СМИ и Интернет. Эволюция традиционной журналистики // Современная журналистика: методология, творчество, перспективы: Сб. науч. ст. Минск, 2008.

который собрал 17 человек. Вторым мероприятием был “Мыльный город”, в нем участвовали порядка 200 человек. Затем состоялось первое крупное мероприятие — запуск небесных фонариков на Марсовом поле с 2500 участниками. Позже был Фестиваль мыльных пузырей, привлечший 16000 человек.

Все это время в социальной сети ВКонтакте существовал паблик “Питер Online”, в котором, помимо анонса мероприятий, проводимых CSN-PRO, постепенно начали появляться новости и заметки об интересных местах и заведениях Санкт-Петербурга.

После последнего успешного мероприятия Анатолий Коптев принимает решение перевести компанию на профессиональный уровень, отказаться от волонтерской помощи и неквалифицированной рабочей силы. Проект становится коммерческим, паблик “Питер Online” (аудитория на тот момент составляет примерно 40000 человек) начинает продавать рекламу.

Летом 2012 г. компания организовала первый в России Фестиваль красок. Стоимость билетов составляла 300 рублей. Мероприятие посетили 3500 человек. Продвижение фестиваля проходило исключительно через сеть ВКонтакте.

Осенью 2012 г. создается SMM-отдел для ведения сообществ клиентов и для продвижения мероприятий. Клиентами становятся компании “Экспедиция”, включая мероприятие “Экспедиция-Трофи”, “Мир Детства”, “ScanTour” и др. В это же время паблик ВКонтакте “Питер Online” переименовывается в “Журнал Питер Online”.

В период с 2011 по 2013 г. компания активно проводит семинары, мастер-классы, участвует в университетских конференциях (СПбГУТ, ФИНЭК, ИНЖЭКОН и др.).

Осенью 2014 г. в дополнение к паблику ВКонтакте появляется сайт piteronline.tv, в феврале 2015 г. компания начинает зарабатывать от 300 тысяч рублей в месяц. В дальнейших планах руководства — зарегистрировать сайт piteronline.tv как сетевое издание и сделать его основным. Паблик ВКонтакте становится дублирующим: публикуются основные новости, анонсы событий.

Организационная структура журнала “Питер Online” имеет линейный тип, означающий, что все направления работы и почти все отделы подчиняются единственному начальнику — исполнительному директору Анатолию Коптеву. На данный момент в компании работает пять человек, условно их должности можно обозначить следующим образом: генеральный директор и владелец издания, помощник генерального директора, главный редактор, PR-менеджер, корреспондент. Должности сотрудников обозначены условно, так как при малочисленности коллектива сотрудники занимают сразу несколько порой дублирующих друг друга должностей.

Миссия компании прописана на сайте журнала: “Погружаем в мир ярких развлечений, продвигаем культуру здорового и позитивного образа жизни!”

Цель сообщества Питер Online, так же как и компании “Карнавал событий” в целом, — делать людей счастливыми, объединяя их в новое здоровое общество.

Концепция: Журнал “Питер Online” — это интересные мероприятия, красивые фотографии, уютные заведения, нестандартные достопримечательности и другие позитивные события Петербурга. Журнал “Питер Online”, рассказывая о мероприятиях, интересных событиях и местах, продвигает новую культуру отдыха, позволяющую развивать физическое и духовное здоровье. Важно понимать, что задача “Питер Online” — объединять людей со схожими интересами и укреплять новое сообщество. Журнал “Питер Online” является проводником для людей в счастливый мир, где весь город — это дом, а каждый житель — родной человек. Позитивный контент сообщества делает счастливыми его участников и приводит новых подписчиков, желающих жить полной радости, счастья и здоровья жизнью.

Интернет-журнал “Питер Online” структурирован, имеет навигацию: реклама, контакты, карта сайта, блог маркетолога, колонка редактора. Представлено несколько рубрик — “Новости”, “Афиша”, “Куда сходить”, “Места”, “Рестораны”, “Статьи”, “Обучение”. На наш взгляд, названия их несколько дублируют друг друга, можно было бы четче структурировать рубрикатор сайта¹⁴.

Рубрики делят контент по темам, что помогает читателю ориентироваться в огромном количестве информации, которая представлена на сайте. В “Питер Online” также есть рубрики, которые записываются хэштегами в конце текста. Хэштеги не только делят контент, но и используются для поиска материалов по определенной теме в строке поиска на сайте ВКонтакте. *Гипертекстуальность* — одно из свойств современных интернет-СМИ, что позволяет читателям детально изучать интересующую их тему при переходе по гиперссылкам на актуальные страницы ресурса.

Подписчики журнала имеют возможность пользоваться интерактивными опциями, что дает им возможность участвовать в повестке дня, ощущать себя в центре событий, влиять на редакционную политику издания.

Формы *интерактивности*, используемые в сетевом издании — e-mail, форум, чат, конкурсы, голосования, рейтинги, онлайн-интервью, видеоконференции¹⁵.

¹⁴ Сайт журнала “Питер Online”. URL: <https://piteronline.tv/>

¹⁵ *Такташева С.Г.* Организация и особенности деятельности сетевого издания. Теоретические материалы. Зима, 2008. С. 5–6.

Лента новостей журнала состоит из постов, которые имеют текстовую часть и иллюстрации (одну или несколько) или видеоматериалы, т.е. обладают *мультимедийностью*, что позволяет пользователю не только читать новость, но и видеть, и слышать ее.

Лента новостей “Питер Online” заполняется ежедневно в соответствии с планированием, которое основывается на календарных данных. Календарь находится в свободном доступе для всех редакторов. В него заносят все рубрики и посты, рейтинговые рубрики. Конкретные рейтинговые посты отмечаются зеленым цветом, посты среднего рейтинга — желтым цветом.

Календарь должен постоянно содержаться в активизированном состоянии, что возможно при четком планировании. Для этого редактору следует выполнять следующие действия:

- своевременно определять все темы и посты, которые обладают рейтингом;

- выявлять частоту трансляции события для поддержания интереса читателя;

- определять лучшее время размещения рейтинговых постов (проводить опросы, измерять частоту посещения сайта в определенное время);

- ставить рейтинговые посты в календарь с учетом наиболее оптимальных для публикации дней¹⁶.

Изучение целевой аудитории имеет большое значение как для удовлетворения информационных потребностей аудитории, так и для рекламодателей, от которых зависит финансовая независимость издания. Тем более это актуально в условиях высокой конкурентности, в которых находятся сетевые издания.

Основные конкуренты журнала “Питер Online” — издания “Интересные события в Санкт-Петербурге”, “Питер Бесплатный”, “Это Питер, детка! [Типичный Питер]”, “Питер: Инструкция по применению”, “Интересный Питер”, “KudaGo — куда сходить в Петербурге”.

Пабрики данных изданий представлены в социальной сети ВКонтакте и имеют ту же цель, что и “Питер Online” — рассказывают читателям о Санкт-Петербурге, интересных событиях и мероприятиях.

Надо отметить, что интернет-журнал “Питер Online” представлен на других социальных ресурсах, таких как Facebook, Twitter, Google Plus, Youtube.

Мы рассмотрим работу редакции с аудиторией на примере сети ВКонтакте, обладающей технологиями по ведению статистики посещения пабликов, которые выявляет факторы посещения, дает све-

¹⁶ Гусак О.А. Веб-аналитика в работе редактора интернет-СМИ // Актуальные вопросы современной науки. 2013. № 29. С. 185–194.

дения об уникальных посетителях, позволяет регулировать данный процесс, тем самым улучшать функционирование журнала “Питер Online”.

Исследования аудитории в редакции проводятся регулярно с использованием лог-анализатора сервера и данных счетчика посещений. Полученные сведения анализируются, что позволяет вовремя корректировать работу сотрудников, адаптируя ее к информационным потребностям пользователей¹⁷. Как правило, в сети по умолчанию отслеживаются посещения в течение 24 часов. Важно различать уникальных посетителей и количество просмотров. Под уникальным посетителем понимается пользователь, впервые посетивший определенную интернет-страницу за заданный промежуток времени. При возвращении потребителя на сайт в течение нескольких раз за день количество просмотров будет расти, но количество посетителей останется неизменным.

На рис. 1 отображено количество уникальных посетителей и просмотров за несколько месяцев: с начала 2015 г. до 31 мая 2015 г.

Среднее суточное количество уникальных посетителей за последние 30 дней: **2 608**
Общее количество уникальных посетителей за последние 30 дней: **50 616**

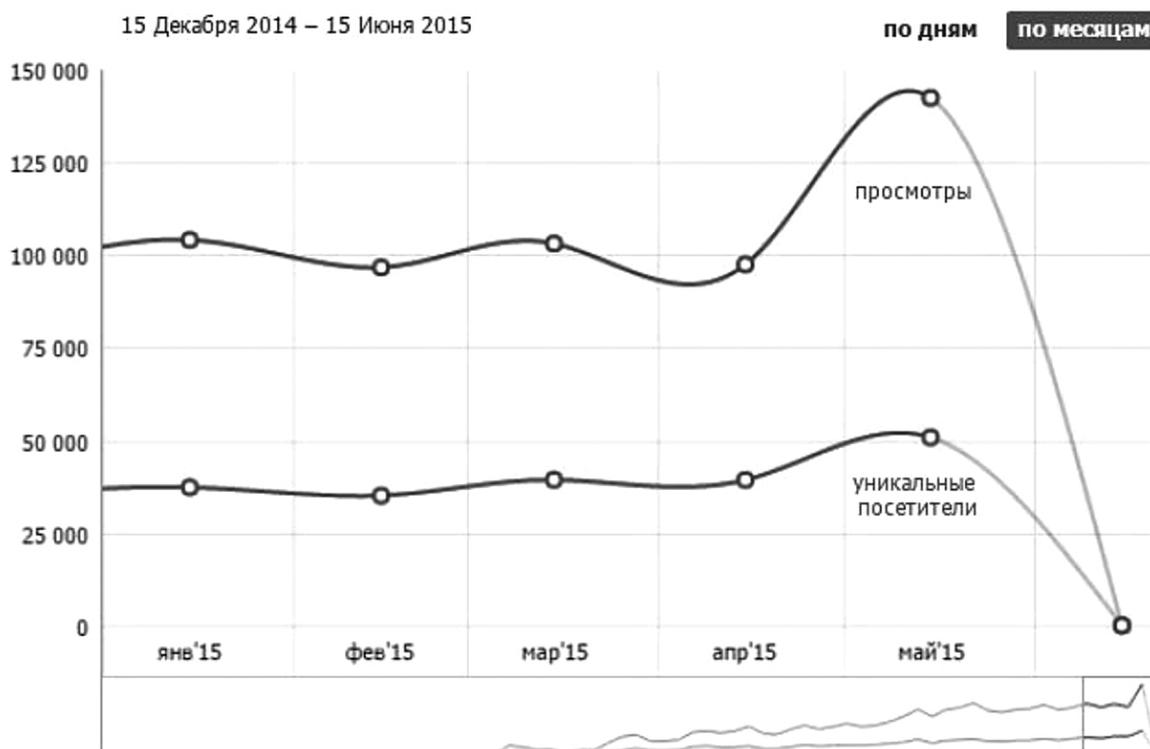

Рис. 1. Данные по уникальным посетителям и просмотрам журнала “Питер Online” в текущем времени за конкретный период

Из представленного рисунка видно, что количество уникальных посетителей и просмотров растет.

¹⁷ Гусев В.С. Аналитика веб-сайтов. Использование аналитических инструментов для продвижения в Интернет. М., 2008. С. 23–24.

Возможность оценить читательскую аудиторию по фактору пола и возраста является очень важной: в зависимости от этого будет формироваться контент издания и основные рекламные блоки.

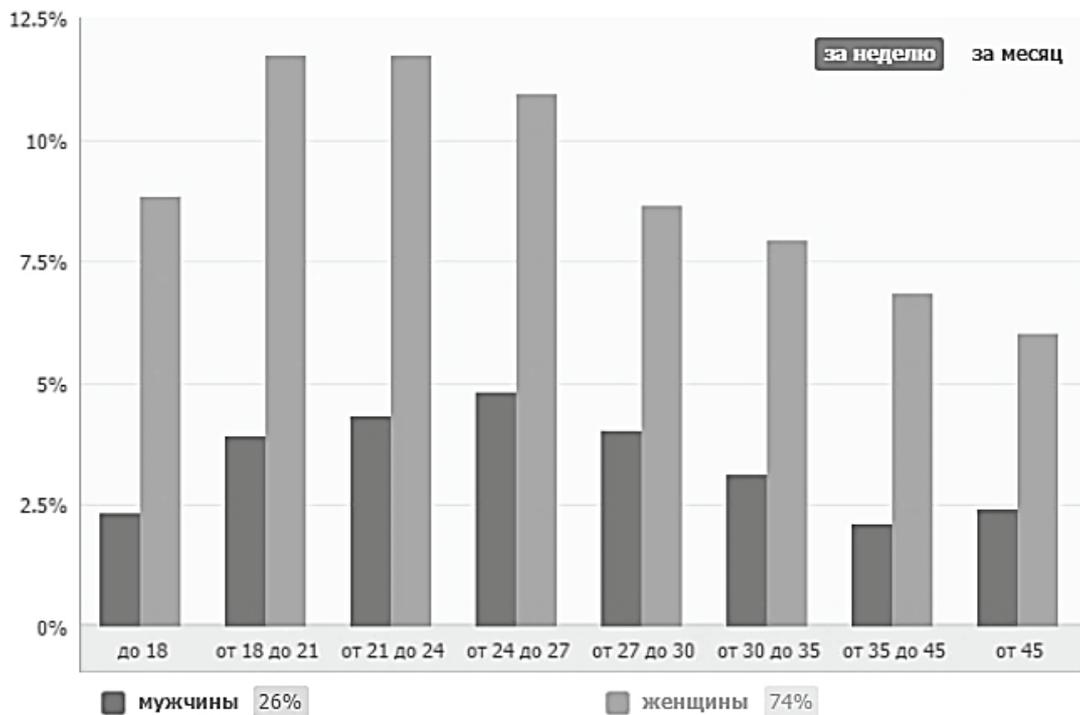

Рис. 2. Измерение посетителей журнала “Питер Online” по фактору пола и возраста за неделю

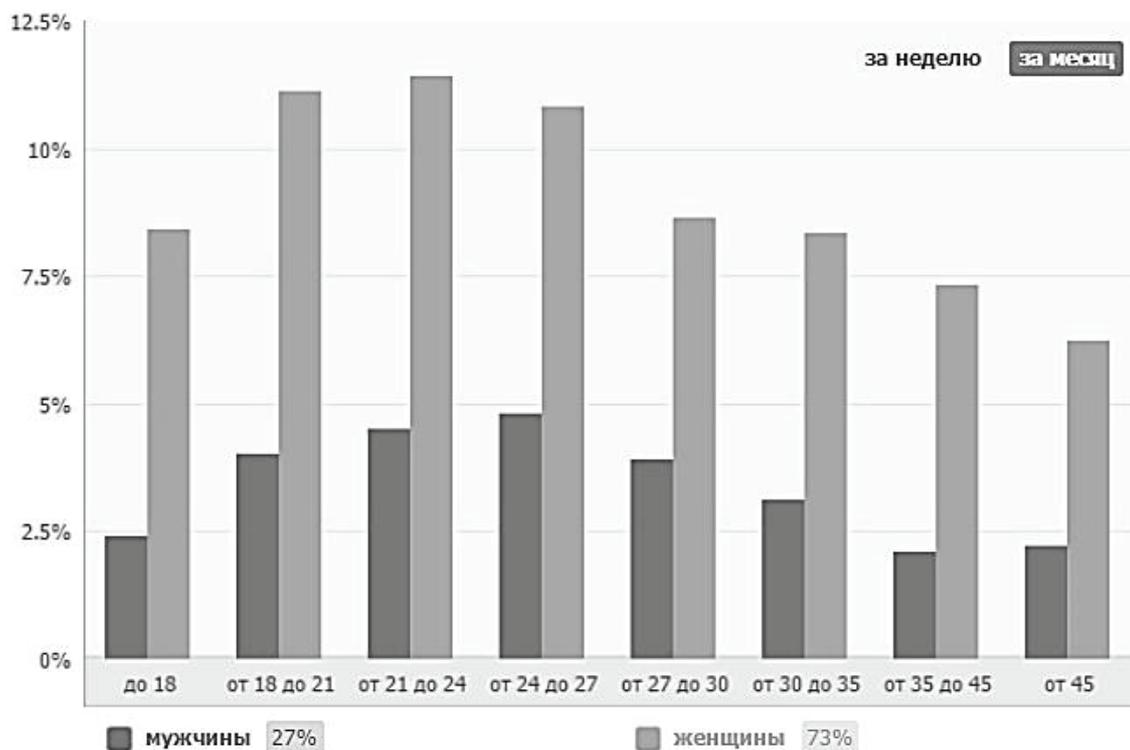

Рис. 3. Измерение посетителей журнала “Питер Online” по полу и возрасту за месяц

На рис. 2 представлены данные, позволяющие определить целевую аудиторию журнала “Питер Online” по фактору пола и возраста за неделю.

Данные, позволяющие определить целевую аудиторию журнала “Питер Online” по фактору пола и возраста за месяц, представлены на рис. 3.

Как видно из данных рис. 2 и 3, основными посетителями журнала “Питер Online” являются женщины в возрасте от 18 до 24 лет.

Место проживания читателей также является важной характеристикой аудитории. Измерение данного параметра представлено на рис. 4.

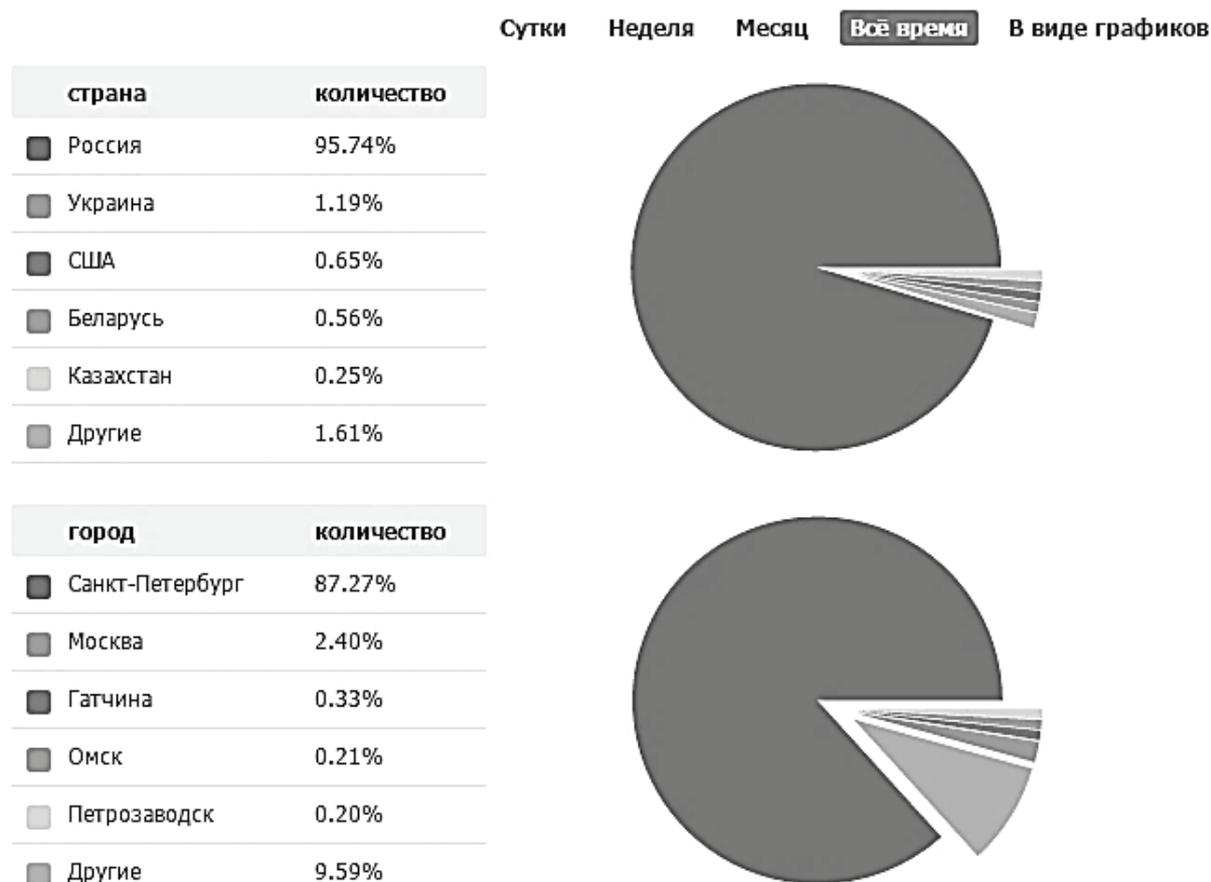

Рис. 4. Измерение параметра “место проживания” читателей журнала “Питер Online”

Как видно из рис. 4, основной аудиторией являются петербуржцы.

Статистика просмотров ВКонтакте позволяет узнать, как именно читатели попали на сайт (паблик) журнала “Питер Online”. Это имеет большое значение для рекламодателей: если читатель заходит на страницу журнала после того, как увидел новость в новостной ленте ВКонтакте, то это означает, что велика вероятность того, что размещенное рекламное объявление им было просмотрено.

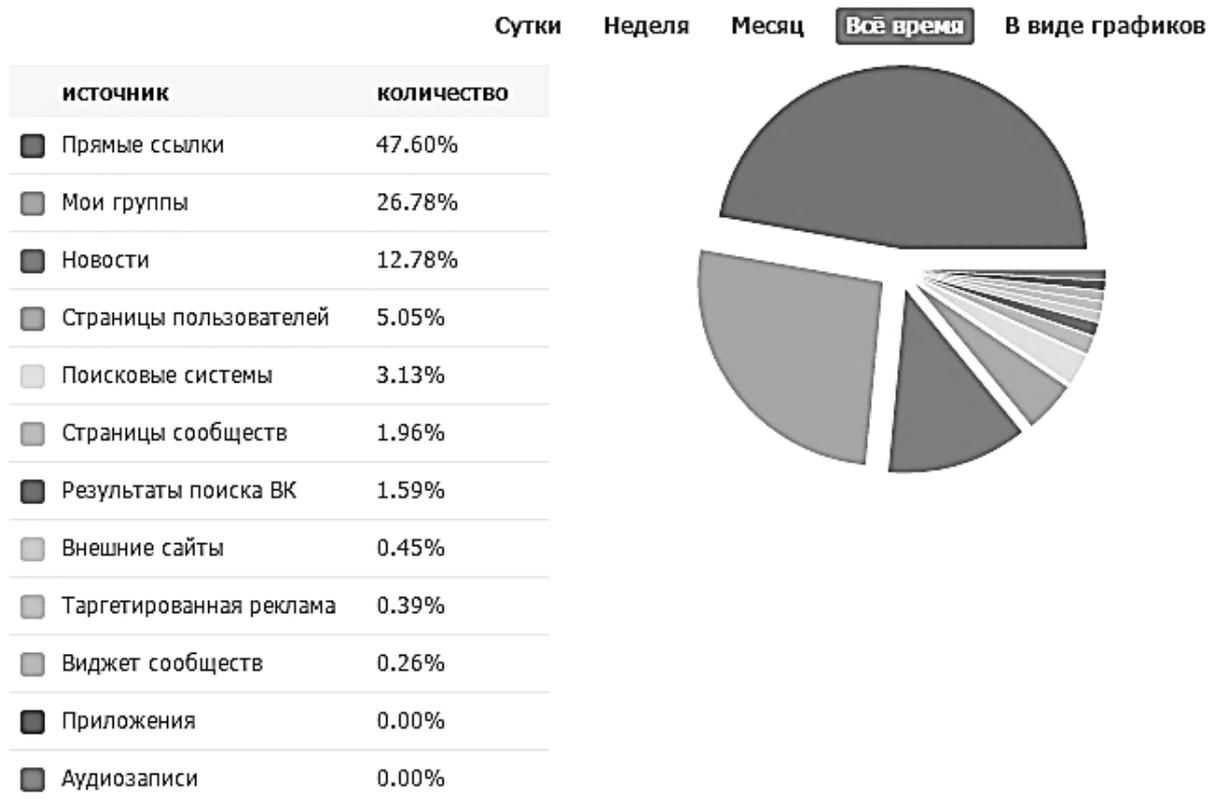

Рис. 5. Статистика основных источников перехода на страницу журнала “Питер Online”

Источники переходов читателей на страницу журнала “Питер Online” представлены на рис. 5.

Как видно из данных рис. 5, основным источником перехода являются прямые ссылки.

Участники паблика сети ВКонтакте — люди, подписанные на данный информационный ресурс. Подписка дает возможность новым публикациям отображаться в ленте новостей читателя без обязательного перехода на страницу журнала. Прирост участников позволяет сотрудникам издания понять, насколько интересна публикуемая на страницах журнала информация. Кроме того, прирост участников сильно влияет на стоимость размещаемой на страницах журнала рекламы: чем больше постоянных подписчиков, тем дороже размещение.

В анализе аудиторных факторов важен такой параметр, как прирост участников за сутки и за все время существования паблика. Прирост участников за сутки показывает, какие посты вызвали наибольший интерес у читательской аудитории.

Динамика изменения количества подписчиков журнала “Питер Online” за сутки показана на рис. 6.

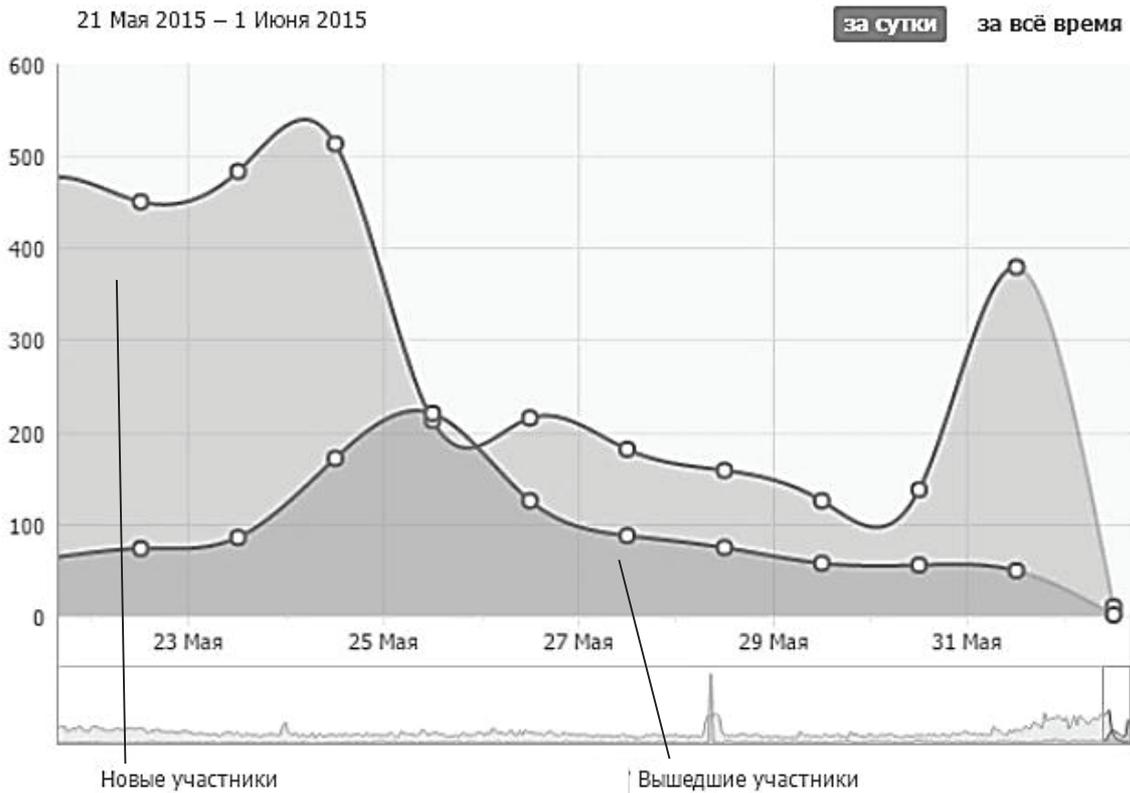

Рис. 6. Динамика изменения количества подписчиков журнала “Питер Online” за сутки

Прирост участников за все время существования паблика “Питер Online” показан на рис. 7.

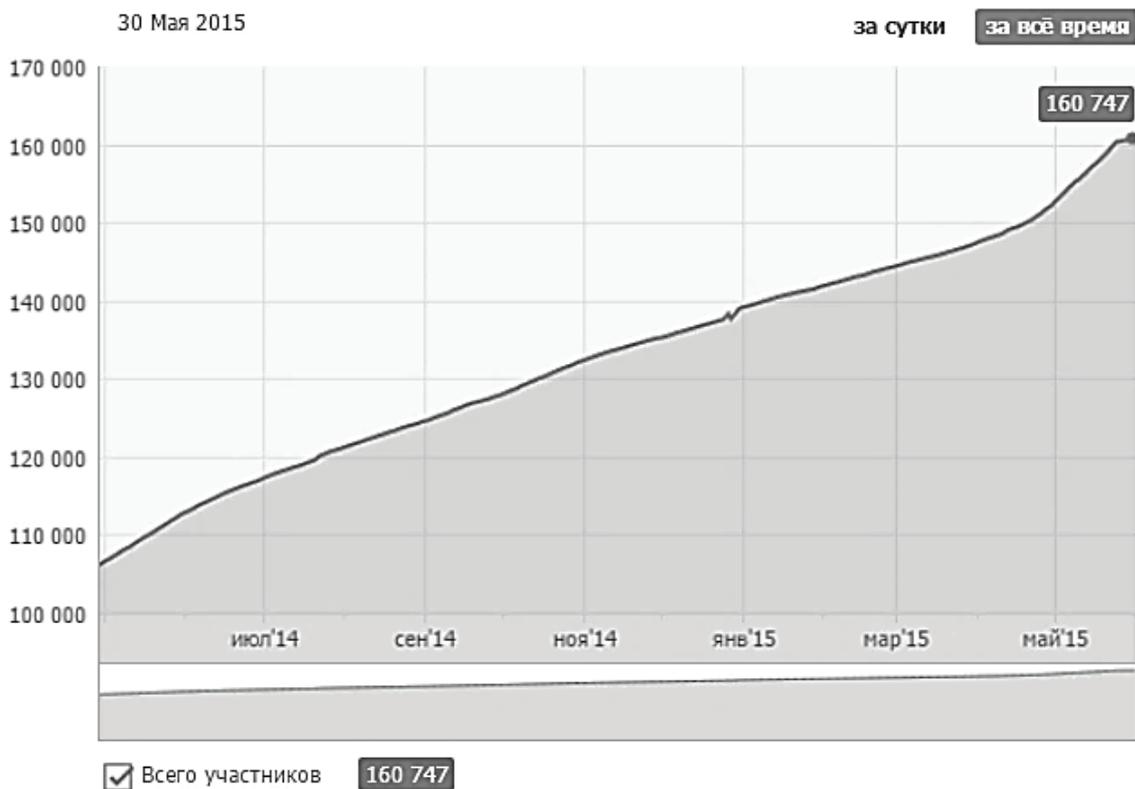

Рис. 7. Динамика изменения количества подписчиков журнала “Питер Online” за все время

Особый интерес для рекламодателей вызывает такой параметр статистики, как реакция на рекламное сообщение. Количество человек, подписавшихся или просто перешедших на страницу журнала “Питер Online”, показано на рис. 8.

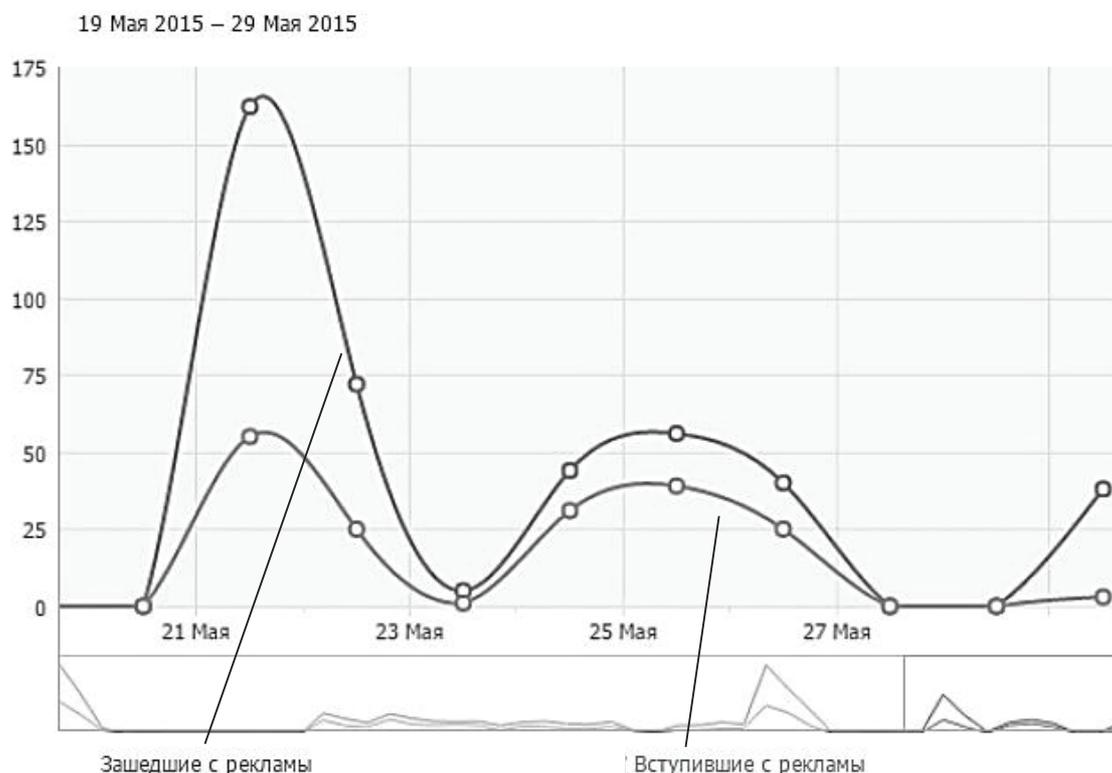

Рис. 8. Количество подписчиков и посетителей, “зашедших” на страницу “Питер Online” в связи с размещением рекламного сообщения

Данные, получаемые с помощью технологий, которыми оснащены социальные сети, дают конкретные количественные сведения о целевой аудитории, позволяющие редакционному персоналу выстраивать эффективную стратегию работы с читателями. Данное исследование показывает, что целевая аудитория журнала “Питер Online” — это современные активные жительницы (преимущественно девушки) Санкт-Петербурга, основной возраст которых от 18 до 24 лет. Интересы данной аудитории разнообразны, основной параметр, вовлекающий их в информационное поле сообщества “Питер Online”, — возможность оперативно узнавать все самые яркие события, происходящие в Санкт-Петербурге, возможность участвовать в них, вести активный образ жизни. Кроме того, читателей “Питер Online” привлекают преимущественно позитивные новости и их креативная подача.

Подводя итоги, можно отметить, что интернет-СМИ — издание, реализуемое как ресурс в интернете, обладающий интерактивностью, мультимедийностью, гипертекстуальностью. Данные характеристики отличают интернет-СМИ от традиционных изданий.

Редакция сетевого СМИ — социальная организация, в которой формируются специфические взаимоотношения, обусловленные статусно-ролевой иерархией и общей целью коллектива. Сетевая организация редакции имеет как плюсы, так и минусы. Неоспоримым преимуществом являются технологические возможности изучения аудитории, интерактивные способы взаимодействия с ней, что позволяет выстраивать стратегию развития издания.

На примере сетевого издания “Питер Online” показано, как происходит измерение основных параметров аудитории, ее информационных потребностей, в следствие чего формируется стратегия взаимодействия с пользователями и рекламодателями издания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильева С.А. Продвижение сайта в поисковых системах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4.

Градюшко А.А. СМИ и Интернет. Эволюция традиционной журналистики // Современная журналистика: методология, творчество, перспективы: Сб. науч. ст. Минск, 2008.

Гусак О.А. Веб-аналитика в работе редактора интернет-СМИ // Актуальные вопросы современной науки. 2013. № 29. С. 185–194.

Гусев В.С. Аналитика веб-сайтов. Использование аналитических инструментов для продвижения в Интернет. М., 2008.

Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 25.11.2017) “О средствах массовой информации” (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018).

Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М., 2005. URL: <http://www.eartist.narod.ru/text16/022.html> (дата обращения: 25.01.2018).

Кий М.И. Изучение целевой аудитории в виртуальной среде. Сб. по мат. XII Всероссийской научно-практической конференции “Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов”. СПб., 2017.

Сайт журнала “Питер Online”. URL: <https://piteronline.tv/>

Сапун А. Особенности структуры редакции интернет-СМИ. Распределение обязанностей. URL: <https://www.dni.ru/academ/2016/8/1/347411.html> (дата обращения: 05.02.2018).

Такташева С.Г. Организация и особенности деятельности сетевого издания. Теоретические материалы. Зима, 2008.

Теория организации: Уч. пособ. / Под общ. ред. Л. Ружанской. Екатеринбург, 2015.

Фомичева И.Д. Социология Интернет-СМИ. М., 2005.

REFERENCES

Fomicheva I.D. Sociologiya Internet-SMI [Sociology of the Internet media]. М., 2005 (in Russian).

Gradyushko A.A. SMI i Internet. Evolyuciya tradicionnoj zhurnalistiki [Media and the Internet. The evolution of traditional journalism] // Sovremennaya

zhurnalistika: metodologiya, tvorchestvo, perspektivy [Contemporary journalism: methodology, creativity, prospects]: Sb. nauch. st. Minsk, 2008 (in Russian).

Gusak O.A. Veb-analitika v rabote redaktora internet-SMI [Web analytics in the work of the editor of Internet media] // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki [Topical issues of modern science]. 2013. N 29. P. 185–194 (in Russian).

Gusev V.S. Analitika veb-sajtov. Ispol'zovanie analiticheskikh instrumentov dlya prodvizheniya v Internet [The analyst websites. The use of analytical tools for Internet marketing and promotion]. M., 2008 (in Russian).

Kalmykov A.A., Kohanova L.A. Internet-zhurnalistika [Internet journalism]. M., URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/022.html> (accessed: 25.01.2018) (in Russian).

Kij M.I. Izuchenie celevoy auditorii v virtual'noj srede [Study the target audience in a virtual environment]. Sb. po mat. XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Elektronnye resursy bibliotek, muzeev, arhivov". SPb., 2017. P. 117–125 (in Russian).

Sajt zhurnala "Piter Online" [The site of "Peter's Online"]. URL: <https://piteronline.tv/> (in Russian)

Sapun A. Osobennosti struktury redakcii internet-SMI. Raspredelenie obyazannostej [Features of the structure of the editorial office of the Internet media. Allocation of responsibilities]. URL: <https://www.dni.ru/academ/2016/8/1/347411.html> (accessed: 05.02.2018) (in Russian).

Taktasheva S.G. Organizaciya i osobennosti deyatelnosti setevogo izdaniya. Teoreticheskie materialy [Organization and features of the online edition. Theoretical materials]. Zima, 2008 (in Russian).

Teoriya organizacii: uchebnoe posobie [Theory of organization: textbook] / Pod obshch. red. L.S. Ruzhanskoj. Ekaterinburg, 2015 (in Russian).

Vasil'eva S.A. Prodvizhenie sajta v poiskovyh sistemah [Site promotion in search systems] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual problems of humanitarian and natural Sciences]. 2011. N 4 (in Russian).

Zakon RF ot 27.12.1991 N 2124-1 (red. ot 25.11.2017) "O sredstvakh massovoj informacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2018). The law of the Russian Federation from 27.12.1991 N 2124-1 (ed. from 25.11.2017) "on the media" (Rev. and extra. in force with 01.01.2018) (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-99-101

О ПРОВЕДЕНИИ КРУГЛОГО СТОЛА “ЛОББИЗМ КАК НЕФОРМАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ: ПРОБЛЕМЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ, МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ”

27 апреля 2018 г. на базе кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ был проведен круглый стол по теме “Лоббизм как неформальный политический институт: проблемы, национальные модели, механизмы и технологии”.

Целью круглого стола было обсуждение актуальных проблем изучения лоббизма как неформального политического института, структурного элемента механизма функционирования демократических социально-политических систем.

Ключевые слова: лоббизм, группы интересов, политические системы, демократия, круглый стол.

ABOUT THE ROUND TABLE “LOBBYISM AS AN INFORMAL POLITICAL INSTITUTE: PROBLEMS, NATIONAL MODELS, MECHANISMS AND TECHNOLOGIES”

On April 27, 2018 at the Department of Political Science and Sociology of Political Processes of the Faculty of Sociology of Moscow State University, a round table was held on the theme “Lobbyism as an Informal Political Institute: Problems, National Models, Mechanisms and Technologies”.

The purpose of the round table was to discuss topical issues of lobbying as an informal political institution, a structural element of the mechanism of democratic systems. The analysis of the problem involved the consideration of lobbying in historical, social, political, economic, cultural and methodological aspects.

Current section proposes readers series of publications of those authors who participated in the round table, prepared on the basis of their speeches and summaries of the discussion materials.

Key words: lobbyism, interest groups, political systems, democracy, round table.

27 апреля 2018 г. на базе кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ был проведен круглый стол по теме “Лоббизм как неформальный политический институт: проблемы, национальные модели, механизмы и технологии”.

Целью круглого стола было обсуждение актуальных проблем изучения лоббизма как неформального политического института, структурного элемента механизма функционирования демократических социально-политических систем. Анализ проблемы предусматривал рассмотрение лоббизма в историческом, социальном, политическом, экономическом, культурном и методологическом аспектах. Логику рассмотрения проблемы определяли выделенные темы для обсуждения:

- исторические аспекты формирования лоббизма как неформального политического института;
- методологические проблемы исследования группового подхода в политике;
- формы лоббизма, механизмы и технологии их реализации;
- лоббизм как специфический вид представительства интересов (общие проблемы и страноведческие особенности);
- специфика международного лоббизма (общие и методологические проблемы);
- исторически сложившиеся модели лоббизма в сравнительном контексте;
- особенности лоббизма в развивающихся странах;
- лоббизм в Российской Федерации: вопросы истории, теории, методологии, технологий.

В обсуждении проблем круглого стола приняли участие профессор и преподаватели социологического факультета: доктор философских наук, профессор Н.С. Федоркин, кандидат политических наук, доцент П.С. Каневский, кандидат социологических наук, доцент Н.В. Карпова, кандидат социологических наук, доцент Н.Г. Деханова, — а также ведущие специалисты в области изучения групп интересов в политике, лоббизма, GR-менеджмента: доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского университета А.В. Павроз, кандидат политических наук, доцент ВШЭ руководитель центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти П.А. Толстых, доктор политических наук, профессор, председатель президиума московской коллегии адвокатов “Бинецкий и партнеры” А.Э. Бинецкий, доктор политических наук, профессор, директор центра государственно-частного партнерства РАНХИГС Л.Е. Ильичева, кандидат полити-

ческих наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО, Программный директор фонда “Валдай” А.А. Сушенцов, кандидат политических наук, сотрудник консалтинговой компании “Bridgens” А.Н. Тимченко, кандидат политических наук, преподаватель Университета Ратгерс (США) С.С. Костяев, аспиранты и магистранты социологического факультета.

Вниманию читателей представлены публикации участников круглого стола, подготовленные на основе их выступлений и обобщении материалов развернувшейся дискуссии.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-102-116

ЛОББИЗМ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Н.С. Федоркин, докт. филос. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье раскрываются место и роль лоббизма в механизме функционирования социально-политических систем демократических стран. В историческом контексте рассматривается американская версия группового подхода в политике и ее восприятие на европейском континенте. Уточняется понятие лоббизма как определенной деятельности групп давления, его механизм и функции. Раскрыто соотношение понятий лоббизма и коррупции. Выявлены особенности лоббизма в развивающихся странах. Лоббизм рассматривается как структурный элемент механизма функционирования социально-политических систем.

Ключевые слова: социально-политическая система, групповой подход в политике, американская версия группового подхода в политике, понятие лоббизма, лоббизм как формальный и неформальный социально-политический институт, механизм и функции лоббистской деятельности, лоббизм и коррупция.

LOBBIZM AS A STRUCTURAL ELEMENT OF THE MECHANISM OF FUNCTIONATION OF SOCIO-POLITICAL SYSTEMS

Fedorin Nikolay S., Doktor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sciences and Sociology of Political Processes at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: seneca-j@yandex.ru

The article reveals the place and role of lobbying in socio-political systems mechanism of functioning in democratic countries. The American version of the group approach to politics and its perception of the European continent are considered in the historical context. The concept of lobbying as a certain activity of pressure groups its mechanism and functions are specified. The concepts of lobbying and corruption correlation is revealed. The features of lobbying in the developing countries are

* Федоркин Николай Семенович, e-mail: seneca-j@yandex.ru

identified. Lobbying is considered as a formal and informal institution of socio-political systems mechanism of functioning.

Key words: *socio-political system, group approach in politics, the American version of the group approach in politics, the concept of lobbying as a formal and informal socio-political institution, mechanism and functions of lobbying, lobbying and corruption.*

Хотя термин “лобби”, как отмечают многие авторы, в английском языке появляется в середине XVI в., однако наполнение его содержанием, близким к контексту рассматриваемой проблемы, намечается уже в эпоху Английской буржуазной революции XVII в. В содержательном плане он включал в себя две составляющие. Во-первых, определенное пространство, — вестибюль и два коридора в здании Палаты общин британского парламента, — ассоциирующееся с этимологией термина “лобби”, где, во-вторых, в перерывах работы депутаты могли встречаться с не допускавшимися на пленарные заседания парламента *заинтересованными в их деятельности лицами*. «Остается лишь гадать, — заметит один из исследователей американского лоббизма, — с этих ли именно коридоров и встреч начиналась политическая биография слова “лоббист” и являлись ли эти заинтересованные лица далекими предшественниками современных лоббистов¹».

На наш взгляд, по поводу этого мнения можно дать вполне утвердительный ответ. Ведь в ходе этой революции были заложены основы классической традиции политической философии либерализма, положено начало разработки теории разделения властей как фундаментального теоретико-методологического принципа формирования институтов власти современных, т.е. буржуазных государств. Политическими результатами последнего этапа этой революции, так называемой *Славной революции* 1688 г., станет утверждение в Англии основ первого современного государства Нового времени — конституционной монархии. Правда, обновленная английская монархия останется пока дуалистической конституционной монархией, поскольку в руках короля сохранялась сильная исполнительная власть с правом абсолютного вето в отношении законодательной власти, но все-таки именно в эту эпоху были заложены легитимные основы буржуазного вектора развития страны и оформлены базовые нормы буржуазного государственного права. К наиболее важным из них можно отнести утверждение верховенства парламента в законодательной власти, исключительное право парламента на вотирование бюджета, запрет на взимание налогов в пользу короны без согласия

¹ Зяблюк Н.Г. Лоббизм в политической системе США. Специальность 23.00.02. Политические институты и процессы. Дисс. ... докт. полит. наук. М., 1997. С. 3.

парламента, определение военного контингента страны. Поэтому в новых условиях английский парламент действительно становился для “заинтересованных лиц” привлекательным *системным* инструментом возможного влияния (давления) на процесс принятия тех или иных важных для них политических решений. Хотя, безусловно, это было только начало большого, сложного и противоречивого пути становления *группового подхода* в политике.

Английская революция станет одним из источников вдохновения для деятелей Американской революции XVIII в. (борьбы за независимость). В ходе осмысления ее политических уроков, одновременно “остерегающих” и “образцовых”², “отцы-основатели” США внесли значительный вклад в разработку теории разделения властей, в практику строительства современного буржуазного государства на принципах классической традиции политической философии либерализма.

Разрабатывая принципы формирования нового государственного устройства, авторы американской Конституции не скрывали своего негативного отношения к народовластию, к чистой *демократии*. В их представлении она всегда являла “собой зрелище смут и раздоров”, “страсть к различным мнениям касательно религии, правительства”, демонстрировала неспособность “обеспечить личную безопасность или права собственности”³. Причины этому они видели в самой природе человека, в его предрасположенности к взаимной вражде, и, особенно, в неравномерном распределении в обществе собственности, которое рассматривалось “стойким источником разгула крамолы”.

Несмотря на очевидную публицистичность в содержательном контексте это понятие интерпретировалось как некая *социальная группа*, число граждан, объединенных “общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным интересам всего общества”⁴. Общество нового государства авторам Конституции представлялось *плюралистическим*, состоящим из множества взаимодействующих между собой социальных групп *с противоположными интересами*, движимые “групповым духом” и взглядами. В политической философии архитектора американской конституции Дж. Мэдисона эти группы получили названия *фракций*, которые рассматривались им как структурные элементы общества, но не только. В его интерпретации фракция выступала в двух ипостасях: и как обычная группа социальной структуры общества, если ее взаимодействие с другими подобными группами не

² Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994. С. 378.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 79.

выражали действий, направленных против общественно значимых интересов, *общественного блага*; и одновременно фракция рассматривалась как “крамольное сообщество”, когда своими действиями она противопоставляла себя общественным интересам и становилась опасным явлением для сохранения личной и общественной свободы граждан, безопасности самого государства. Опасения Дж. Мэдисона по поводу фракций были связаны не с фактом их неизбежного существования, а с возможностью превращения одной из них во фракцию большинства, что могло привести к принесению в жертву ее интересам общественного блага и прав другой части граждан, меньшинства, под которым фактически подразумевалось состоятельное меньшинство страны.

Эту мысль лаконично выразил один из соавторов “Федералиста” Дж. Джей, смысл ее был более чем ясным: “...люди, владеющие страной, и должны править в ней”⁵. А в статье 63 “Федералиста”, подготовленной Дж. Мэдисоном и А. Гамильтоном, авторы пояснили смысл различий между античными формами республиканского правления и формой правления, принятой в Америке. Они видели их “в полном исключении народа, который представляется общенародным собранием, из участия в правлении в Америке, а не в полном исключении представителей народа из правления в древних республиках”⁶. Поэтому, в основном законе страны, принятом, кстати, узким кругом состоятельных лиц⁷, его авторы решали непростую двуединую задачу организации эффективной государственной власти. С одной стороны, новая форма правления, в их представлении, должна была обеспечить *свободу и формальное равенство* жизнедеятельности гражданам всех социальных групп общества, выдержать, таким образом, принцип демократии. С другой же, — “сохраняя дух и форму народного правления”, она должна была открыть легитимный доступ к ее вершинам гражданам, “чья мудрость позволяет наилучшим образом определить интересы страны”⁸. Решение этой проблемы Дж. Мэдисон видел в особом сочетании принципов ре-

⁵ Цит. по: Яковлев Н.Н. Послание в будущее // Федералист... С. 25.

⁶ Там же. С. 420.

⁷ Ныне действующая Конституция США была принята Конституционным конвентом в Филадельфии 17 сентября 1787 г. 55 делегатами штатов. Конституция принималась в чрезвычайных условиях разгула суверенитетов штатов конфедерации, роста социальных протестов и экономического хаоса. По разным обстоятельствам среди делегатов конвента не оказалось виднейших теоретиков Американской революции Т. Джефферсона, С. Адамса, Т. Пейна. В состав делегатов конвента, принявших Конституцию, входило 14 банкиров, 14 крупных землевладельцев и спекулянтов землей, 15 плантаторов, 12 предпринимателей и судовладельцев. 31 человек из них во главе с Вашингтоном, будущим первым Президентом нового государства, в годы борьбы за независимость был офицером (см. подробнее: Федералист... С. 8–12).

⁸ Федералист... С. 84.

спубликанизма (конституционализма) и демократии. По его мнению, республиканские порядки ближе к “общественному благу, чем при демократических, где оно выражается самим народом, собираемым для этой цели”⁹. Содержание этой формулы состояло в том, что “демократия без ограничений способна породить хаос и уничтожить тех, кто в меньшинстве, а конституционное государство без демократии может стать безответственным и коррумпированным”¹⁰. Ведь “свободе равно угрожает само злоупотребление свободой, как и злоупотребление властью”¹¹. Следовательно, приемлемая модель политической системы должна была выстроена таким образом, чтобы, с одной стороны, всенародно избранное правительство обеспечивало гражданам нового государства незыблемость общественной и личной свободы и формальное равенство, а с другой — обладало гарантиями и способностями системы “сокрушать и умерять разгул крамольных сообществ”¹².

Выполнению этих требований отвечали принципы, на которых выстраивалась новая политическая система. К ним относились принципы политического представительства, социального, политического, географического и конституционного плюрализма. Конкретно они вобрали в себя американскую версию принципа (теории) разделения властей с ее системой “сдержек и противовесов”. Вписанную в их контекст версию американского федерализма, “теорию фракций” Дж. Мэдисона и сложившуюся к середине XIX в. двухпартийную систему, определившие национальную специфику социально-политической системы США и место в ней группового подхода в политике¹³.

Подчеркнем при этом еще раз системообразующую роль в концепции республики Дж. Мэдисона его “теории фракций”. Рассматривая фракции как большую опасность для личности, общества и государства при условии превращения одной из них в подавляющее большинство, в них же он усмотрел и механизм возможного успешного регулирования процесса взаимодействия фракций между собой и государством. Он полагал, что если “крамольная группировка” включает в себя менее большинства граждан, то спасением от нее может стать “сам принцип республиканского правления, позволяющий справиться с вредоносными взглядами посредством простого

⁹ Федералист... С. 84.

¹⁰ Скидмор М.Дж., Трипп М.К. Американская система государственного управления. Вводный курс. М., 1993. С. 16.

¹¹ Федералист... С. 421.

¹² Федералист... С. 78.

¹³ См. об этом подробнее: Зяблюк Н.Г. США: лоббизм и политика. М., 1976; Он же. Практика лоббистской деятельности в США. М., 1994; Он же. Лоббизм в политической системе США. Специальность 23.00.02. Политические институты и процессы. Дисс. ... докт. полит. наук. М., 1997.

голосования”¹⁴. Следовательно, государственная власть должна поддерживать и поощрять “разнообразие присущих человеку способностей”, дарований как препятствий, не допускающих формирования в обществе “единообразия интересов”¹⁵, т.е. поддерживать в социально-политической системе условия и принципы формирования институтов власти, при которых минимизируются возможности образования фракции большинства. Сама же политическая система нового государства, выстроенная на указанных выше принципах мэдисоновского плюрализма, объективно предоставляла фракциям множество “точек доступа” на федеральном и штатном уровнях власти для лоббистской деятельности. В этих условиях свою главную задачу государство видело *в законодательном регулировании* “этих многообразных и противостоящих интересов... неизбежно окрашивая партийным и групповым духом все необходимые и повседневные действия правительства”¹⁶. Более того, исходя из этого принципа, оно должно было не только регулировать это многообразие противостоящих интересов фракций, но и инициировать появление новых интересов, способствовать этому и, следовательно, новых фракций как барьера для возможного появления организованного и сплоченного большинства, порождающего “крамольные сообщества”.

И неважно, что само понятие “лобби” в политической жизни нового государства впервые появится лишь в протоколах Конгресса США десятого созыва (1808). Фактически с момента образования нового государства в механизм его функционирования был заложен именно групповой подход в политике и начало формирования реальной практики лоббистской деятельности групп интересов. Ведь что такое лоббизм и его структура, если абстрагироваться от анализа различных сложившихся точек зрения в подходах к его исследованию в зарубежных и в отечественных источниках? Это, безусловно, *деятельность определенных субъектов, мотивированная некими интересами, которые могут быть реализованы только легитимными органами власти, и поэтому предполагающая сознательную постановку субъектами этой деятельности целей, определения путей, средств и способов их реализации посредством воздействия на властные институты. Следовательно, можно сформулировать и корректное понятие лоббизма. Лоббизм — это деятельность групп давления, направленная на органы государственной власти с целью оказания влияния (давления) на процесс принятия либо блокирования тех или иных государственных решений в их собственных интересах либо в интересах представляемых ими социальных групп и структур.* Содержание этого процесса будет развиваться в ходе

¹⁴ Федералист... С. 82.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 81.

оформления в стране двухпартийной системы, значимых социальных изменений, развития самой политической системы, а позднее — и принятия ряда различных нормативных актов и известных законов (1946 и 1995) о регулировании лоббистской деятельности.

Поэтому, кстати, на наш взгляд, не совсем корректными являются часто декларируемые в научной литературе утверждения о том, что родоначальником группового подхода в политике был А. Бентли как автор известной работы “Процесс управления. Исследование социальных давлений” (*Bentley A. The process of Government. A study of social pressures, 1908 г.*). Наверное, его правильнее будет называть одним из авторов, стоявших у основания выделения в групповом подходе к политике понятия “групп давлений”, что нашло отражение в части названия его работы — *исследование социальных давлений*. Хотя есть аргументированное мнение о том, что термин “группа давлений” сформировался только “в 1924–1925 гг. в среде политологов и журналистов, близких к Конгрессу США”¹⁷. Далее он войдет в категориальный аппарат дисциплин политического знания, которые в той или иной степени или непосредственно касались проблем исследования политического участия граждан, процесса принятия политических решений.

Для полноты представления специфики американской версии группового подхода в политике нельзя не отметить особую роль в его становлении, формировании и развитии сложившейся в стране двухпартийной системы. Начнем с того, что в духе времени, сложившегося еще в эпоху Английской революции, авторы Американской Конституции негативно относились к политическим партиям, видя в них разрушительную силу общества и по замыслу их концепции республиканской формы правления даже не предполагали систему партийного правления. В политической лексике в эту эпоху понятия “фракция”, “партия” и “класс” часто употреблялись как взаимозаменяемые.

Парадокс мэдисоновской концепции группового подхода в политике состоял в том, что “антипартийная” по своей сути, она явилась основой для партийного размежевания элитных групп уже при ратификации Конституции в лице фракций федералистов и джефферсоновских республиканцев. Таким образом, дух фракционной борьбы будет перенесен под крышу Конгресса США первого созыва, где “партии, — как справедливо заметит Н.Г. Зяблюк, — выросли непосредственно из фракционной борьбы”¹⁸. Формирование таких политических структур с характерными для них чертами организа-

¹⁷ Баранов С.Д. Группы давления в политическом процессе современной России (Теоретико-методологический анализ). Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. С. 13.

¹⁸ См.: Зяблюк Н.Г. Лоббизм в политической системе США... С. 20.

ции, децентрализации и слабой партийной дисциплины обеспечивало групповым интересам доступ к процессу принятия политических решений, способствовало созданию в Конгрессе “региональных, экономических, идеологических, политических или иных интересов”, постоянных или временных межпартийных, внутривнутрипартийных и внепартийных блоков и группировок, которые голосовали “не по партийному признаку, а исходя из объединяющего их отношения к конкретным проблемам”¹⁹. Такие группировки получили название “кокусов”, выступающих для групповых интересов эффективными “точками доступа”, по существу, готовыми инструментами для осуществления лоббистской деятельности.

В нашу задачу не входит детальный анализ процесса формирования и поэтапного развития американской версии лоббизма. Мы согласны с мнением тех зарубежных и отечественных авторов, которые рассматривают американскую модель лоббизма как классическую. Поскольку она исторически и содержательно представляла собой масштабное явление политической жизни, сложившееся в эпоху революционных трансформаций стран Западной Европы и Америки, зарождения нового, т.е. буржуазного мира, и носила, безусловно, пионерский характер. Поэтому в прямом смысле по “горячим следам” исторического процесса этой переходной эпохи, как реакция на эти процессы, возникали различные теории, авторы которых, как заметит Р. Арон, создавали их исходя из поставленного ими диагноза своему времени²⁰.

В контексте нашей проблемы исследования в этом смысле выделяется фигура А. Токвиля, как автора известных исследований “Демократия в Америке” (1835, 1840) и “Старый порядок и революция” (1856). Для нас в большей степени представляет интерес первая работа. Именно в ней автор формулирует основные тезисы своего понимания “диагноза времени” на основе всестороннего анализа американского опыта. Поскольку для нас важнее конечные выводы этой концепции, выразим их предельно кратко. Мир, по мнению автора, вступил “в эпоху великой демократической революции”, которая “почти достигла естественных пределов своего развития” в Америке и “стремительно идет к власти в Европе”. Демократия — это равенство условий существования людей, “предначертанная свыше неизбежность”, установление которой носит “всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей”²¹. Поэтому те, кто цепляется за прошлое, думает о восстановлении монархий “в дни, когда завершается смешение всех

¹⁹ Зяблюк Н.Г. Лоббизм в политической системе США... С. 22, 23.

²⁰ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 226.

²¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1994. С. 23, 27, 34.

классов”, делают огромную стратегическую ошибку. Демократия “не самая искусная форма правления”, поэтому в силу неизбежности ее прогрессирующего развития, А. Токвиль рекомендует правящим элитам встать впереди этих процессов, руководить ими, укреплять демократические институты, прививать всем гражданам идеи и чувства, которые *подготовят их* к свободе, а затем позволят ей пользоваться. Если это не произойдет в Европе, “то никто не будет свободен — ни буржуазия, ни аристократия, ни богатые, ни бедные. Все в равной степени попадут под гнет тирании”, следовательно, “лучше быть уравненными свободой, чем деспотизмом”²².

Работа А. Токвиля “Демократия в Америке” многоаспектна в своем содержании. Она является фактически первым крупным осмыслением версии американской демократии в соотнесении с опытом результатов европейских социально-политических трансформаций. Ведь новому миру были “необходимы новые политические знания”²³. И сам автор смотрел на свой труд как на исследование, которое создавалось “в состоянии своего рода священного трепета” и касалось “не одних США, а всего мира... не одного народа, а всего человечества”²⁴. Поэтому он неоднократно подчеркивал мысль о том, что американский опыт дает “полезные уроки” тем, кто хочет реализовать демократию в своих странах²⁵. Некоторые из них, на наш взгляд, сохраняют важное методологическое значение при оценках процессов демократизации стран, национальных и региональных концепций лоббизма (моделей лоббизма), особенностей формирования лоббизма в развивающихся странах.

Во-первых, А. Токвиль категорически выступал против уже тогда появившихся мнений о том, что он представил некий общеобязательный для всех стран образ американской демократии. “Я далек от мысли, — отмечал он, — что мы должны следовать примеру американской демократии и копировать средства, которыми она воспользовалась для достижения своей цели. Мне хорошо известно, как сильно влияет на политическое устройство страны ее природа и история, и я считал бы великим несчастьем для человечества повсеместное однообразие форм свободы”²⁶. В фундаментальном по объему и содержанию исследовании, мыслитель в различных аспектах рассматриваемых проблем раскрывает целую систему факторов, способствующих и противодействующих развитию демократических процессов. Среди них особое внимание он уделяет

²² Токвиль А. де. Указ. соч. С. 236–237.

²³ Там же. С. 30.

²⁴ Там же. С. 30, 29, 235.

²⁵ Там же. С. 34, 235 и др.

²⁶ Там же. С. 34, 237 и др.

природным характеристикам стран, их истории, состоянию нравов, законов и их исполнению, зрелости политических и социальных институтов, уровню свободы СМИ, внутренним характеристикам самих *групп интересов*, в его интерпретации — *политических и гражданских ассоциаций*. “Простое копирование нормативных актов по образцу американской модели” и сегодня не гарантирует успеха функционированию института лоббизма не только в развивающихся странах, “но и в экономически более развитых западных странах”²⁷. В этом смысле суждение исследователя демократии в Америке поистине наполнено проверенным историей методологическим содержанием.

Во-вторых, актуальным, и, может быть, в большей степени, чем в эпоху А. Токвиля, является выдвинутое им положение о необходимости сравнительных исследований как метода познания демократий различных стран. В своих исследованиях, как заметит Р. Арон, он выступает “по преимуществу как социолог-компаративист, стремящийся путем сопоставления разных обществ, принадлежащих к одному и тому же виду, выявить в них значительное”²⁸. Две его основные указанные книги в сравнительном аспекте отвечают на вопросы о том, “почему в Америке демократическое общество оказалось либеральным” и “почему Франции на пути к демократии было столь трудно поддерживать политический режим свободы”²⁹. На наш взгляд, А. Токвиля можно вполне отнести к одному из самых заметных родоначальников политической компаративистики начального этапа становления современной политической науки. В некотором смысле он предшествовал известным в области политической компаративистики социологически ориентированным политологам эпохи поведенческой революции, какими явились, например, Г. Алмонд, Р. Даль и др.

В-третьих, особое место в контексте рассматриваемой проблемы в творчестве А. Токвиля занимает его теория о *гражданских и политических ассоциациях* и их роли в формировании, развитии и функционировании демократических политических режимов. В его политической лексике эти понятия по существу являются калькой с идей и концептов мэдисоновского группового подхода в политике. Но выводы его, на наш взгляд, оказываются более глубокими и содержательными, осовремененными, прежде всего, анализом бурных революционных событий, катком прокатившихся по странам Западной Европы. Он полагал, что среди законов, управляющих челове-

²⁷ Каневский П.С. Национальные модели лоббизма: типы и механизмы функционирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 137.

²⁸ Арон Р. Указ. соч. С. 227.

²⁹ Там же.

ским обществом, есть “один абсолютно непреложный и точный”. Его смысл состоит в том, чтобы умение людей “объединяться в союзы развивалось и совершенствовалось с той же самой быстротой, с какой среди них устанавливается равенство существования”³⁰. Только одна страна в мире, по его мнению, обладает правом объединения граждан в политические ассоциации. Это США. В странах же, где политические ассоциации запрещены, гражданские ассоциации представляются редким явлением. Но именно гражданские ассоциации “подготавливают почву для создания политических ассоциаций”, а последние “в высшей степени способствуют развитию и совершенствованию способов создания гражданских ассоциаций”³¹. Участие граждан в политических ассоциациях мыслитель сравнивал с “бесплатной школой”, в которой “каждый гражданин изучает общую теорию создания ассоциаций”³², развивает склонность и привычку объединяться к совместным действиям, обучается искусству создания союзов.

По существу А. Токвиль развивает глубокую мысль о том, что общество становится жизнеспособным, когда оно само активно участвует в политической жизни, своей деятельностью формирует общество гражданское как важнейшее условие развития демократического политического режима. В отличие от Европы, где политические партии, по его мнению, ставят своей задачей “не убеждать, а побеждать”, в которых “нередко царит тирания еще более невыносимая, чем тирания правительств, с которыми они борются”, в Америке политические организации “по своей сути мирные и пользуются в своей борьбе законными средствами”³³. Внутреннее управление в американских политических ассоциациях децентрализовано и представляет собой, “гражданское управление”, политический менеджмент, как сказали бы мы сегодня, при котором “никто не приносит в жертву свои волю и разум”, а, наоборот, “воля и разум каждого способствуют достижению успеха в общем деле”³⁴.

Не будем придирааться к некоторой идеализации автором американской демократии, да и к специфическому содержанию, которое он вкладывает в понятия *демократии, свободы, партий*. Он ведь был не первым в такой ситуации. Ведь и Ш. Монтескье, некогда увлекшись политическими порядками Англии, приписывал им те качества, которые в большей степени рождались в его воображении, чем в отражении реально существующего политического режима страны того времени. Важно другое. А. Токвиль ставит проблему, которая

³⁰ Токвиль А. де. Указ. соч. С. 361.

³¹ Там же. С. 384.

³² Там же.

³³ Там же. С. 158, 159.

³⁴ Там же. С. 159.

остаётся актуальной для десятков стран мирового сообщества нашего времени. Чтобы быть демократическим, общество должно стать *гражданским обществом, а государство — правовым*. Реально, не в декларациях! И путь этот тернист. Все народы “идут к одной цели, но не обязаны выбирать один и тот же путь”³⁵. И в этом сложности пути каждого отдельного народа к этой “одной” цели.

В американском обществе А. Токвиль выделяет несколько видов ассоциаций. Это *политические объединения*, составляющие лишь незначительную часть огромного количества *общественных объединений*. Среди последних, в свою очередь, особо выделяются *деловые, промышленные ассоциации*³⁶. Этим, на наш взгляд, автор “Демократии в Америке” как бы намечает вектор будущих типологий групп интересов, теперь нам достаточно известных и исследованных. Ныне основная функция реальных *политических партий*, как специфических групп интересов, являющихся структурными элементами социально-политических систем, *формальными социально-политическими институтами*, действующими на основе законодательства, прописанных норм и процедур, — *политическое представительство* интересов социальных общностей в институтах законодательной и глав исполнительной властей. Цель политических партий — конкурентная борьба за завоевание либо участие в институтах государственной власти. Механизм реализации этих целей — институт демократических выборов.

Среди общественных объединений, *групп общественных интересов* особо выделяются *группы давления* как субъекты лоббистской деятельности. Их отличает высокая степень организованности, обеспеченности многообразием ресурсов, ясное осознание субъектами своих *интересов или интересов представляемых ими социальных групп* и, соответственно, целей, путей и средств их реализации путем воздействия на институты государственной власти. По своим функциям они дополняют институт официального представительства, агрегируют и оперативно доносят до институтов государственной власти интересы различных социальных групп и структур, участвуют, что называется, в формировании “повестки дня” процесса принятия политических решений, выступают инструментом активизации политического участия граждан и, таким образом, способствуют формированию гражданского общества, особенно в развивающихся странах. Важно, что в отличие от политических партий, группы давления не ставят цель завоевания власти, хотя по сути своей деятельности они могут выступать в поддержку тех или иных претендентов на власть.

³⁵ Токвиль А. де. Указ. соч.

³⁶ Там же. С. 378, 381.

Поскольку механизм функционирования групп давления связан с непосредственным включением их в процесс принятия политических решений, на наш взгляд, они объективно являются структурными элементами этого процесса и формальными институтами, если их деятельность регламентирована специальным законодательством либо системой норм и процедур их взаимодействия с институтами государственной власти. В этом случае своей деятельностью группы давления представляют относительно устойчивые и регламентированные формы социально-политической практики, посредством которой собственно и организуется общественно-политическая жизнь. Именно это и квалифицирует их как формальные социально-политические институты.

При этом в общественных объединениях все-таки следует выделять ассоциированные группы давления и группы общественных интересов. Первые включают в себя многочисленные и влиятельные группы бизнеса, профессиональные, этнические и другие ассоциации, которые часто обладают огромными ресурсами и способны реально оказывать давление на процесс принятия политических решений, создавать коррупционные ситуации, неформальные схемы лоббистской деятельности. И вторые, назовем их группами давления общественных интересов, массовых некоммерческих организаций, возможности которых влиять на процесс принятия политических решений ограничиваются по целому ряду причин, в том числе, и по причине их слабой ресурсной базы.

Исторически лоббизм создал о себе и весьма негативное впечатление, в том числе и в истории американской демократии. Он несет на себе эту печать до настоящего времени, поскольку грань между коррупцией и лоббизмом действительно очень тонкая. Это хорошо демонстрирует, например, состояние этой проблемы во всех развивающихся странах. Поэтому проблема государственного регулирования лоббизма — одна из важнейших проблем развивающихся стран, которая должна быть в центре внимания исследователей. Еще тот же А. Токвиль, например, тонко заметил по поводу всплеска коррупции в демократических правительствах, объясняя это тем, что в отличие от аристократических правительств, где мотивацией прихода во власть является честь, в демократических же правительствах во власть приходят в основном люди бедные и поэтому “им только предстоит нажать свое состояние”. Демократическая бюрократия фактически оказывает “государственную поддержку тем преступлениям, в которых ее обвиняют”. В качестве примера он приводил Англию, где голоса избирателей покупались за деньги

“общедоступно и гласно”³⁷. Возможно, суждение категоричное, но значительная доля истины в нем присутствует, ибо это актуально и в наше время.

Развивающимся странам, с их непростой судьбой, к которым относится и наша страна, очень нужна отработанная система государственного регулирования процветающего в стране неформального лоббизма. Поэтому рассуждения о том, что принятие закона о лоббизме — это копирование американской практики, что отсутствуют ресурсы на его реализацию, что закон не решит проблемы, поскольку неформальный лоббизм все равно будет иметь место и т.д., должны быть преодолены. Принятие закона о регулировании лоббистской деятельности действительно не снимет полностью проблем его неформальных форм. Но он, во-первых, введет лоббизм в правовое поле и это еще один шаг к правовому государству. Во-вторых, он будет “умерять возможности” неформального лоббизма и, тем самым, в-третьих, будет способствовать искоренению в стране системной коррупции и формированию гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

Баранов С. Д. Группы давления в политическом процессе современной России (Теоретико-методологический анализ). Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 1998.

Зяблюк Н.Г. США: лоббизм и политика. М., 1976.

Зяблюк Н.Г. Практика лоббистской деятельности в США. М., 1994.

Зяблюк Н.Г. Лоббизм в политической системе США. Специальность 23.00.02. — Политические институты и процессы. Дисс. ... доктора политических наук. М., 1997.

Каневский П.С. Национальные модели лоббизма: типы и механизмы функционирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3.

Каневский П.С. Развитие лоббизма в России: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4.

Скидмор М.Дж., Трипп М.К. Американская система государственного управления. Вводный курс. М., 1993.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1994.

Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1997.

Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994.

Яковлев Н.Н. Послание в будущее // Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994.

³⁷ *Токвиль А. де.* Указ. соч. С. 177.

REFERENCES

Aron R. Ehtapy razvitiya sociologicheskoy mysli [Stages of sociological thought development]. M., 1993 (in Russian).

Baranov S.D. Gruppy davleniya v politicheskom processe sovremennoj Rossii (Teoretiko-metodologicheskij analiz). Avtoreferat dis. ... kand. polit. nauk [Pressure groups in the political process of modern Russia (Theoretical and methodological analysis). Abstract of the dissertation ... of the Candidate of Political Sciences]. M., 1998 (in Russian).

Kanevsky P.S. Nacional'nye modeli lobbizma: tipy i mekhanizmy funkcionirovaniya [National models of lobbying: types and mechanisms of functioning] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2013. N 3 (in Russian).

Kanevsky P.S. Razvitie lobbizma v Rossii: teoriya i praktika [Development of lobbying in Russia: theory and practice] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 4 (in Russian).

Skidmore M.J., Tripp M.C. Amerikanskaya sistema gosudarstvennogo upravleniya. Vvodnyj kurs [American system of public administration. Introductory course]. M., 1993 (in Russian).

Tocqueville A. de. Demokratsiya v Amerike [Democracy in America]. M., 1994 (in Russian).

Tocqueville A. de. Staryj poryadok i revolyuciya [The old order and revolution]. M., 1997 (in Russian).

Federalist. Politicheskie ehssy A. Gamil'tona, Dzh. Mehdisona i Dzh. Dzheya [Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay]. M., 1994 (in Russian).

Yakovlev N.N. Poslanie v budushchee Federalist. Politicheskie ehssy A. Gamil'tona, Dzh. Mehdisona i Dzh. Dzheya [Message to the future. Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay]. M., 1994 (in Russian).

Zyabluk N.G. SSHA: lobbizm i politika [USA: lobbying and politics]. M., 1976 (in Russian).

Zyabluk N.G. Praktika lobbistskoj deyatel'nosti v SSHA [Practice of lobbying in the United States]. M., 1994 (in Russian).

Zyabluk N.G. Lobbizm v politicheskoj sisteme SSHA. Special'nost' 23.00.02. — Politicheskie instituty i processy. Dissertaciya v vide nauchnogo doklada na soiskanie uchenoj stepeni doktora politicheskikh nauk [Lobbying in the political system of the United States. Specialty 23.00.02. Political institutions and processes. Dissertation in the form of a scientific report for the degree of Doctor of Political Science]. M., 1997 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-117-124

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК МЕХАНИЗМ СОГЛАСОВАНИЯ ГРУППОВЫХ ИНТЕРЕСОВ

Н.Г. Деханова, канд. соц. наук, доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются особенности представительства интересов в системе социального партнерства современной России. Анализируются два основных подхода к категории “социального партнерства”: узкий, в рамках которого под социальным партнерством понимаются отношения между работодателями, наемными работниками и профсоюзами в трудовой сфере, и широкий, рассматривающий социальное партнерство как межсекторное социальное взаимодействие между тремя секторами общества — государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями с целью решения проблем социальной сферы. Анализируются условия, влияющие на процесс институционализации различных моделей социального партнерства. Особое внимание автор уделяет процессу становления института социального партнерства в современной России. Определены негативные факторы, сдерживающие формирование эффективной, а не формально действующей системы социального партнерства: неразвитость институтов гражданского общества, слабость профсоюзов, отсутствие эффективного представительства работодателей, слишком сильное доминирование государства, неравенство сторон. Использование зарубежного опыта неконфронтационных способов регулирования социальных отношений должно быть адаптировано к российским реалиям.

Ключевые слова: социальное партнерство, трипартизм, группы интересов, корпоративизм, гражданское общество, социальное государство, профсоюзы, объединения работодателей.

* Деханова Наталья Геннадьевна, e-mail: ndehanova@mail.ru

SOCIAL PARTNERSHIP AS A MECHANISM OF AGREEMENT OF GROUP INTERESTS

Dehanova Natalya G., Candidate of Sociology Sciences, Associate Professor
Department of sociology of public administration, Lomonosov Moscow State University,
Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ndehanova@mail.ru

The article deals with the features of representation of interests in the system of social partnership of modern Russia. Two main approaches to the category of “social partnership” are analyzed: narrow, in which the social partnership is understood as the relationship between employers, employees and trade unions in the labor sphere and broad, considering social partnership as intersectoral social interaction between the three sectors of society — government body, commercial enterprises and non-profit organizations in order to solve the problems of the social sphere. The conditions influencing the process of institutionalization of various models of social partnership are analyzed. The author pays special attention to the process of formation of the Institute of social partnership in modern Russia. The negative factors hindering the formation of an effective, rather than formal, system of social partnership are identified: the underdevelopment of civil society institutions, the weakness of trade unions, the lack of effective representation of employers, too strong state dominance, inequality of the parties. The use of foreign experience of non-confrontational ways of regulating social relations should be adapted to Russian realities.

Key words: social partnership, interest groups, corporatism, civil society, social state, trade unions, employers' associations.

Термин “социальное партнерство” и связанные с ним понятия “трипартизм” и “бипартизм” появились относительно недавно, в XX в. Однако идеи сотрудничества, компромисса, гармонизации в отношениях между различными социальными группами, которые проявляются, прежде всего, в моральной солидарности в обществе и консенсусе по поводу социальных ценностей на уровне политики и идеологии, появились значительно раньше. Достаточно вспомнить имена Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, А. де Сен-Симона, К. Маркса, Э. Дюркгейма и многих других, заложивших фундамент для построения теории социального партнерства. Самое непосредственное влияние на развитие идеи социального партнерства оказали, с одной стороны, теории групп интересов (А. Бентли, Г. Алмонд, Р. Даль и др.) и концепции социального государства (Л. фон Штейн, А. Вагнер, Г. Эспинг-Андерсен, Дж. Роулз, Г. Геллер, Х. Ламперт) — с другой.

Существует два основных подхода к категории “социального партнерства”. Первый базируется на тред-юнистическом толковании, в котором социальное партнерство рассматривается в трудовой сфере как отношения между работодателями, наемными работниками и профсоюзами. Второй подход рассматривает социальное партнер-

ство как межсекторное. Речь идет о взаимовыгодном сотрудничестве между тремя секторами общества — государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями с целью решения проблем социальной сферы в интересах всего населения или его отдельных граждан на данной территории. Таким образом, во втором случае можно говорить о более широком толковании социального партнерства, как о “специфическом виде общественных отношений между профессиональными, социальными группами, слоями, классами, их общественными объединениями, органами власти и бизнесом”¹. Некоторые исследователи² придерживаются той точки зрения, что происходит определенная эволюция в развитии института социального партнерства, переход от трипартистских (неокорпоративистских) моделей социального партнерства к так называемому “новому социальному партнерству”. Для трипартистской модели, получившей наибольшее распространение в Европе, а наиболее яркое воплощение — в социал-демократической Швеции, характерен диалог и сотрудничество между тремя основными социальными силами и их ассоциациями: наемными работниками (и их представителями — профсоюзами), работодателями (союзами работодателей) и государством в социально-трудовой сфере. В итоге конструктивного диалога в идеале интересы всех сторон: и государства — в стабильности и отсутствии социальной напряженности, и бизнеса — в получении прибыли, и наемных работников — в достойных условиях жизни — должны быть учтены. Однако не всегда данная модель оказывалась эффективной, во-первых, в связи с ростом “профсоюзной бюрократии”, которая порой отстаивала свои узкокорпоративные интересы, а не интересы профессионального сообщества; во-вторых, трипартизм отличает сильное государственное вмешательство в экономическую сферу; в-третьих, появляется тенденция роста иждивенческих настроений. В связи с этим, начиная с 80-х гг. XX в. все большее распространение получает так называемое новое социальное партнерство, главным отличительным свойством которого является увеличивающаяся роль организаций гражданского общества, включенных в систему функционального представительства на фоне уменьшающейся роли профсоюзов. Сразу хотелось бы оговориться, что отсутствие профсоюза в той или иной организации или членства в профсоюзе конкретного работника и по сей день не отменяет практически полный охват коллективными договорами на уровне предприятий и тарифными соглашениями, заключенными на

¹ *Осинов Е.М.* Методология социологического анализа социального партнерства как социального института // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 89.

² *Перегудов С.П.* Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // Полис. Политические исследования. 2007. № 3. С. 78–91.

национальном, отраслевом, территориальном и профессиональном уровнях. Например, в конце 1990-х гг. системой коллективных договоров было охвачено 98% работников в Австрии, 95 — во Франции и Финляндии, 92 — в Германии и около 80% — в Испании и Италии, в США этот показатель оставался в 5–6 раз ниже — 18%³. В 2013 г. в среднем по ЕС порядка 70% работников были охвачены системой коллективных договоров. Профсоюзы сохранили свои функции в усеченном виде, однако все больший вес имеют некоммерческие организации, которые наряду с протестной и лоббистской активностью выполняют спонсорские функции в социальной сфере. «Аккумулируя высокий политический ресурс, НКО обретает способность отстаивать в сферах своей непосредственной деятельности и в сфере социальных отношений в целом интересы общества и добиваться в меру своих сил и возможностей соблюдения их другими сторонами “треугольника”. Именно в этом последнем качестве НКО выступают как полноправный участник нового социального партнерства, причем участник, которого никто другой заменить не может»⁴.

Значительно шире стали и задачи, на которых концентрируется новый трипартизм, включая в себя и сферу социальных услуг, и социальную инфраструктуру. Однако необходимо отметить, что данная тенденция имеет значительное страновое разнообразие.

Какие же факторы влияют на процесс институционализации той или иной модели социального партнерства? Можно выделить ряд базовых условий, необходимых для развития социального партнерства вне зависимости от его типа. Так, некоторые исследователи выделяют среди таких условий разнообразие форм собственности, наличие зрелого гражданского общества, развитые демократические формы общественного устройства, наличие трудового законодательства, регулирующего социально-трудовые отношения в интересах всех субъектов данных отношений, высокий уровень развития производительных сил, участие работников в управлении производством и распределении доходов, современную систему социальных и экономических инфраструктур, достаточно высокий уровень жизни населения, отсутствие сильной дифференциации в доходах населения⁵.

Если начинать анализировать перечисленные условия, то становится очевидно, что в современной России далеко не все из них выполнены. Хотя необходимо отметить, что некоторые из этих условий являются и причиной, и следствием успешного функци-

³ *Соболев Э.Н.* Социальное партнерство в России: есть ли предпосылки? // Россия: путь к социальному государству. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня, 2008 г.). М., 2008. С. 568.

⁴ *Перегудов С.П.* Указ. соч. С. 83.

⁵ *Волгин Н.А., Гриценко Н.Н., Шарков Ф.И.* Социальное государство. М., 2009. С. 197.

онирования социального партнерства (например, развитие гражданского общества, повышение уровня жизни населения, снижение дифференциации в доходах). Тем не менее, де юре в России система социального партнерства функционирует с 1991 г., когда был издан Указ Президента РФ “О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)”; с 1992 г. существует Российская трехсторонняя комиссия (РТК); в 2001 г. вступил в действие Трудовой кодекс, призванный, по замыслу его разработчиков, укреплять институты социального партнерства. Однако большинство экспертов сходятся во мнении, что выстроенная в России система социального партнерства работает “вхолостую” и не выполняет в полной мере функцию представительства и согласования групповых интересов⁶. В чем же специфика функционирующей в современной России системы социального партнерства? В качестве основных проблемных точек можно обозначить следующее. Во-первых, несформированность зрелого гражданского общества, что является необходимым условием для развития институтов представительства интересов как независимых профсоюзов, так и работодателей. Тех социально-распределительных функций, которые профсоюзы выполняли в советское время, они в основном лишились, а защитные функции в условиях рынка и минимизированных государственных гарантий, реализовать не в состоянии. Классическим примером в данном отношении может быть европейская практика ведения профсоюзами переговоров с администрацией по заработной плате, сокращениям штата и пр. Как свидетельствуют данные социологических исследований, последние десятилетия роль профсоюзов в жизни наших соотечественников постоянно снижается. Так, по данным опроса ВЦИОМ 2015 г., “значительная часть россиян (68%) низко оценивали роль профсоюзов в защите прав трудящихся в нашей стране. При этом о низкой роли профсоюзов заметно чаще заявляют жители крупных городов (80%), респонденты в возрасте 45–59 лет (74%), а также сторонники непарламентских партий (81%)”⁷. По сути, в той форме, в которой сегодня профсоюзное движение существует в России, оно не выполняет основные функции групп интересов (артикуляции, агрегации интересов).

В качестве еще одной причины слабой эффективности профсоюзов некоторые исследователи отмечают отсутствие связей и взаимодействия с организациями гражданского общества, с НКО. В условиях, когда профсоюзное движение слабо и неэффективно, его кооперация с этими организациями не только могла бы придать

⁶ Горланов Г.В., Деханова Н.Г. Партнерство труда и капитала: сущность и формы осуществления в постиндустриальном обществе // Социальная политика и социальное партнерство. 2013. № 2. С. 35–44.

⁷ <https://iz.ru/news/581810> (дата обращения: 12.05.2018).

им политический вес, но и помочь в реализации их конкретных защитных функций. Однако подобная кооперация возможна в условиях распространения плюралистических практик и горизонтальных связей, что совсем нехарактерно для современной России.

Если рассматривать других участников системы социального партнерства, союзы и объединения предпринимателей, то они сосредоточились в основном на контактах с государством, лоббируя интересы бизнеса (главным образом, крупного). Последние обладают несомненно большим весом, что по сути ведет к гипертрофированному представительству крупного бизнеса.

Роль государства в России не только в социально-трудовой, но и во всех сферах жизни общества значительна в силу ряда социокультурных, политических, исторических, экономических причин. Государство в социальном партнерстве выступает в нескольких ипостасях: собственника, законодателя, арбитра, координатора, работодателя.

Российская специфика такова, что государство, являясь крупнейшим работодателем, не может быть только “над” сторонами в системе социального партнерства. Между тем, как главный работодатель страны государство само подавало пример неисполнения своих обязательств перед работниками в бюджетном секторе экономики (зарботные платы, необеспечивающие даже прожиточный минимум, задержки выплат и т.п.)

В то же время в условиях несформированности институтов гражданского общества механизмы социального партнерства были внедрены в нашу социальную практику “сверху”. С самого начала 1990-х гг. российский вариант социального партнерства характеризовался неравенством сторон (равенство сторон — один из ключевых принципов социального партнерства), которое выразилось в явном доминировании государства, слабости профсоюзов и отсутствии эффективного представительства работодателей. Более того, ряд исследователей приходят к выводу, что происходит усиление государственного корпоративизма в России. Хотелось бы в данной связи уточнить, что в так называемом новом, позитивном корпоративизме, который характерен для ряда европейских стран (прежде всего, Швеции, Австрии, Германии) нет ничего плохого при условии выполнения государством своей основной функции гармонизации и согласования интересов между различными группами, достижения консенсуса по базовым вопросам справедливости, решения широкого спектра общественных проблем. Однако если происходит несогласование между публично декларируемыми целями и реально осуществляемой политикой в узкокорпоративных, частных интересах отдельных групп, корпоративизм перестает носить позитивный характер.

Все вышесказанное вовсе не означает бесполезность попыток выстроить эффективно действующие механизмы согласования групповых интересов посредством системы социального партнерства. Социальное партнерство является неотъемлемым атрибутом современного социального государства. В зависимости от модели социального государства выстраивается та или иная модель социального партнерства, отвечающая конкретным запросам государства, гражданского общества и рынка. Конечно же, необходимо анализировать и использовать выработанную мировую практику неконфронтационных способов регулирования социальных отношений. Однако формирование его модели, адаптированной к современным российским условиям, сопряжено с наличием ряда объективных сложностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ВЦИОМ: Россияне больше не верят в профсоюзы // Известия. Электронный ресурс. URL: <https://iz.ru/news/581810> (дата обращения: 12.05.2018).

Горланов Г.В., Деханова Н.Г. Партнерство труда и капитала: сущность и формы осуществления в постиндустриальном обществе // Социальная политика и социальное партнерство. 2013. № 2. С. 35–44.

Осипов Е.М. Методология социологического анализа социального партнерства как социального института // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 89–92.

Перегудов С.П. Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // Полис. Политические исследования. 2007. № 3. С. 78–91.

Соболев Э.Н. Социальное партнерство в России: есть ли предпосылки? // Россия: путь к социальному государству. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня, 2008 г.). М., 2008. С. 568–573.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018).

REFERENCES

VCIOM: Rossiyane bol'she ne veryat v profsoyuzy [VTsIOM: Russians no longer believe in trade unions] // Izvestiya. Ehlektronnyj resurs [News. Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/news/581810> (data obrashcheniya: 12.05.2018) (in Russian).

Gorlanov G.V., Dekhanova N.G. Partnerstvo truda i kapitala: sushchnost' i formy osushchestvleniya v postindustrial'nom obshchestve [Partnership of labor and capital: the nature and forms of implementation in a post-industrial society] // Social'naya politika i social'noe partnerstvo [Social policy and social partnership]. 2013. N 2. S. 35–44 (in Russian).

Osipov E.M. Metodologiya sociologicheskogo analiza social'nogo partnerstva kak social'nogo instituta [Methodology of sociological analysis of social partnership as a social institution] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. 2011. N 1. S. 89–92 (in Russian).

Peregudov S.P. Tripartistskie instituty na Zapade i v Rossii: problemy obnovleniya [Tripartist institutions in the West and in Russia: problems of renewal] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political studies]. 2007. N 3. S. 78–91 (in Russian).

Sobolev Eh.N. Social'noe partnerstvo v Rossii: est' li predposylki? [Social partnership in Russia: are there any prerequisites?] // Rossiya: put' k social'nomu gosudarstvu. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Moskva, 6 iyunya, 2008 g.) [Russia: the path to a social state. Materials of the All-Russian Scientific Conference (Moscow, June 6, 2008)]. M., 2008. S. 568–573 (in Russian).

Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 05.02.2018) [Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on February 05, 2017)] (in Russian).

.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-125-134

ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ЛОББИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЯХ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Развитие лоббизма в современном мире напрямую связано с динамикой демократических режимов. Взаимодействие групп интересов и государства заложено в природе конституционных демократий. Однако как показано в данной статье, лоббизм в условиях демократии может рассматриваться с двух противоположных точек зрения — как продолжение духа демократии и развитие диалога между гражданским обществом и государством и как отклонение от принципов представительной демократии. В статье проанализированы категории общественных и частных интересов и показано, что трактовка роли групп интересов и лоббистских отношений в обществе зависит от того, как мы понимаем интерес и кого считаем носителями политических интересов. Показано, каким образом в XX в. строилась классическая научная дискуссия вокруг роли групп интересов в политике и что данная дискуссия не утратила актуальности и сегодня.

Ключевые слова: лоббизм, группы интересов, демократия, общественный интерес, представительство.

THE DUALISTIC NATURE OF LOBBYING IN MODERN DEMOCRACIES

Kanevskiy Pavel S., PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

The development of lobbying in the modern world is directly related to the dynamics of democratic regimes. The interaction between interest groups and the state is inherent in the nature of constitutional democracies. However, as shown in this article, lobbying in a democracy can be viewed from two opposite perspectives — as a continuation of the spirit of democracy and the development of a dialogue between the civil society and the state and as a deviation from the principles of representative democracy. The article analyzes the categories of public and private interests and it is

* **Каневский Павел Сергеевич**, e-mail: baggio-18@yandex.ru

shown that the interpretation of the role of interest groups and lobbying in a society depends on how we understand the interest and whom we consider as carriers of political interests. It is shown how in the XXth century a classical discussion was developing around the role of interest groups in politics and that this discussion has not lost its relevance today.

Key words: *lobbyism, interest groups, democracy, public interest, representation.*

Политическое пространство на национальных и наднациональных уровнях переживает эпоху глубинных трансформаций, которые не только меняют отношения между властвующими и подвластными, но и порождают новые вопросы о роли государства и его взаимодействии с обществом. Глобализационные процессы, сдвиги в социальной структуре обществ, увеличивающаяся роль рынка приводят к изменению в процессе и стиле принятия решений. Одной из главных черт современной политики становится ее многоакторность, когда привычные рамки функционирования политических систем расширяются под воздействием постоянно растущего количества внеинституциональных факторов, усложняющегося механизма взаимодействия между гражданским обществом и государством, повышающейся ролью бизнеса и негосударственных акторов.

Лоббизм в условиях демократии стал тем механизмом, который позволил соединить новые формы группового влияния с традиционными институтами власти. При этом сам по себе лоббизм — это не совсем классический институт власти, так как пока лишь в небольшом количестве стран он регулируется нормативными актами. Тем не менее, почва для развития лоббизма была изначально заложена в природе конституционных демократических режимов, которые создали условия для взаимодействия между заинтересованными группами и властью. Дух лоббизма можно проследить начиная с 10-й статьи “Федералиста” Джеймса Мэдисона¹ и заканчивая статьями большинства современных конституций, которые позволяют обращаться гражданам напрямую к власти (фактически минуя институты представительства). Конституционная предпосылка является важнейшим и первичным пунктом признания возможности существования лоббистских отношений. Однако методологическая трудность заключается в том, что в условиях демократии лоббизм всегда имеет различную специфику, так как сами демократические режимы различны по своей сути. В одних системах, в первую очередь в англо-саксонских, прямое влияние граждан на политиков является частью политической традиции, в других же демократических системах традиции представительства интересов настолько важны,

¹ См.: Мэдисон Дж. Федералист № 10 // Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994.

что на уровне культуры и ценностей лоббизм не воспринимается в качестве легитимного способа влияния.

Следует различать формальное и расширенное определение лоббизма. В формальном смысле лоббизм является институтом взаимодействия групп интересов с органами политической власти, который ограничен законами и нормами, регламентирующими его содержание. Иными словами, в данном случае речь идет о формальном, юридически очерченном институте. Однако несмотря на то что в мире сегодня становится все больше регулируемых законом институтов лоббизма, они не способны раскрыть все формы взаимоотношений между заинтересованными группами и политическими институтами, не говоря о тех странах, в которых лоббизм является неформальным институтом, не подпадая под действующее законодательство. Поэтому необходимо выделять широкую трактовку, согласно которой лоббизм — это вся совокупность деятельности групп интересов по отношению к органам власти с целью повлиять на принятие, изменение или непринятие политических решений. Вторая трактовка является более универсальной, так как позволяет включить в объект исследований весь механизм влияния групп интересов на органы власти и процесс принятия решений. С другой стороны, она неизбежно размывает объект анализа, так как включает в себя значительную часть неформальных отношений по поводу власти.

Впрочем, хотя развитие и легализация института лоббизма связаны с уровнем развития демократии, ни одна система в мире еще не смогла окончательно решить проблему прозрачности лоббистских отношений. Тем не менее, сегодня ситуация в корне отличается от того, что было еще два десятилетия назад, когда лоббизм в большинстве государств воспринимался как теневой институт. Сегодня подобное видение не преодолено и лоббизм все еще воспринимается негативно в ряде развитых демократий, особенно не относящихся к англо-американским системам. В итоге сегодня существует два полностью противоположных взгляда на природу лоббизма, которые позволяют говорить о дуалистической природе института лоббизма в современных демократиях. Согласно одному из них, лоббизм является отклонением от естественного представительства интересов, осуществляемого избираемыми институтами, и, следовательно, несет угрозу демократии. Например, в Соединенных Штатах сегодня обсуждаются уже не столько предоставление большей свободы лоббистам, сколько ограничение их влияния — данная тема занимает одно из центральных мест в повестке президентских кампаний начиная с середины 2000-х гг. Такие видные ученые, как Фрэнсис Фукуяма, открыто заявляют о том, что чрезмерно распространенные практики лоббизма становятся угрозой американской

демократии². Согласно другому взгляду, лоббизм — это, напротив, проявление демократических прав, закрепленных в конституциях и позволяющих гражданам обращаться к органам власти с целью отстаивания своих интересов и решения проблем. В конечном счете, данные дискуссии вращаются вокруг соотношения частных и общественных интересов, которые зачастую являются не просто научными, но и идеологическими категориями. Очевидно, что с точки зрения либеральной или социалистической идеологии понятие общественного интереса может восприниматься по-разному. Стоит заметить, что соотношение сил в этой дискуссии не постоянно, оно меняется вслед за реальными изменениями в общей структуре власти и влияния. Хотя общественная дискуссия, усилия законодателей, бизнеса, гражданского общества, профессиональных сообществ способствуют постепенной институционализации лоббизма, современным политическим системам еще предстоит пройти долгий путь, чтобы произошло кардинальное изменение восприятия как на уровне общественного мнения, так и органов власти.

Дуалистическая природа лоббизма прослеживается через основные этапы осмысления природы группового влияния в политике. Классический этап связан с именем Артура Бентли, который в работе “Процесс государственного управления” (1908) ввел понятие “группы интересов”. Согласно А. Бентли государство базируется на активности заинтересованных групп, а “общество представляет собой совокупность различных групп интересов”³. А. Бентли считал, что государство находится в тесной взаимосвязи с группами интересов, которые и определяют суть политического процесса. Что немаловажно, под интересами А. Бентли понимал преимущественно экономические интересы, вследствие чего политика рассматривалась им как сфера противостояния экономических интересов, в то время как роль государственных институтов сводилась к представительству интересов групп.

Тот факт, что А. Бентли говорил об экономических интересах, был позднее пересмотрен Д. Труменом в его трактовке “Процесса управления”. Благодаря Д. Трумену групповой подход достиг апогея своего развития в 1950-е гг. Позиция Д. Трумена состояла в том, что природа групп интересов лежит в политической и социальной плоскостях и не обязательно имеет экономическое происхождение⁴. Ключевой для Д. Трумена стала идея баланса сил между группами

² См.: *Fukuyama F. Political order and political decay: from the industrial revolution to the globalization of democracy. N.Y., 2014.*

³ *Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М., 2012. С. 14.*

⁴ *La Vaque-Manty M. Bentley, Truman, and the study of groups // Annual Review of Political Science. 2006. N 9.*

интересов, которая имеет большее значение для поддержания политической стабильности, нежели институциональные факторы. При этом государство Д. Трумен считал институтом, посредством которого осуществляется распределение ресурсов власти. Следовательно, группы, конкурирующие между собой, ищут доступ к центрам принятия политических решений в своем стремлении добиться от него благоприятного для себя распределения ресурсов. Таким образом, групповой подход стал в 1950-е гг. несомненным прорывом в политической теории, обозначив векторы изучения политического процесса через призму группового взаимодействия.

Однако уже в 1960-е гг. тенденция в изучении групп интересов смещается в сторону новой теории политического плюрализма, главным представителем которой стал Р. Даль. В то время как Д. Трумен развивал теорию групп интересов, отталкиваясь от работы А. Бентли, труд Р. Даля “Кто правит?”⁵ стал критическим ответом на публикации двух представителей элитистского подхода — Ч.Р. Миллса и Ф. Хантера⁶. В ходе взбудораживших социологическое и политологическое сообщество исследований властных отношений в Атланте и прочих американских городах Ч.Р. Миллс и Ф. Хантер пришли к выводу, что в США возникла элита, состоящая из высших представителей администрации, крупных корпораций и военной отрасли, которая контролирует процесс принятия решений. Позднее Ч.Р. Миллс экстраполировал концепцию властной элиты в городах на общенациональный уровень. Р. Даль в ответ провел исследование в городе Нью-Хейвен, придя к противоположному мнению — властной элиты в США нет, а принятие политических решений происходит исходя из учета плюрализма общественных интересов. При этом центральное место в теории Р. Даля отводится не группам интересов, а политическим партиям, которые выполняют функцию агрегирования групповых интересов и на их основе принимают решения.

Далевский плюрализм исходит из видоизмененной идеи о “невидимой руке рынка” А. Смита, согласно которой совокупность производителей, преследуя свои собственные интересы и конкурируя друг с другом, эффективно реализует интересы всего общества. Точно так же и совокупность конкурирующих партий и групп интересов приводит к постоянной стабилизации всего общественного строя. Но теория плюрализма не дает прямого ответа на вопрос, почему в обществе возникает неравенство по поводу власти и ресурсов, если учитывать, что каждый гражданин может отстоять свой ин-

⁵ *Dahl R. Who governs? // Democracy & Power in an American City. New Haven, 1961.*

⁶ *Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 1959; Hunter F. Community power structure: a study of decision makers. Chapel Hill, 1953.*

терес путем вхождения в ту или иную группу интересов. Подобное противоречие связано с тем, что Р. Даль никогда не ставил перед собой задачи проанализировать природу экономических отношений и экономические интересы. В действительности, не все граждане имеют возможность артикуляции собственных интересов, однако Р. Даль старался создать такую модель демократии, в которой общественное благо рассматривалось бы косвенно — через плюралистическую систему представительства. Истинную суть теории плюрализма наиболее лаконично охарактеризовал американский историк и политолог У. Браунли: “Плюралисты стремятся подчеркнуть, в какой степени интересы среднего класса преобладают в политическом процессе”⁷. Иными словами, плюралисты стремятся показать, что ведущей силой в американской политике является именно обширный и интегрированный в политическую систему средний класс, а не высший класс и не властная элита.

Здесь прослеживается связь плюрализма с идеей демократии Т. Джефферсона, в которой все граждане должны обладать равными политическими возможностями и которая отчасти выступала в качестве противовеса либеральному республиканизму А. Гамильтона, отстаивавшего идеи свободного рынка и ценности *laissez-faire*. В этом смысле Р. Даль несомненно является представителем традиции Т. Джефферсона и поздних взглядов Дж. Мэдисона, который после периода критики групповых интересов в “Федералисте”, стал сторонником партийной системы, утверждая, что “в любом политическом обществе партии неизбежны”. Такой разворот во взглядах Дж. Мэдисона сам Р. Даль считал неизбежным в условиях развития свободного американского общества и признавал Дж. Мэдисона первым настоящим плюралистом⁸. Однако плюрализм Р. Даля исходит из того, что в обществе существуют универсальные законы представительства интересов и что каждый член общества волен делегировать представителю общественной организации или партии свой интерес, в чем и заключается свободная воля граждан. Все эти интересы, по выражению Р. Даля, формируют полиархическую систему, в которой интересы социума реализуются посредством усредненного приемлемого (*satisfactory*) уровня репрезентации. Иными словами, плюрализм подразумевает равенство интересов и является относительно эгалитарным взглядом на политическую структуру, а исследование неравных отношений по поводу власти замещается понятием политической конкуренции между большими группами, прежде всего, партиями.

⁷ Brownlee W.E. Funding the modern American State, 1941–1995: the rise and fall of the era of easy finance. Cambridge, 2003. P. 13.

⁸ Womersley D. Liberty and American experience in the eighteenth century. Indianapolis, 2006. P. 432.

Развитие группового подхода и плюрализма Р. Даля вызвало в конце 1960-х — начале 1970-х гг. виток критики со стороны исследователей, считавших, что группы в политике ориентированы на достижение частного, а не общего блага. Одним из первых о партикулярной природе групп интересов начал говорить М. Олсон⁹. Он рассматривал политические отношения с точки зрения экономического рационализма, утверждая, что среднестатистические граждане не заинтересованы в том, чтобы участвовать в продвижении группового интереса, так как группа достигнет либо не достигнет эффективного результата и без их участия. “Большие или латентные группы не обладают мотивацией действовать для обеспечения коллективного блага”, так как у индивида нет причин брать на себя часть издержек за добывание этого блага. «Только персональный “селективный” мотив может побудить рационального индивида действовать в интересах группы»¹⁰.

Следовательно, в качестве реальных групп влияния выступают те, которые представляют интересы небольшого количества бенефициаров (частных компаний, производителей, промышленников и т.д.). При этом чем больше группа интересов (бенефициаров), тем ей сложнее организовать. Отсюда следует логика коллективного действия М. Олсона: в процессе принятия решений меньшинство побеждает большинство. В таком политическом пространстве нет места усредненному представительству, а процесс принятия политических решений построен вокруг специализированных, частных интересов (*special interests*).

Другое направление критики было представлено влиятельными исследователями Т. Лоуи и Э. Шаттшнайдером, бывших в разное время президентами Американской ассоциации политических наук. Согласно Т. Лоуи, структура и особенности деятельности групп интересов, ведущих борьбу за принятие решений в свою пользу, зависит от масштаба стоящих перед ними задач. Сам процесс принятия решений Т. Лоуи разделил на три сферы: регулирование взаимоотношений между бизнесом и наемными работниками, распределение экономических ресурсов между различными слоями общества и так называемую дистрибутивную политику, в которой в качестве основного ресурса выступают специальные субсидии, заказы, проекты, гранты, а в качестве монопольного распределителя данных ресурсов выступает государство¹¹. По мнению Т. Лоуи, в 1950–1960-е гг. американская политическая система пережила качественную транс-

⁹ Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М., 1995.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ См.: Lowi T. American business, public policy, case-studies, and political theory // World Politics. 1964. Vol. 16. N 4. P. 701–704.

формацию, когда в процессе принятия решений начал усиливаться групповой либерализм, получивший особое распространение в политических программах 36-го президента США Линдона Джонсона (1963–1969 гг.), который выступал за более гибкий подход к законодательству и ослабление контроля со стороны государства. В итоге в США сложилась такая структура власти, когда различные сферы и уровни принятия решений (отрасли промышленности, финансовые секторы, социальные вопросы, распределение государственных средств и пр.) стали соответствовать определенным группам интересов, которые стали определять политический ландшафт и оказывать решающее влияние на партийную систему. Т. Лоуи был одним из первых исследователей, которые методологически обосновали влияние групп интересов не только на уровне законодательной, но и исполнительной власти.

Коллега Т. Лоуи, Э. Шаттшнайдер пошел дальше в своих рассуждениях, он показал, что группы интересов в США по своей сути являются нерепрезентативными, так как выражают интересы только высшего класса. В конечном счете, это может представлять опасность для политической системы и экономики, в подтверждение чего Э. Шаттшнайдер приводит пример с законом Смута-Хоули в 1930 г., который был принят под давлением групп интересов от промышленности. В условиях финансового кризиса, стараясь создать тарифную амортизацию для собственной индустрии, американские промышленники настроили против себя всех ведущих зарубежных партнеров, что привело к усугублению депрессии. Единственным противовесом власти групп интересов, по мнению Э. Шаттшайдера, может служить партийная система, которая, с одной стороны, зависит от деятельности данных групп, с другой — должна выступать в качестве ограничителя их власти¹².

Спор между сторонниками и критиками плюрализма стал важным научным водоразделом в исследовании групповых интересов. В рамках данной дискуссии центральными стали вопросы о том, какую роль группы интересов играют в условиях демократии, в какой степени лоббизм является легитимным институтом, что есть важнейшая предпосылка его развития в разных странах мира. Как было показано выше, ответы на данные вопросы напрямую зависят от того, в какой степени мы связываем лоббизм с общественными или частными интересами. И если определение частного интереса вызывает меньше трудностей, так как связано с ограниченным количеством субъектов, то понятие общественного интереса, равно как и его соотношение с частным интересом, является предметом многочисленных, зачастую идеологических дискуссий в современном

¹² См.: *Schattschneider E. Party government.* N.Y., 1977. P. 187–206.

мире. Данная проблема усложняется еще и тем, что общественный интерес можно трактовать через призму философии, права, экономики, политологии, при этом каждый раз мы будем получать разные смыслы и оттенки смыслов.

В современном мире нет универсального ответа на данный вопрос, так как общественный интерес будет трактоваться по-разному в различных политических системах и обществах, в зависимости от культурных, экономических и социальных факторов, а потому дуалистический характер института лоббизма будет сохраняться. Впрочем, как показывает современная динамика развития демократических систем, ни один институт, насколько бы развитым он ни был, не застрахован от риска делигитимации. Например, современная партийная система является гораздо менее легитимной по сравнению с партийной системой 40-летней и даже 15-летней давности. Это связано в первую очередь с тем, что партии более не рассматриваются большинством граждан как главный и универсальный институт представительства. В условиях развития партисипаторных практик и гражданского общества, демократии во всем мире переживают этап глубинной трансформации, и развитие лоббизма является скорее следствием, чем причиной этих изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М., 2012.

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 1959.

Мэдисон Дж. Федералист № 10 // Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994.

Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М., 1995.

REFERENCES

Bentli A. Process gosudarstvennogo upravleniya. Izuchenie obshchestvennyh davlenij [The process of public administration. Studying of public pressures]. М., 2012 (in Russian).

Brownlee W.E. Funding the modern American State, 1941–1995: the rise and fall of the era of easy finance. Cambridge, 2003.

Dahl R. Who governs? // Democracy & Power in an American City. New Haven, 1961.

Fukuyama F. Political order and political decay: from the industrial revolution to the globalization of democracy. N.Y., 2014.

Hunter F. Community power structure: a study of decision makers. North Carolina, 1953.

La Vaque-Manty M. Bentley, Truman, and the Study of Groups // Annual Review of Political Science. 2006. N 9.

Lowi T. American business, public policy, case-studies, and political theory // World Politics. 1964. Vol. 16. N 4.

Mehdison Dzh. Federalist N 10 [Federalist N 10] // Federalist: Politicheskie essey A. Gamil'tona, Dzh. Mehdisona i Dzh. Dzheya [Federalist: The political essays of A. Hamilton, J. Madison and J. Jay]. M., 1994 (in Russian).

Mills Ch.R. Vlastvuyushchaya ehлита [The ruling elite]. M., 1959 (in Russian).

Olson M. Logika kollektivnyh dejstvij: obshchestvennyye blaga i teoriya grupp [The logic of collective action: public goods and group theory]. M., 1995 (in Russian).

Schattschneider E. Party government. N.Y., 1977.

Womersley D. Liberty and American experience in the eighteenth century. Indianapolis, 2006.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-135-150

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦИВИЛИЗОВАННОГО ЛОББИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.В. Карпова, канд. социол. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена исследованию становления института цивилизованного лоббизма в современной России в контексте политико-культурных особенностей нашей страны. Использование понятия “цивилизованный лоббизм” автором объясняется с позиций наличия в современной политической науке различных трактовок лоббизма, что препятствует четкому разделению легитимных и нелегитимных форм представительства интересов, в то время как объектом исследования в работе становятся преимущественно правовые технологии влияния на власть.

Политическая культура рассматривается как один из субъективных факторов, определяющих состояние и функционирование в политической системе механизмов представительства интересов, а также специфику лоббистской деятельности в каждом конкретном государстве. Влияние политической культуры на процесс становления лоббизма в России анализируется не только на уровне сознания и поведения индивидов и групп, но и на уровне функционирования институциональных структур. Для изучения политико-культурного воздействия на формирование социальных практик лоббизма автор обращается к институциональной концепции Д. Норта, в которой посредством анализа соотношения формальных и неформальных правил, норм, установок и образов поведения раскрывается механизм формирования и функционирования конкретных социальных и политических институтов.

Особое внимание в контексте развития демократического представительства интересов уделяется проблеме сохранения и доминирования в современной России исторически сложившихся авторитарных ориентаций, проявляющихся в традициях патернализма, этатизма, клиентеллизма в отношениях общества и власти. Однако автор полагает, что сводить влияние со стороны политической культуры преимущественно к традициям и национальным особенностям было бы неверно. Делается вывод, что принципиальным условием развития системы цивилизованного лоббизма в

*Карпова Наталья Владимировна, e-mail: karpova-nat@yandex.ru

современной России является формирование наряду с правовыми основами и соответствующей политико-культурной матрицы, причем как на уровне субъектов лоббистских отношений, так и на уровне институтов политического представительства.

Ключевые слова: лоббизм, политическая культура, политические традиции, политический институт, политическая система, коррупция, социальный контроль.

POLITICAL CULTURE AS A FACTOR OF CIVILIZED LOBBYING ESTABLISHMENT IN CONTEMPORARY RUSSIA

Karpova Natalia V., PhD, Associate Professor at the Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: karpova-nat@yandex.ru

The article is devoted to the study of civilized lobbyism formation in contemporary Russia in the context of the political culture peculiarities. The author explains the use of the concept of “civilized lobbyism” from the standpoint of the presence of various interpretations of lobbying in political science, which prevents a clear separation of legitimate and illegitimate forms of interests’ representation, while the object of research is primarily the legal technologies of influence on power.

Political culture is regarded as one of the subjective factors determining the functioning of the mechanisms of interests’ representation in the political system, as well as the specifics of lobbying activities in each particular state. The influence of political culture on the process of lobbying in Russia is analyzed not only at the level of political orientations and behavior of individuals and groups, but also at the level of institutional structures. To study the impact of the political culture on the formation of social practices of lobbying, the author refers to the institutional concept of D. North, in which the mechanism of functioning of social and political institutions is revealed through the correlation of formal and informal rules, norms, attitudes and behaviours.

In the context of the development of the democratic representation of interests in contemporary Russia particular attention is given to the problem of preserving and dominating historically established authoritarian orientations in the relations of society and power, as well as the traditions of paternalism and clientellism. However, the author believes that it is not correct to reduce the influence from the political culture mostly to the national traditions. It is concluded that the fundamental condition for the development of civilized lobbying in present day Russia is the parallel formation of legal foundations and the corresponding matrix of political culture, both at the level of subjects of lobbying relations and at the level of interests’ representation institutions.

Key words: lobbyism, political culture, political traditions, political institution, political system, corruption, social control.

Формирование системы цивилизованного лоббизма следует отнести к одной из принципиально важных задач, стоящих на сегодняшний день перед социально-политической системой нашей страны в контексте ее эффективного развития по пути демократических преобразований. В соответствии с методологическими целями определения и конкретизации объекта нашего исследования, мы целенаправленно употребляем понятие “цивилизованный лоббизм”, не считая его некой тавтологией термину “лоббизм”. Это связано прежде всего с существованием как в научной литературе, так и непосредственно в политической практике довольно большой несогласованности в понимании и трактовке сущности лоббистских взаимодействий.

Принципиальным аспектом дискуссионности этого вопроса, в особенности это касается системы российской политики, является проблема разведения понятий “лоббизм” и “коррупция”. Так, обобщая основные подходы к определению сути лоббистской деятельности, отечественный исследователь и специалист данной области П.А. Толстых указывает на существование в гуманитарных дисциплинах (экономике, социологии, политологии и юриспруденции) по крайней мере двух основных направлений. Согласно первому из них, явления лоббизма и коррупции находятся в тесной связи. Сторонниками данной позиции утверждается, что реальное влияние групп интересов в политике на политические структуры происходит вне рамок закона, и даже “если влияние на власть в правовых рамках и существует, то оно составляет лишь вершину айсберга”¹ и несоизмеримо мало по сравнению с коррупционными воздействиями. Представители же другого подхода признают существование правовых форм воздействия на власть, но лишь наряду со значительным полем теневого влияния. Например, “во всех цивилизованных странах, — пишет проф. С. Заграевский, — лоббизм уже давно рассматривается как смягченная форма коррупции”².

Но поскольку в контексте данной работы рассмотрение и обоснование основных концептуальных подходов к содержанию лоббистской деятельности не являются основной задачей, мы не будем подробно останавливаться на анализе существующих научных дискуссий. Вместе с тем сам факт наличия категориальной неопределенности в концепциях лоббизма неизбежно требует от исследователя выработки четкого понятийного аппарата. В нашем понимании границы понятия “цивилизованный лоббизм” очерчивают непосредственно правовые технологии влияния на власть, включающие в себя

¹ Толстых П.А. Лоббизм как коррупционная технология // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). Ч. II. С. 205.

² Цит. по: Там же. С. 206.

открытость системы представительства интересов, общественный контроль за доходами и расходами лоббистов, прозрачность корпоративных бюджетов, выделяемых на политическое влияние и др. Именно данное понятие наиболее точно характеризует то, что, по словам политолога К. Киселева, относится к деятельности, имеющей “целью легальное влияние на органы государственной власти и местного самоуправления, а также на лиц, замещающих государственные и муниципальные должности”. Лоббистская деятельность в этом случае подразумевает свое воплощение исключительно в рамках закона, а “коррупция и иные противоправные формы влияния на процесс принятия решений указанными органами и лицами к лоббизму не имеют никакого отношения”³.

Конечно, операционализация понятия — это одна сторона вопроса, отражающая теоретико-методологические основы исследования, но параллельно с этим существует и другая сторона, которая связана с вероятностью и условиями существования отношений подобного рода в реальной политической практике. Действительно, отделить лоббизм от коррупции на уровне понятий оказывается несколько проще, чем предсказать жизнеспособность разработанного “идеального типа” в конкретной социально-политической системе. Например, в условиях российской действительности не только в силу отсутствия должного законодательства, но также и в силу исторических традиций механизмы достижения группами интересов своих целей имеют тенденцию к перемещению либо в теневую, либо в неправовую сферу, видоизменяясь тем самым в коррупционные формы. Что во многом небезосновательно и является поводом для дискуссий о возможности формирования и жизнеспособности в нашей стране системы легального лоббизма.

В отличие от социальных практик “цивилизованного лоббизма” коррупционная деятельность, в частности согласно законодательству РФ, подразумевает злоупотребление служебным положением, дачу или получение взятки, “коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей... или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц”⁴. Таким образом, имея целевую направленность, подобную лоббизму, коррупционные отношения выходят за пределы системы легитимных и конституционных каналов взаимодействия между группами интересов и субъектами политической власти.

³ Киселев К. Лоббизм: методы легального влияния // ЧиновникЪ. 2002. № 6. С. 22. URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2002/06/05/> (дата обращения: 22.03.2018).

⁴ Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) “О противодействии коррупции”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/ (дата обращения: 22.03.2018).

Безусловно, размеры коррупции в нашей стране довольно велики, что порой действительно заставляет задуматься о недостижимости облачения лоббизма в цивилизованные формы. Так, по данным международной неправительственной организации *Transparency International* на 2017 г., по индексу восприятия коррупции Россия заняла 141-е место по соседству с Гондурасом и Гватемалой (Белоруссия для сравнения — на 68-м месте)⁵. Причем этот индекс с каждым годом неуклонно растет и за последние 20 лет поднялся вверх на 65 позиций (76-е место в 1998 г.). Вместе с тем, сам по себе этот факт не является основанием для причисления коррупции к некоей неискоренимой традиции, пронизывающей структуры российской политической системы и вместе с тем блокирующей развитие правовых отношений. Показательным примером в этом отношении является Иордания, где продажность чиновников также имеет отношение к “исторической и жизненной норме”⁶, но которая все-таки сумела найти выход из данной проблемы и смогла подняться в упоминаемом нами рейтинге до 61-го места по индексу восприятия коррупции (данные на 2017 г.).

Рассматривая специфику, формы и перспективы развития лоббистских взаимодействий в каждой конкретной стране, надо понимать, что как вид социально-политической практики лоббистская деятельность является производным результатом реального состояния и функционирования в государстве механизмов представительства интересов как элемента политической системы. Развитие института цивилизованного лоббизма зависит от целого комплекса взаимосвязанных факторов как объективного, так и в значительной степени субъективного характера. Если говорить об институциональных факторах, то к ним относятся прежде всего тип политической системы, степень ее открытости по отношению к социальной среде, действенность каналов артикуляции и агрегации общественных интересов, наличие и эффективность правовых механизмов регуляции структур государственного управления. Немаловажную роль здесь играет состояние гражданского общества⁷, причем не только с позиций его “количественных” характеристик, но и “качественных”

⁵ Официальный сайт международной неправительственной организации *Transparency International*. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017 (дата обращения: 22.03.2018).

⁶ Зотов Г. “Страна взяток”. Как Иордания смогла снизить уровень коррупции? // Еженедельник “Аргументы и Факты”. 2015. 19.08. № 34. URL: http://www.aif.ru/money/corruption/u_chertey_mnogo_deneg (дата обращения: 27.03.2008).

⁷ Гражданское общество мы рассматриваем как определенную совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от политической власти и способных через систему институтов опосредования оказывать воздействие на принятие тех или иных политических решений, а также на разработку и реализацию стратегического курса государственной политики. (См. подробнее: Карпова Н.В. Социология политической культуры. М., 2012. С. 36).

параметров, определяющих, как отмечали американские ученые Дж. Коэн и Э. Арато, степень и характер его “демократизации”⁸, а также действенность на уровне выстраивания отношений между группами интересов и государством.

Причем данные “качественные”, или субъективные, параметры имеют принципиальное значение не только для характеристики состояния гражданского общества, но и для понимания всех структур социально-политической системы, включая механизмы представительства интересов. К таким параметрам относятся ценностные ориентации и установки граждан, национальные традиции, отражающие исторические формы взаимоотношений личности, государства и общества, способы политического участия и многое другое, т.е. все то, что так или иначе связано с понятием “политическая культура”.

Политической культуре как субъективному фактору политики действительно принадлежит особое место, поскольку она выступает важнейшим компонентом механизма социально-политической системы, от специфики которого во многом зависит направленность и характер ее функционирования и развития, а также качественное содержание составляющих ее структур. Отсюда, на наш взгляд, рассмотрение перспектив развития цивилизованного лоббизма в нашей стране вне политико-культурного контекста не будет полным и объективным.

Политическая культура является сложным трехуровневым образованием. В своем содержании она охватывает, во-первых, сферу политического сознания (раскрывающуюся через политические ориентации, представления, политические убеждения, чувства, оценки граждан относительно политической системы), во-вторых, поведенческие аспекты политических взаимодействий (относительно устойчивые модели поведения индивидов и групп), и в-третьих, “образцы” функционирования институциональных структур политической системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса. Иными словами, в общем виде политическая культура представляет собой систему исторически сложившихся, относительно устойчивых политических ориентаций, моделей поведения индивидов и групп, а также культурных образцов функционирования институциональных структур политической системы⁹. При этом в контексте нашей проблемы принципиальное значение имеет последний из указанных нами уровень политической культуры — институциональный, поскольку именно здесь заклады-

⁸ Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / Общ. ред. И.И. Мюрберг. М., 2003. С. 38.

⁹ См.: Карпова Н.В. Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 184.

вается субъективный фундамент, или “культура”, функционирования конкретных политических институтов.

Разработчик интегрального подхода к политической культуре Э.Я. Баталов подчеркивал, что “модели функционирования институтов политической системы не могут быть выведены из моделей поведения индивидов и групп, действующих в рамках системы”¹⁰. Поэтому именно обращение к институциональному уровню политической культуры позволяет проследить ее влияние на механизмы артикуляции и агрегации интересов в политической системе, специфику принятия и реализации политических решений, а также осуществления “обратной связи”. Хотя следует отметить, что влияние политической культуры на формирование и развитие института лоббизма является довольно многоплановым и так или иначе отражает на себе воздействие со стороны каждого из ее уровней.

В содержательном плане доминирующая в современной России политическая культура продолжает оставаться близкой к типу культуры, которому классики американской политической науки Г. Алмонд и С. Верба дали название “подданническая культура”. В характерном для этого типа политико-культурном пространстве нашей страны устойчиво преобладают исторически сложившиеся (на уровне общества и на уровне власти) авторитарные ориентации, проявляющиеся в традициях патернализма, этатизма, клиентеллизма в отношениях общества и власти, а также в установках граждан на сакрализацию и персонификацию власти¹¹. Отсюда вся ткань российской социально-политической системы на всех ее уровнях и во всех структурных ипостасях оказывается “пропитанной” этими культурными особенностями, которые становятся неформальными регуляторами всех социально-политических процессов. Социальные практики системы лоббизма, развивающиеся в современной России, также находятся под влиянием российских политико-культурных традиций взаимодействия общества и власти, а также представительства интересов.

По мнению российского ученого Н.А. Омельченко, сложившийся в России тип политической культуры в принципе «мало способствовал установлению *цивилизованных* (выделено нами — Н.К.) форм взаимоотношений между “верхами” и “низами”, породил правовой нигилизм и тех, и других»¹². А ввиду того, что исторически, начиная с

¹⁰ Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 10.

¹¹ См., например: Урнов М. Миражи авторитарного синдрома. Уют подданнической культуры лишает человека воли, а общество — движения вперед // НГ-сценарии. 2017. 26 дек. С. 9. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-12-26/9_7144_sindrom.html

¹² Омельченко Н.А. История государственного управления в России: Уч. М., 2005. С. 46.

создания Московского государства, у нас правили преимущественно лица, а не законы, одним из основных принципов, укоренившихся в национальном российском менталитете, стала идея и практика персонификации властных отношений, порождающая в том числе стремление артикулировать свои интересы на уровне личных отношений, вне правовых форм общения. И что касается отношений представительства, то и оно, если взглянуть на российскую историю, по преимуществу власть поддерживало и укрепляло, а не ограничивало.

С позиций политико-культурных оснований исторический аспект сложившегося в нашей стране механизма государственного управления был хорошо охарактеризован американским ученым Р. Пайпсом, который определил политическую систему России как “вотчинное” (*patrimonial*) устройство. В подобных государствах, по его словам, “политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель является одновременно и сувереном государства, и его собственником”¹³. Из этих же истоков проистекало присущее российской власти восприятие процесса управления государственными делами как своей собственностью вне рамок закона и с ориентацией на личные интересы. И именно подобные вотчинные умонастроения, считал Р. Пайпс, заложили субъективную основу российского патернализма.

Истина в этих рассуждениях, бесспорно, присутствует, особенно если посмотреть на рейтинги лучших лоббистов России, которые регулярно разрабатываются Агентством экономических новостей по заказу “Независимой газеты”, и где первые места занимают представители властных структур и государственных корпораций¹⁴. Получается, что, действительно, политические традиции являются некой специфической российской “колеей”, предопределяющей особенности развития политического процесса в стране.

Однако сводить влияние со стороны политической культуры преимущественно к традициям и объяснять невозможность искоренения различных “перекосов” национальными особенностями было бы неверно. Поскольку политическая культура — не постоянная величина. Наряду с историческими элементами содержание политической культуры в силу природы ее непрерывного развития включает в себя элементы, отражающие воздействие со стороны текущего политического процесса. Мы уже приводили подобный пример с Иорданией, где после ряда институциональных преобразований и наделения антикоррупционного комитета реальными полномочиями, традиции коррупции резко сократили свое влияния.

¹³ Цит. по: Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать. М., 2015. С. 119–120.

¹⁴ См., например: Туранов С. Лучшие лоббисты России — первый квартал 2018 года // НГ. 2018. 16 мая. С. 4.

В частности, стартом антикоррупционной компании в Иордании стали заявление Короля Абдалла II о том, что “неприкасаемых” отныне нет, и последовавшее за этим увольнение премьер-министра, и проверка банковских счетов родственников и др.¹⁵

В этом отношении законодательное регулирование как элемент системы объективных факторов формирования политической культуры является действенным механизмом формирования в обществе новых политико-культурных “паттернов”. И хотя понятно, что в условиях, когда исторические традиции противоречат ожидаемым результатам, этот процесс может проходить с большими трудностями, нежели в условиях гармонического взаимодействия между национальной спецификой и вызовами цивилизации. В любом случае развитие институциональных механизмов регулирования системы социально-политического представительства потенциально несет в себе социализационную функцию и является важным объективным фактором формирования соответствующих политических установок и ориентаций как на уровне общественных структур, так и на уровне представителей власти.

Анализируя характер влияния политико-культурных факторов на тенденции развития и изменения институциональных структур социально-политической системы, включая в том числе и институт лоббизма, нельзя не обратиться к содержанию самого понятия “институт”.

Согласно институциональной концепции, разработанной современным американским исследователем Д. Нортон, институты в обществе представляют собой правила игры, “или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, в пределах которых организуются взаимоотношения между людьми”, т.е. по своей сути институциональный каркас задает “структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике”¹⁶. В то же время институциональные “правила игры”, рассматриваемые Д. Нортон по аналогии с командными видами спорта, состоят не только из формальных предписаний, но и включают в свою структуру неписаные кодексы поведения, которые “лежат глубже формальных правил и дополняют их”¹⁷.

¹⁵ В частности, в рамках данной антикоррупционной кампании 13-летнее заключение и штраф в 27 млн евро получил один из близких Королю людей за хищение бюджетных средств (см. подробнее: *Зотов Г.* “Страна взяток”. Как Иордания смогла снизить уровень коррупции? // *АиФ.* 2015. 19 мая. URL: http://www.aif.ru/money/corruption/u_chertey_mnogo_deneg (дата обращения: 27.03.2018 г.)).

¹⁶ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 19.

¹⁷ Там же.

Внутреннее устройство любого как социального, так и политического института, представляет собой устойчивую систему *формальных и неформальных* правил, норм, установок и образов поведения, регулирующих в обществе конкретную сферу деятельности. Формальные правила включают в себя административно-правовой аспект институциональной организации, формируемый на государственном уровне в виде законов и кодексов. А неформальные относятся к принятым в обществе культурным формам и традициям (политико-культурным в контексте нашего предмета исследования), которые обуславливают специфику самих институтов в каждом конкретном обществе и являются неким “ключом” к их пониманию и объяснению.

Помимо ценностно-нормативного аспекта структура социальных и политических институтов включает в себя также механизмы контроля как на уровне формально установленных правил (административно-правовой контроль), так и на уровне системы неформальных отношений (общественный контроль выполнения норм)¹⁸. В подобном сочетании регулирование институциональных “правил игры” обеспечивается не только посредством соответствующего законодательства, принятого на государственном уровне, но и осуществляется посредством контролирующего воздействия со стороны наличествующих в обществе культурных норм и ценностей. В итоге, качество и эффективность функционирования каждого конкретного института оказываются производными от характера взаимодействия между формальными и неформальными блоками, а также зависят от степени их соответствия и непротиворечивости.

В условиях отсутствия формального контроля (как это происходит в случае с законом о лоббизме в нашей стране) функция регулирования институциональных “правил игры” закрепляется по преимуществу за неписаными, социокультурными нормами и неформальными образцами поведения, разделяемыми определенными социальными субъектами. Действительно, если говорить об институте лоббизма в нашей стране, то неформальный контроль имеет особое значение, поскольку в том виде практик и неписанных норм, в котором лоббистские отношения в настоящее время у нас существуют и активно развиваются, они довольно слабо поддаются правовому регулированию¹⁹. Соответственно и исследование перспектив развития цивилизованного лоббизма в современной России прежде всего требует анализа политико-культурных норм и ценностей, обосновывающих “правила игры”, которыми руководствуются ее участники. Хотя, безусловно, нельзя сбрасывать со сче-

¹⁸ См. подробнее: *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации: Уч. пособ. М., 2004. С. 112–114.

¹⁹ *Каневский П.С.* Развитие лоббизма в России: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 131.

тов и влияние формального регулирования и контроля со стороны смежных сфер деятельности (например, Закон о государственной гражданской службе).

В случае отсутствия формальных нормативных регуляторов контроль за соблюдением политико-культурных норм по преимуществу осуществляется на неформальном уровне, т.е. посредством культурных механизмов. К их числу относятся этические принципы государственного управления, влияние общественного мнения, политические действия со стороны общества, моральные оценки и пр. Причем характер форм подобного контроля таким же образом во многом оказывается зависимым от типа и содержания политической культуры конкретного общества, поскольку в широком ее понимании, политическая культура предопределяет политические установки граждан по отношению к конкретным объектам и формам деятельности, является мотивирующим фактором политической активности граждан и составляет субъективный каркас возможности “вызревания” и развития институциональных отношений.

Рассматривая природу институциональных структур и потенциал их развития, Д. Норт отмечал, что в принципе любые институциональные трансформации — это сложный процесс, который во многом является “следствием изменений в правилах, неформальных ограничениях, в способах и эффективности принуждения к исполнению правил и ограничений”²⁰. Ученый отдельно указывал, что в отличие от формальных правил, которые “можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям. Данные культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают нам ключ к пониманию пути исторического развития”²¹.

Говоря о перспективах и вариантах развития института цивилизованного лоббизма в современной России, нельзя особым образом не учитывать также возможности политико-культурного влияния на уровне *социальных групп*, являющихся реальными или потенциальными участниками лоббистских взаимодействий, поскольку функционирование и действенность конкретных институтов проявляются в соответствующих социальных практиках социальных субъектов, регуляция деятельности которых также происходит не только на формальной основе, но и с позиций культурных ориентиров. При схожих институциональных условиях у субъектов неизбежно существует определенная вариативность действий,

²⁰ Норт Д. Указ. соч. С. 21.

²¹ Там же.

определяемая субъективными основаниями, включающими в том числе отношение к культурным нормам и принятым в обществе системам ограничений.

Для анализа политической культуры субъектов лоббистской деятельности и оценки ее роли в развитии системы цивилизованного лоббизма в современной России, на наш взгляд, стоит обратиться к понятию “ролевая культура”, введенному в научный оборот Г. Алмондом и С. Вербой. Под ролевой культурой исследователи понимали особую форму субкультуры, определяемую конкретными ролями в политической системе — бюрократическими, военными, исполнительно-политическими, партийными, а также связанными с группами интересов²². Основания для конструирования данного термина были у ученых весьма объективными и исходили из предположений, во-первых, того, что сами политические элиты, слой чиновников высшего звена рекрутируются из конкретных субкультур, а во-вторых, что “в процессе подготовки и вхождения в соответствующие роли” у них формируются общие “ценности, навыки, преданности и когнитивные карты”. “И поскольку... — отмечали Г. Алмонд и С. Верба, — такие элиты имеют решающее значение при формулировании и проведении в жизнь политических курсов” (к которым, безусловно, относится и принятие конкретных законодательств, — *Н.К.*), то их политико-культурные ориентации могут “серьезным образом сказываться на функционировании политической системы”²³.

Образуя определенные системы норм и ценностей, ролевые культуры участников социально-политических взаимодействий являются неформальными регуляторами их социальных практик. И вполне логично, что с позиций развития политической системы и ее институтов присущие конкретным типам культур “когнитивные карты” могут иметь как прогрессивный, так и регрессивный характер. В частности, сложившиеся за недолгую историю современной России ценности, установки, принципы, а также образцы поведения российской управленческой бюрократии сыграли очень серьезную роль в торможении процессов становления практик цивилизованного лоббизма. Свидетельством чему стали, например, и безуспешные попытки принятия закона о лоббизме, который, как стало уже расхожей фразой, в системе российской политической власти некому пролоббировать.

Однако как полагает отечественный исследователь П.Я. Фельдман, принятие закона о лоббизме в нашей стране не станет решением проблемы неформального доступа к представителям власти, и сами

²² См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // *Полития*. 2010. № 3–4. С. 209.

²³ Там же. С. 210.

лоббисты, опять же в формате своих политических ориентаций, не будут в полной мере раскрывать информацию о своей профессиональной деятельности. Поскольку, по его мнению, основной проблемой институционализации цивилизованного лоббизма в современной России является не столько отсутствие закона, сколько «наличие социальных, политических и экономических предпосылок становления корпоративистской системы, в которой нет подлинной конкуренции между ее субъектами, а власть проявляет патерналистское отношение к тем или иным группам интересов, наделяя их всевозможными преференциями»²⁴. По логике исследователя к числу подобных предпосылок сохранения государственного патернализма в России неизбежно относятся политико-культурные традиции управления, включающие в себя, в том числе, соответствующие ориентации и поддержку системы данных отношений со стороны социальных субъектов. Эти же управленческие традиции доминируют и в содержании ролевой культуры российской бюрократии.

И здесь мы опять приходим к выводу о том, что в реальности в силу сущности функционирования и природы развития институциональных структур политической системы эффективность развития цивилизованного лоббизма в современной России будет зависеть от совместного воздействия со стороны и формального, и неформального регулирования, так как становление системы цивилизованного лоббизма неизбежно требует выработки и поддержки демократических механизмов взаимодействия между обществом и государством, постоянного общественного контроля за властью и открытых каналов влияния граждан на процесс принятия политических решений на законодательном уровне. Сюда относятся также разработка институциональной площадки для системы гражданского контроля, подразумевающего открытое обсуждение законопроектов и программ, принимаемых на всех уровнях государственной власти, оценку действующих законов. Но воплощение всех этих идей в реальные политические практики без наличия соответствующего политико-культурного фундамента не будет действенным.

Сохраняющиеся в нашей стране авторитарные политико-культурные традиции социально-политической системы обуславливают слабость механизмов демократического представительства интересов и партнерских отношений между гражданским обществом и государством. Поэтому одним из принципиальных условий развития системы цивилизованного лоббизма в современной России является формирование наряду с правовыми основами и соответствующей политико-культурной матрицы, причем как на уровне субъектов

²⁴ Фельдман П.Я. Нужен ли в России закон о лоббизме? // Власть. 2014. № 2. С. 121.

лоббистских отношений, так и на уровне институтов политического представительства. Институциональные механизмы регулирования лоббистских отношений должны быть направлены как на непосредственную регуляцию данной сферы деятельности, так и на создание формальных условий, способствующих вызреванию в российском обществе политической культуры демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // *Полития*. 2010. № 1–2, 3–4.

Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 3.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.

Зотов Г. “Страна взяток”. Как Иордания смогла снизить уровень коррупции? // *АиФ*. 2015. 19 мая. URL: http://www.aif.ru/money/corruption/u_chertey_mnogo_deneg

Каневский П.С. Развитие лоббизма в России: теория и практика // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2015. № 4. С. 119–133.

Карпова Н.В. Социология политической культуры. М., 2012.

Карпова Н.В. Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2016. № 1. С. 182–199.

Киселев К. Лоббизм: методы легального влияния // *ЧиновникЪ*. 2002. № 6. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2002/06/05/>

Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / *Общ. ред. И.И. Мюрберг*. М., 2003.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать. М., 2015.

Омельченко Н.А. История государственного управления в России: Уч. М., 2005.

Паин Э.А., Шарафутдинова Д.Э. Множественная современность: особенности бюрократической иерархии и коррупции в обществах с клановыми традициями // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2. С. 91–103.

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 2012.

Павроз А.В. Институт лоббизма в современных демократических обществах // *ПОЛИТЭКС*. 2014. Т. 10. № 3. С. 158–169.

Толмачева И.В. Динамика формирования института лоббизма в России // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017. № 6. С. 88–93.

Толстых П.А. Лоббизм как коррупционная технология // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 6 (20). Ч. II. С. 205–213.

Туранов С. Лучшие лоббисты России — первый квартал 2018 года // НГ. 2018. 16 мая.

Фельдман П.Я. Нужен ли в России закон о лоббизме? // Власть. 2014. № 2. С. 119–123.

REFERENCES

Almond G., Verba S. Grazhdanskaja kul'tura. Podhod k izucheniju politicheskoj kul'tury [Civic culture. Approach to the study of political culture] // Politija. [Politia]. 2010. N 1–2, 3–4 (in Russian).

Batalov E.Y. Politicheskaja kul'tura Rossii skvoz' prizmu civic culture [The political culture of Russia through the prism of civic culture] // Pro et Contra. 2002. T. 7. N 3 (in Russian).

Fel'dman P.Y. Nuzhen li v Rossii zakon o lobbizme? [Does Russia need a law on lobbying?] // Vlast'. [Power]. 2014. N 2. S. 119–123 (in Russian).

Kanevskij P.S. Razvitie lobbizma v Rossii: teorija i praktika [Development of lobbying in Russia: Theory and Practice] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologija i politologija. 2015. N 4. С. 119–133 (in Russian).

Karpova N.V. Sociologija politicheskoj kul'tury [Sociology of political culture]. M., 2012 (in Russian).

Karpova N.V. Politicheskaja kul'tura kak strukturnyj jelement mehanizma funkcionirovanija politicheskikh sistem [Political culture as a structural element of the mechanism of functioning of political systems] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologija i politologija. 2016. N 1. С. 182–199 (in Russian).

Kiselev K. Lobbizm: metody legal'nogo vlijanija [Lobbying: the methods of legal influence] // Chinovnik. 2002. N 6. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2002/06/05/> (in Russian).

Kojen G. L., Arato G. Grazhdanskoe obshhestvo i politicheskaja teorija [Civil society and political theory] / Obsh. red. I.I. Mjurberg. M., 2003 (in Russian).

Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. M., 1997 (in Russian).

Lukin A.V., Lukin P.V. Umom Rossiju ponimat' [Understanding Russia by the mind]. M., 2015 (in Russian).

Omel'chenko N.A. Istorija gosudarstvennogo upravlenija v Rossii: uch. [History of Public Administration in Russia: a Textbook]. M., 2005 (in Russian).

Pain E.A., Sharafutdinova D.E. Mnozhestvennaja sovremennost': osobennosti bjurokraticheskoi ierarhii i korrupcii v obshhestvakh s klanovymi tradicijami [Multiple modernity: peculiarities of bureaucratic hierarchy and corruption in societies with clan traditions] // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2017. N 2. S. 91–103 (in Russian).

Pajps R. Rossija pri starom rezhime [Russia under the old regime]. M., 2012 (in Russian).

Pavroz A.V. Institut lobbizma v sovremennyh demokraticeskikh obshhestvakh [Institute of lobbyism in modern democratic societies] // POLITEKS. 2014. T. 10. N 3. S. 158–169 (in Russian).

Tolmachjova I.V. Dinamika formirovanija instituta lobbizma v Rossii [Dynamics of formation of the institute of lobbying in Russia] // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2017. N 6. S. 88–93 (in Russian).

Tolstyh P.A. Lobbizm kak korrupcionnaja tehnologija [Lobbyism as Corrupt Technology] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]. 2012. N 6 (20). Ch II. S. 205–213 (in Russian).

Turanov S. Luchshie lobbisty Rossii — pervyj kvartal 2018 goda [Top lobbyists Russia — first quarter 2018] // NG. 2018.16.05 (in Russian).

Zaslavskaja T.I. Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: Social'nyj mehanizm transformacii: Uch. posob. [Modern Russian Society: The Social Mechanism of Transformation: A Textbook]. M., 2004 (in Russian).

Zotov G. “Strana vzjatok”. Kak Iordanija smogla snizit' uroven' korrupcii? [“The country of bribes”. How did Jordan manage to reduce the level of corruption?] // AiF. 2015.19.05. URL: http://www.aif.ru/money/corruption/u_chertey_mnogo_deneg (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-151-162

ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛОББИЗМА В РОССИИ

А.В. Павроз, докт. полит. наук, проф. кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного Университета, Университетская набережная, 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 119034*

В статье рассматриваются особенности развития и институционализации лоббизма в России. Автор анализирует проблемы российского лоббизма и отмечает перспективы его дальнейшего развития. В статье подчеркивается необходимость принятия закона о лоббизме в России и указывается на то, что лоббизм как социально-политический институт может стать средством системного решения многих проблем российского общества.

Ключевые слова: лоббизм, закон о лоббизме, *Government Relations*, взаимодействие государства и бизнеса, Россия.

TRENDS, PROBLEMS AND PROSPECTS OF LOBBYING IN RUSSIA

Pavroz Alexander V., Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, University Embankment, 7–9, St. Petersburg, Russian Federation, 119034, e-mail: sash79@rambler.ru

This article considers the features of the development and institutionalization of lobbying in Russia. The author analyzes the problems of Russian lobbying and notes the prospects for its further development. The article emphasizes the need to adopt a law on lobbying in Russia and points out that lobbying, as a socio-political institution, can become a means of systemically solving many problems of Russian society.

Key words: lobbying, law on lobbying, government relations, state-business relations, Russia.

Лоббизм представляет собой очень важный институт современных обществ. В широком смысле лоббизм можно определить как деятельность по отстаиванию интересов через влияние на должност-

* Павроз Александр Васильевич, e-mail: sash79@rambler.ru

ных лиц и органы публичной власти. Исторически лоббизм формировался параллельно с развитием демократических представительных органов, выступая в качестве одного из каналов, осуществляющих связь между обществом и государством. Лоббизм всегда дополнял традиционные демократические институты и помогал им функционировать. И если изначально лоббистские практики имели неформальный характер, то в настоящее время во все большем количестве стран лоббизм получает официальный статус и признание в качестве неотъемлемого элемента демократии.

Значение и роль лоббизма в современных обществах постоянно возрастают. Все больше социальных субъектов прибегает к отстаиванию своих интересов в органах государственной власти. Масштабы лоббизма увеличиваются. Возникают новые формы политического влияния. Растет число лоббистов. Их работа усложняется и профессионализируется. Возникают лоббистские фирмы и ассоциации. Лоббисты оказываются глубоко интегрированными в политику и государственное управление¹. Происходит переосмысление и ребрендинг лоббистской деятельности. В настоящее время лоббизм нередко обозначают как *government relations* (GR).

Общемировые тенденции развития лоббизма нашли отражение и в России. Возникновение лоббизма в России в современном смысле слова можно отнести к началу 90-х гг. XX в. Разумеется, и в Советском Союзе, и даже в дореволюционной России существовали некоторые лоббистские практики². Однако в силу имевших место в тот период политико-экономических отношений эти практики либо лишь в малой степени подпадали под классическое понимание лоббизма, либо их значение было невелико. Современный же лоббизм появился в России вследствие радикальных рыночных реформ, связанных с разгосударствлением экономики. В результате в стране сформировался класс независимых предпринимателей. У них возникли потребности в выстраивании отношений с органами государственной власти. И лоббизм в этой связи стал инструментом влияния вновь возникшего бизнеса на органы государственной власти.

¹ Павроз А.В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. СПб., 2016; Baumgartner F., Berry J., Marie M., Kimball D., Leech B. Lobbying and policy change: who wins, who loses, and why. Chicago, 2009; Berry J. The interest group society. N.Y., 2009; Birnbaum J. The lobbyists: how influence peddlers get their way in Washington. N.Y., 1993; Hall R., Deadorff A. Lobbying as legislative subsidy // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. N 1. P. 69–84.

² Лепехин В.А. Лоббизм. М., 1995; Лоббизм в России: этапы большого пути. М., 1995; Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005; Шапкин И.Н. Лоббистские союзы российского бизнеса: типы, организационные принципы и основные формы деятельности (вторая половина XIX — начало XX века // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 3. С. 559–576.

Более полное развитие лоббизма в России произошло уже в 2000-е гг. в связи с приходом на российский рынок крупных иностранных компаний. Эти компании представляли собой транснациональные корпорации. В ходе своей деятельности они осуществляли взаимодействие с органами власти очень многих государств. Лоббирование в подобных компаниях рассматривалось как необходимая часть бизнеса. В структуре их организационных подразделений изначально предусматривались должности специалистов по *government relations* (GR). Такие корпорации имели богатый опыт лоббирования в других странах. И естественно они начали применять эти знания в России.

Во второй половине 2000-х гг. в России произошла институционализация лоббистской деятельности. Лоббизм и *government relations* получили очень широкое распространение. Большое число коммерческих корпораций и ассоциаций гражданского общества стали систематически прибегать к лоббированию своих интересов перед органами государственной власти. В России сформировалось большое и устойчивое сообщество лоббистов и GR-специалистов³. Лоббизм превратился в относительно массовый вид деятельности. Многие люди, не являясь профессиональными лоббистами, рассматривают *government relations* как часть своей квалификации⁴. В России возникли профессиональные ассоциации лоббистов и GR-специалистов⁵. Появились магистерские программы подготовки GR-специалистов и программы повышения квалификации в области GR-деятельности⁶.

Можно сделать вывод, что лоббизм в России уже сформировался как отдельный социально-политический институт. Хотя из-за отсутствия профильного законодательства его существование и носит по преимуществу неформальный характер. Смысл лоббизма понимается в обществе, даже если его оценки далеко неоднозначны. В силу многочисленных сложностей политики и государственного управления лоббизм актуален и крайне востребован в современной России. Можно констатировать, что лоббизм несмотря на отсутствие законодательного закрепления получил в России большее развитие,

³ Толмачева И.В. Количественное исследование института лоббизма в России // Вестник Финансового Университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (25). С. 18–26; Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007.

⁴ Там же.

⁵ GR-лига: Ассоциация специалистов по связям бизнеса и государства. URL: <http://grliga.ru/> (дата обращения: 3.06.2018); Национальный союз лоббистов. URL: <http://xn--90aamlmkjt1a.xn--p1ai/> (дата обращения: 3.06.2018).

⁶ GR и международный лоббизм: магистерская образовательная программа. URL: <https://mgimo.ru/study/master/gr/> (дата обращения: 3.06.2018); GR-менеджмент (взаимодействие с органами государственной власти): Программа повышения квалификации. URL: http://www.ranepa.ru/index.php?option=com_zoo&view=item&layout=item&Itemid=2201 (дата обращения: 3.06.2018).

чем во многих других странах, где существуют правовые нормы, регулирующие лоббистскую деятельность.

Вместе с тем, существует ряд проблем, препятствующих развитию лоббизма в России. Главной из этих проблем, безусловно, является отсутствие правовой легализации лоббистской деятельности. В 1990-х и 2000-х гг. проводилась серьезная работа, направленная на принятия закона о лоббизме в России⁷. В Государственную Думу было внесено несколько законопроектов, посвященных легализации и регламентации лоббистской деятельности⁸. Однако все попытки законодательного утверждения лоббизма в России не увенчались успехом.

Причины непринятия в России закона о лоббизме многообразны. В 1990-е — начале 2000-х гг. ключевым фактором, противодействующим утверждению этого закона, была позиция ведущих финансово-промышленных групп, которые не хотели терять имевшегося у них привилегированного политического представительства⁹. В настоящее время эта причина все еще актуальна, но уже не имеет исключительного значения. Наряду с ней важную роль играют такие факторы, как негативное общественное восприятие лоббистской деятельности, нежелание политиков и чиновников терять свою монополию посредников при решении разного рода проблем бизнеса, а также боязнь того, что законом о лоббизме смогут воспользоваться оппозиционные субъекты гражданского общества для продвижения своих интересов в политической сфере.

Так или иначе, закон о лоббизме в настоящее время в России отсутствует и перспективы его принятия крайне неопределенны. Однако важно подчеркнуть, что к вопросу о правовом регулировании лоббистской деятельности постоянно возвращаются. Отсутствие соответствующего закона воспринимается как проблема. Потреб-

⁷ *Суровцев С.И.* Российский закон о лоббизме: первые шаги на пути правовой регламентации лоббистской деятельности в России // *Право и управление*. XXI век. 2016. № 3 (40). С. 55–62; *Толмачева И.В.* Динамика формирования института лоббизма в России // *Гуманитарные науки*. Вестник Финансового Университета. 2017. № 6 (30). С. 88–93.

⁸ О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти: проект Федерального закона. 2003 // *Толстых П.А.* GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007. С. 367–372; О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти: проект Федерального закона. 2001 // *Толстых П.А.* Указ. соч. С. 355–365; О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти: проект Федерального закона. 1995 // *Лепехин В.А.* Указ. соч. С. 77–82; Проект Федерального закона N 833158-6 “О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления”. 2015 // *КонсультантПлюс*. 2015.08.07. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/43597.html> (дата обращения: 10.06.2018).

⁹ *Толстых П.А.* Указ. соч. С. 183–193.

ность в законодательном регулировании лоббистской деятельности осознается. В частности, необходимость принятия закона о лоббизме была отмечена в Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 г.¹⁰ Политики, бизнесмены и общественные деятели периодически заявляют о необходимости принятия закона, регулирующего лоббистскую деятельность¹¹.

Помимо отсутствия закона о лоббизме другой проблемой, препятствующей развитию лоббизма в России, является плохой имидж лоббизма в обществе. В СМИ превалирует негативное и саркастическое отношение к лоббизму¹². Часто лоббизм связывается с предосудительными или противоправными действиями, которые с настоящим лоббизмом имеют мало общего¹³. Не редки случаи и совершенно необоснованного отождествления коррупции и лоббизма¹⁴.

Но есть и другая проблема. Иногда коррупция действительно используется в российском лоббизме¹⁵. Данное положение недопустимо, как и любые другие проявления коррупции. С подобными практиками лоббизма необходимо бороться. Они компрометируют институт лоббизма и затрудняют его признание в обществе. Однако вина здесь лежит не только на недобросовестных лоббистах. Данная проблема связана в том числе и с общим высоким уровнем коррупции в России.

Впрочем, несмотря на отсутствие закона и иные сложности лоббизм так или иначе будет развиваться в России. Лоббизм стал очень важной частью российской экономики и политики. И отказаться от

¹⁰ Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 годы. 2012.13 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1172> (дата обращения: 4.06.2018).

¹¹ *Иванов С.Б.* В лоббировании нет ничего плохого // РБК. 2007. 18 мая. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/05/2007/5703c7a19a79470eaf7659d7> (дата обращения: 6.06.2018); *Матвиенко В.И.* Сессия закончилась, работа продолжается // Российская газета. 2015.16.07. URL: <https://rg.ru/2015/07/16/matvienko.html> (дата обращения: 6.06.2018).

¹² *Фельдман П.Я.* Имидж лоббистской деятельности в современной России: проблемы информационного сопровождения // Труд и социальные отношения. 2014. № 8. С. 81–82.

¹³ *Рожкова Н.* Дума без фильтра на лоббизм // Газета.ru. 2016.02.10. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/02_a_10226903.shtml#page1 (дата обращения: 1.06.2018); *Чуракова О.* В Госдуме рассказали о прекращении ведомственного лоббизма // Ведомости. 2017.30.05. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/30/692084-prekraschenii-vedomstvennogo-lobbizma> (дата обращения: 1.06.2018).

¹⁴ *Савин Л.* Лоббизм как высшая форма коррупции // Геополитика.ru. 2014.21.09. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/lobbizm-kak-vyssshaya-forma-korrupcii> (дата обращения: 1.06.2018).

¹⁵ *Толстых П.А.* Лоббизм как коррупционная технология // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6–2. С. 205–214.

него уже невозможно. Однако без законодательного закрепления лоббизм продолжит развиваться преимущественно как неформальный общественно-политический институт. Но при таком развитии весь позитивный потенциал института лоббизма не может быть реализован. Без профильного законодательства многие негативные проявления лоббистской деятельности невозможно преодолеть.

Очевидно, что закон о лоббизме в России необходим. Принятие такого закона будет соответствовать общемировым тенденциям движения к более демократическому и эффективному правительству. Целью лоббистского законодательства является повышение прозрачности, открытости и подотчетности процессов формирования государственной политики. Р. Чари, Дж. Хоган и Г. Мерфи отмечали в это связи, что роль правового регулирования лоббизма состоит “в осведомлении общества о том, какие интересы стоят за конкретными предложениями и за связями лоббистов с политическими акторами. Это позволяет более тщательно исследовать разработку политики и улучшить представления о том, как функционируют политическая система и политические акторы в ней. Без такого наблюдения избирателям трудно судить, насколько их представитель при разработке политики заботится об общественных интересах или, наоборот, насколько он соглашается с превалированием в проводимой политике лоббистских интересов”¹⁶.

П. Просс выделил три основополагающих принципа правового регулирования лоббизма: 1) транспарентность — раскрытие того, каким образом принимаются политические решения. Общественность следует информировать о результатах лоббирования органов государственной власти для того, чтобы все имели возможность принять необходимые меры предосторожности для защиты своих интересов; 2) честность — обеспечение равного доступа к правительству и недопущение всех форм коррупции. В демократических странах уважение к государственным институтам зависит от уверенности граждан, что правительство действительно им служит, а не является частной собственностью тех, кто может заплатить; 3) эффективность — отсутствие препятствий на пути движению потоков информации. Коммуникация представляет собой сущность формирования государственной политики. Осведомленные граждане должны иметь возможность обращаться со своими предложениями к органам государственной власти¹⁷.

Не вызывает сомнений, что подобное лоббистское законодательство крайне актуально для России. Оно будет полезно и власти,

¹⁶ Чари Р., Хоган Дж., Мерфи Г. Мировая компаративистика регулирования лоббистской деятельности. М., 2011. С. 20.

¹⁷ Pross P. Lobbying: models for regulation. P., 2007. P. 8–10.

и бизнесу, и гражданскому обществу и самим лоббистам. М. Маллоун писала по этому поводу: “В тех государствах, где неформальные практики и традиции продолжают преобладать, вопрос более формального регулирования лоббистов довлеет над политической повесткой дня. Совершенно типично, что политические скандалы, становясь достоянием общественности, выдвигают на первый план чрезмерное влияние определенных групп интересов на лиц, принимающих политические решения. В этой связи имеется большое общественное и политическое давление в пользу усиления формального регулирования. И это не всегда вызывает сопротивление у лоббистов. Есть основания полагать, что некоторые лоббисты готовы приветствовать больший контроль для того, чтобы отделить себя от тех, чьими стараниями лоббизм снискал дурную славу”¹⁸.

Следует подчеркнуть, что закон о лоббизме в России может не только способствовать повышению прозрачности, подотчетности и открытости политического процесса, работая на преодоление таких дисфункций как теневой характер принятия решений, торговля влиянием, сращивание власти и бизнеса, коррупция и т.п. Он может стать основой системы правил взаимодействия бизнеса и государства. Определить, что можно, а чего нельзя делать бизнесу в отношениях с правительством. Указать допустимые методы воздействия на органы государственной власти. Четко отделить цивилизованный лоббизм от коррупции и прочих противоправных действий.

Подобные правила очень важны для современной России, где существует значительная неопределенность в политико-экономических отношениях. Институт лоббизма в этой связи может стать основой для эффективного диалога между государством и бизнесом. В настоящее время имеется огромное число проблем, усложняющих ведение предпринимательской деятельности и препятствующих развитию российской экономики (плохие законы, произвол чиновников, коррупция и пр.). И лоббизм как институт взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества может стать средством системного решения этих проблем.

Для реализации подобного сценария необходимо усиление самоорганизации и укрепление политических позиций бизнеса. Осознание предпринимателями своей конструктивной роли в обществе. Объединение бизнес-сообщества для совместного решения общих проблем, в том числе и прежде всего посредством политического давления на органы государственной власти. Также требуется консолидация сообщества лоббистов и GR-специалистов.

¹⁸ *Malone M. Regulation of lobbyists in developed countries: current rules and practices. Dublin, 2004. P. 23.*

Их более четкое позиционирование как особой профессиональной группы. Развитие соответствующих ассоциаций и активизация их деятельности. Нужны и дополнительные исследования лоббизма, теории и практики взаимодействия государства и бизнеса для более грамотного преодоления проблем и последовательного внедрения передового опыта.

Лоббизм в России получил широкое развитие. Однако отсутствие должного правового закрепления лоббистской деятельности препятствует полной реализации позитивного потенциала этого института. России нужен закон о лоббизме. Без закона о лоббизме невозможно преодолеть многие негативные аспекты лоббистской деятельности, в том числе и коррупцию. Этот закон может стать основой для системы правил в отношениях между государством и бизнесом. Лоббизм как институт взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества способен помочь в решении многих актуальных проблем современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

GR и международный лоббизм: магистерская образовательная программа. URL: <https://mgimo.ru/study/master/gr/> (дата обращения: 3.06.2018).

GR-лига: Ассоциация специалистов по связям бизнеса и государства. URL: <http://grliga.ru/> (дата обращения: 3.06.2018).

GR-менеджмент (взаимодействие с органами государственной власти): Программа повышения квалификации. URL: http://www.ranepa.ru/index.php?option=com_zoo&view=item&layout=item&Itemid=2201 (дата обращения: 3.06.2018).

Иванов С.Б. В лоббировании нет ничего плохого // РБК. 2007. 18 мая. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/05/2007/5703c7a19a79470eaf7659d7> (дата обращения: 6.06.2018).

Лепехин В.А. Лоббизм. М., 1995.

Лоббизм в России: этапы большого пути. М., 1995.

Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005.

Матвиенко В.И. Сессия закончилась, работа продолжается // Российская газета. 2015.16.07. URL: <https://rg.ru/2015/07/16/matvienko.html> (дата обращения: 6.06.2018).

Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 годы. 2012. 13 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1172> (дата обращения: 4.06.2018).

Национальный союз лоббистов. URL: <http://xn--90aamlmkjt1a.xn--p1ai/> (дата обращения: 3.06.2018).

О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти: проект Федерального закона. 2003 // Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007. С. 367–372.

О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти: проект Федерального закона. 2001 // Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007. С. 355–365.

О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти: проект Федерального закона. 1995 // Лепехин В.А. Лоббизм. М., 1995. С. 77–82.

Павроз А.В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. СПб., 2016.

Проект Федерального закона N 833158-6 “О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления”. 2015 // КонсультантПлюс. 2015.08.07. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/43597.html/> (дата обращения: 10.06.2018).

Рожкова Н. Дума без фильтра на лоббизм // Газета.ru. 2016.02.10. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/02_a_10226903.shtml#page1 (дата обращения: 1.06.2018).

Савин Л. Лоббизм как высшая форма коррупции // Геополитика.ru. 2014.21.09. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/lobbizm-kak-vyshshaya-forma-korrupcii> (дата обращения: 1.06.2018).

Суровцев С.И. Российский закон о лоббизме: первые шаги на пути правовой регламентации лоббистской деятельности в России // Право и управление. XXI век. 2016. № 3 (40). С. 55–62.

Толмачева И.В. Динамика формирования института лоббизма в России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета. 2017. № 6 (30). С. 88–93.

Толмачева И.В. Количественное исследование института лоббизма в России // Вестник Финансового Университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (25). С. 18–26.

Толстых П.А. GR. Практикум по лоббизму в России. М., 2007.

Толстых П.А. Лоббизм как коррупционная технология // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6–2. С. 205–214.

Фельдман П.Я. Имидж лоббистской деятельности в современной России: проблемы информационного сопровождения // Труд и социальные отношения. 2014. № 8. С. 79–84.

Чари Р., Хоган Дж., Мерфи Г. Мировая компаративистика регулирования лоббистской деятельности. М., 2011.

Чуракова О. В Госдуме рассказали о прекращении ведомственного лоббизма // Ведомости. 2017.30.05. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/30/692084-prekraschenii-vedomstvennogo-lobbizma> (дата обращения: 1.06.2018).

Шапкин И.Н. Лоббистские союзы российского бизнеса: типы, организационные принципы и основные формы деятельности (вторая половина XIX — начало XX века // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 3. С. 559–576.

REFERENCES

GR i mezhdunarodnyj lobbizm: magisterskaya obrazovatel'naya programma [GR and international lobbying: master's educational program]. URL: <https://mgimo.ru/study/master/gr/> (data obrashcheniya: 3.06.2018) (in Russian).

GR-liga: Associaciya specialistov po svyazyam biznesa i gosudarstva [GR-league: Association of specialists in business and state relations]. URL: <http://grliga.ru/> (data obrashcheniya: 3.06.2018) (in Russian).

GR-menedzhment (vzaimodejstvie s organami gosudarstvennoj vlasti): Pro-gramma povysheniya kvalifikacii [GR-management (interaction with public authorities): Professional development program]. URL: http://www.ranepa.ru/index.php?option=com_zoo&view=item&layout=item&Itemid=2201 (data obrashcheniya: 3.06.2018) (in Russian).

Baumgartner F., Berry J., Marie M., Kimball D., Leech B. Lobbying and policy change: who wins, who loses, and why. Chicago, 2009.

Berry J. The interest group society. N.Y., 2009.

Birnbaum J. The lobbyists: how influence peddlers get their way in Washington. N.Y., 1993.

Chari R., Hogan J., Murphy G. Mirovaya komparativistika regulirovaniya lobbistskoj deyatel'nosti [Regulating lobbying: a global comparison]. M., 2011 (in Russian).

Churakova O.V. V Gosdume rasskazali o prekrashchenii vedomstvennogo lobbizma [The State Duma was told about the termination of departmental lobbying] // Vedomosti [Vedomosti]. 2017.30.05. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/30/692084-prekrashchenii-vedomstvennogo-lobbizma> (data obrashcheniya: 1.06.2018) (in Russian).

Fel'dman P.Ja. Imidzh lobbistskoj deyatel'nosti v sovremennoj Rossii: pro-blemy informacionnogo soprovozhdeniya [Image of lobbying activity in modern Russia: problems of information support] // Trud i social'nye otnosheniya [Labor and Social Relations]. 2014. N 8. P. 79–84 (in Russian).

Hall R., Deadorff A. Lobbying as legislative subsidy // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. N 1. P. 69–84.

Ivanov S.B. V lobbirovanii net nichego plohogo [There is nothing wrong with lobbying] // RBC. 2007 May 18. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/05/2007/5703c7a19a79470eaf7659d7> (data obrashcheniya: 6.06.2018) (in Russian).

Lepekhin V.A. Lobbizm [Lobbyism]. M., 1995 (in Russian).

Lyubimov A.P. Istoriya lobbizma v Rossii [History of lobbyism in Russia]. M., 2005 (in Russian).

Lobbizm v Rossii: ehtapy bol'shogo puti [Lobbyism in Russia: the stages of a long journey]. M., 1995 (in Russian).

Malone M. Regulation of lobbyists in developed countries: current rules and practices. Dublin, 2004.

Matvienko V.I. Sessiya zakonchilas', rabota prodolzhaetsya [The session is over, the work is continuing] // Rossiyskaya Gazeta. 2015.07.16. URL: <https://rg.ru/2015/07/16/matvienko.html> (data obrashcheniya: 6.06.2018) (in Russian).

Nacional'nyj plan protivodejstviya korrupcii na 2012–2013 gody. 2012. 13 marta [National anti-corruption plan for 2012–2013. 2012. March 13]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1172> (data obrashcheniya: 4.06.2018) (in Russian).

Nacional'nyj soyuz lobbistov [National Union of lobbyists]. URL: <http://xn--90aamlmkt1a.xn--p1ai/> (data obrashcheniya: 3.06.2018) (in Russian).

O pravovyh osnovah lobbistskoj deyatel'nosti v federal'nyh organah gosudarstvennoj vlasti: proekt Federal'nogo zakona. 2001 [On legal bases of lobbying activity in federal public authorities: the draft Federal law. 2001] // Tolstyh P.A. GR. Praktikum po lobbizmu v Rossii [GR. Practice on lobbying in Russia]. M., 2007. P. 355–365 (in Russian).

O lobbistskoj deyatel'nosti v federal'nyh organah gosudarstvennoj vlasti: proekt Federal'nogo zakona. 2003 [On lobbying activities in federal public authorities: the draft federal law. 2003] // Tolstyh P.A. GR. Praktikum po lobbizmu v Rossii [GR. Practice on lobbying in Russia]. M., 2007. P. 367–372 (in Russian).

O regulirovanii lobbistskoj deyatel'nosti v federal'nyh organah gosudarstvennoj vlasti: proekt Federal'nogo zakona. 1995 [On the regulation of lobbying activities in federal public authorities: the draft federal law. 1995] // Lepekhin V.A. Lobbizm [Lobbyism]. M., 1995. P. 77–82 (in Russian).

Pavroz A.V. Lobbizm: institucional'nye osnovaniya i praktiki politicheskogo vliyaniya v demokraticeskikh obshchestvah [Lobbyism: institutional foundations and practices of political influence in democratic societies]. SPb., 2016 (in Russian).

Proekt Federal'nogo zakona N 833158-6 "O poryadke prodvizheniya interesov kommercheskih organizacij i individual'nyh predprinimatelej v organah gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya". 2015 [Draft Federal Law No. 833158-6 "On the procedure for promoting the interests of commercial organizations and individual entrepreneurs in public authorities and local self-government". 2015] // Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]. 2015.07.08. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/43597.html/> (data obrashcheniya: 1.06.2018) (in Russian).

Pross P. Lobbying: models for regulation. P., 2007.

Rozhkova N. Duma bez fil'tra na lobbizm [Duma without a filter for lobbying] // Gazeta.ru. 2016.02.10. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/02_a_10226903.shtml#page1 (data obrashcheniya: 1.06.2018) (in Russian).

Savin L. Lobbizm kak vysshaya forma korrupcii [Lobbyism as the highest form of corruption] // Geopolitics. 2014.09.21. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/lobbizm-kak-vysshaya-forma-korrupcii> (data obrashcheniya: 1.06.2018) (in Russian).

Shapkin I.N. Lobbistskie soyuzy rossijskogo biznesa: tipy, organizacionnye principy i osnovnye formy deyatel'nosti (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka [Lobbyist unions of Russian business: types, organizational principles and basic forms of activity (the second half of the XIX — the beginning of the XX century)] // Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya [Historical and economic studies]. 2015. Vol. 16. N 3. P. 559–576 (in Russian).

Surovcev S.I. Rossijskij zakon o lobbizme: pervye shagi na puti pravovoj reglamentacii lobbistskoj deyatel'nosti v Rossii [Russian law on lobbying: the first steps in the way of legal regulation of lobbying activities in Russia] // Pravo i upravlenie [Law and government. XXI Century]. 2016. N 3 (40). P. 55–62 (in Russian).

Tolmacheva I.V. Dinamika formirovaniya instituta lobbizma v Rossii [A quantitative study of the institute of lobbying in Russia] // Gumanitarnye nauki.

Vestnik Finansovogo Universiteta The Humanities [Bulletin of the Financial University]. 2017. N 1 (25). P. 18 (in Russian).

Tolmacheva I.V. Kolichestvennoe issledovanie instituta lobbizma v Rossii [The Dynamics of the formation of the lobbyism institute in Russia] // Vestnik Finansovogo Universiteta. Gumanitarnye nauki [The Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2017. N 6 (30). P. 88–93 (in Russian).

Tolstyh P.A. GR. Praktikum po lobbizmu v Rossii [GR. Practice on lobbying in Russia]. M., 2007 (in Russian).

Tolstyh P.A. Lobbizm kak korrupcionnaya tekhnologiya [Lobbyism as corrupt technology] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of theory and practice]. 2012. N 6–2. P. 205–214 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-163-167

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО ЛОББИЗМА В США

А.А. Сушенцов, директор Лаборатории анализа международных проблем МГИМО МИД России, программный директор Валдайского клуба, руководитель агентства “Внешняя политика”, проспект Вернадского, 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454*

Несмотря на панику в американских СМИ вокруг российского вмешательства в американские дела, сегодня Россия не имеет своего полноценного лобби в США. Российские эксперты не представлены в американской внешнеполитической дискуссии даже в тех вопросах, которые затрагивают Москву напрямую. Приглашенные в Конгресс спикеры выступали, как правило, с критикой российского правительства. Между тем, в США существует запрос на альтернативное мнение экспертов из России. Американцы игнорируют слабые аргументы и пропаганду, однако готовы воспринимать здравую критику и дискуссию. Залогом успеха лоббистских устремлений России может стать создание в Вашингтоне респектабельного аналитического центра, выражающего интересы Москвы и активно участвующего в американской внешнеполитической жизни.

Ключевые слова: лоббизм, США, внешняя политика России, российское лобби.

PERSPECTIVES OF RUSSIAN LOBBYING IN THE US

Sushentsov Andrey A., is a Director of the Laboratory for the Analysis of International Problems of the Moscow State Institute of International Relations, the Ministry of Foreign Affairs of Russia, the Director of the Valdai Club program, the Head of the Foreign Policy Agency, Vernadsky avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454, e-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru

Despite the panic in the American media surrounding Russian interference in American affairs, today Russia does not have its own full-fledged lobby in the United States. Russian experts are excluded from the American foreign policy debate, even in those matters that affect Moscow directly. Speakers invited to the Congress spoke, as a rule, with criticism of the Russian government. Meanwhile, in the United States exists a request for an alternative opinion of experts from Russia. Americans ignore weak arguments and propaganda, but are ready to accept useful criticism and discussion. The key to the success of Russia's lobbying aspirations may be the creation in Washington of a respectable analytical center expressing the interests of Moscow and actively participating in American foreign policy discussion.

Key words: lobbying, USA, Russian foreign policy, Russian lobby.

* Сушенцов Андрей Андреевич, e-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru

В результате анализа американских СМИ складывается впечатление, что нет страны влиятельнее России. Союз российских хакеров и троллей стал настоящим кошмаром для Америки, породив глубокую паранойю. Однако российское влияние в США — миф, а российского лобби США не существует. Об этом говорят хотя бы спазматические попытки российских бизнесменов стучаться во все двери в Вашингтоне перед угрозой попасть под санкции.

Наверное, я скажу непопулярные вещи, но ради стабильности и предсказуемости в отношениях с США мы обязаны начать конструктивно влиять на американскую политику. Целью Москвы должно стать постоянное участие в американской внешнеполитической дискуссии для формирования атмосферы здравого смысла при обсуждении вопросов, связанных с Россией. Пока такая задача даже не ставится, несмотря на солидный перечень российских организаций, действующих в сфере экспертных и гуманитарных контактов.

Вследствие этого в американской внешнеполитической дискуссии нет респектабельного голоса из России, уважаемого и принимаемого профессионала. Редкий пример постоянных усилий на этом направлении — публикации Дмитрия Тренина¹ и Федора Лукьянова². Статьи других российских авторов в американской аналитической прессе редки. На слушаниях в Конгрессе спикеры из России выступали считанное количество раз, и чаще всего это были критики российского правительства.

Можно возразить, что в США нас не принимают, не слышат, и никогда не услышат. В действительности, американцы игнорируют слабые аргументы и откровенную пропаганду³. В США есть устоявшаяся традиция недоверия собственному правительству. Здравые аргументы найдут свою аудиторию, сомневающиеся всегда задают вопросы, поэтому играть на этом поле необходимо. Даже если нельзя убедить действующую администрацию, можно посеять сомнение среди экспертов и в обществе и тем самым затруднить принятие неудобного решения.

Запрос на второе мнение со стороны российских спикеров в США несомненно есть, но нужен спокойный конструктивный голос, который без упреков, с опорой на эмпатию и здравый смысл раскроет мотивы российских действий. Однако сколько в России есть спике-

¹ *Trenin D.* What's the U.S.'s Best Chance With North Korea? Russia // The New York Times. 2017. 18 September. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/18/opinion/north-korea-nuclear-weapons-russia.html> (accessed: 10.10.2018).

² *Lukyanov F.* Trump's defense strategy is perfect for Russia // The Washington Post. 2018. 23 January. URL: https://www.washingtonpost.com/news/theworldpost/wp/2018/01/23/national-defense-strategy/?noredirect=on&utm_term=.3ff53e34b0c6 (accessed: 10.10.2018).

³ *Истомин И.А.* Внешнеполитическая экспертиза в США // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 1 (18). С. 111-127.

ров, которые на хорошем английском, со знанием дела и пониманием американского менталитета смогут убедительно выступить в критично настроенной по отношению к ним среде? Несомненно, успехи в этом отношении были — например, статья президента В. Путина в *New York Times* “A Plea for Caution From Russia”⁴ с предостережением против ударов по Сирии в 2013 г., но они остаются редкими эпизодами, не меняющими общей картины.

Конфронтация стала новой нормой для отношений России и США. Видимо, это новое системное состояние продлится на обозримую перспективу. Однако даже в этом контексте незачем отдавать формирование собственного образа на откуп американским СМИ. С воображением у прессы неважно, поэтому метафорой России чаще всего становится либо сам президент Путин, либо — не реже — российский философ Александр Дугин. Этот последний образ отвечает затаенным опасениям американцев о русских как тайных махинаторах и эффективных экспансионистах; в своем роде Дугин в американском сознании — это новый Григорий Распутин, который тайными знаниями меняет ход событий. Вторая распространенная метафора — образ “правильной” России, которая “вернулась на путь истинный”. Чаще всего он персонифицируется в ком-то из российских ренегатов, условном Павлике Морозове, который доносит на своего отца по идеологическим мотивам. Очевидно, что оба образа реальности не соответствуют. Почему же мы не спешим прояснить ситуацию?

Создание российского лобби в США — это, прежде всего, интеллектуальный вызов. Российским элитам сложно поверить, что американская политика конкурентна, ее исход не предзадан, разворачивается реальная внешнеполитическая дискуссия, а полемика в обществе, прессе и Конгрессе не является оркестрованным представлением⁵. Многих удивит, что даже американское правительство прикладывает значительные усилия, чтобы склонить на свою сторону прессу⁶. Так, перед непопулярными решениями администрация Джорджа Буша мобилизовала членов своего кабинета, чтобы убедить общественное мнение и Конгресс в необходимости, например, вторжения в Ирак⁷.

⁴ *Putin V. A Plea for Caution From Russia // The New York Times. 2013. 11 September. URL: <https://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html> (accessed: 10.10.2018).*

⁵ *Шаклеина Т.А. Общность и различия в стратегиях России и США // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 2 (33). С. 6–19; Байков А.А., Сушенцов А.А. Страновые особенности лоббизма в США и Японии // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2 (23). С. 100–111.*

⁶ *Сучков М.А. Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 18–24.*

⁷ *Сушенцов А.А. Субъективные факторы в «Доктрине Буша»: проверка конфликтом в Ираке // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 1 (505). С. 91–104.*

Президентство Дональда Трампа и вовсе представляет собой одну большую медийную кампанию⁸.

Помимо этого, в России не верят, что исповедуемая США идеология действительно является одним из ключевых мотивов американских действий⁹. Постсоветский человек глубоко разуверился в идеологии, тогда как американский, наоборот, искренне убежден в ее эффективности.

Наконец, российские элиты считают, что создание лобби будет нарушением американского суверенитета. Раз мы не хотим, чтобы американцы лоббировали в российском Парламенте, так и мы не станем делать того же в отношении США. Возможно, причина этого восприятия в том, что российские элиты — в отличие от европейских, турецких, израильских, китайских — не учились в США, у них нет наработанных связей, контактов и “вхожести” в американский истеблишмент.

Другими словами, в Вашингтоне должен появиться филиал российского аналитического центра или исследовательского института, в задачи которого будет входить постоянное участие в американской внешнеполитической дискуссии. Сотрудники этого центра должны производить колонки для ведущих СМИ, статьи для аналитической печати, организовывать выступления в университетах и мозговых центрах, присутствовать на светских мероприятиях в столице, вращаться в политико-формирующих кругах, консультировать редакции ведущих СМИ, и отвечать на неформальные запросы сотрудников аппарата Конгресса и органов исполнительной власти. Важно, чтобы присутствие этого российского центра было легализовано согласно американскому законодательству, а контакты с российскими аналитиками не воспринимались как компрометирующие.

Организация этого центра не будет большим финансовым бременем, но способна многократно сократить потери от санкций. Американцы “ищут ведьм”, потому что боятся тайного российского влияния как нечистоплотного, преследующего корыстные цели. В этой ситуации нужно отойти от скрытности, сделать российское присутствие и влияние явным. Появление респектабельной, спокойной России — наряду с Россией саркастической, обвиняющей и непримиримой — способно оздоровить восприятие нашей страны в США и в мире в целом. Даже российские союзники нередко опираются на тот образ России, который формируется в американском мейнстриме. Пора вернуть право его формирования себе.

⁸ Галстян А.С., Лукьянов Ф.А. Реализм в тени // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 31-38.

⁹ Сулов Д.В. Гудбай, прежняя Америка? // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. № 5. С. 13-21.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байков А.А., Сушенцов А.А. Страновые особенности лоббизма в США и Японии // *Международные процессы*. 2010. Т. 8. № 2 (23). С. 100–111.

Галстян А.С., Лукьянов Ф.А. Реализм в тени // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 1. С. 31–38.

Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза в США // *Сравнительная политика*. 2015. Т. 6. № 1 (18). С. 111–127.

Сафранчук И.А., Синегубов А.Л. “Мягкая сила” во внешней политике России // *Дипломатическая служба*. 2014. № 1. С. 6–10.

Суслов Д.В. Гудбай, прежняя Америка? // *Россия в глобальной политике*. 2016. Т. 14. № 5. С. 13–21.

Сучков М.А. Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе // *Вестник МГИМО Университета*. 2013. № 3 (30). С. 18–24.

Сушенцов А.А. Субъективные факторы в “Доктрине Буша”: проверка конфликтом в Ираке // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2012. № 1 (505). С. 91–104.

Шаклеина Т.А. Общность и различия в стратегиях России и США // *Международные процессы*. 2013. Т. 11. № 2 (33). С. 6–19.

REFERENCES

Baykov A.A., Sushentsov A.A. Stranovye osobennosti lobbizma v SSHA i Yaponii [National Patterns of Lobbyism in the USA and Japan] // *Mezhdunarodnye protsessy* [International trends]. 2010. T. 8. N 2 (23). P. 100–111 (in Russian).

Galstyanyan A.S., Lukyanov F.A. Realizm v teni [Realism in the Shadows] // *Tetradi po konservatizmu* [Essays on conservatism]. 2016. N 1. P. 31–38 (in Russian).

Istomin I.A. Vneshnopoliticheskaya ehkspertiza v SSHA [Foreign Policy expertise in the U.S.] // *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia]. 2015. T. 6. N 1 (18). P. 111–127 (in Russian).

Safranchuk I.A., Sinegubov A.L. “Myagkaya sila” vo vneshnej politike Rossii [“Soft power” in Russian Foreign policy] // *Diplomaticheskaya sluzhba* [Foreign Service]. 2014. N 1. P. 6–10 (in Russian).

Suslov D.V. Gudbaj, prezhnaya Amerika? [Good-bye Familiar America?] // *Rossiya v global'noj politike* [Russia in Global Affairs]. 2016. T. 14. N 5. P. 13–21 (in Russian).

Suchkov M.A. Vliyanie lobbi-grupp na formirovanie vneshnej politiki SSHA na Yuzhnom Kavkaze [Lobbies in the Making of American Foreign Policy in the South Caucasus] // *Vestnik MGIMO Universiteta* [Vestnik MGIMO University]. 2013. N 3 (30). P. 18–24 (in Russian).

Sushentsov A.A. Sub'ektivnye faktory v “Doktrine Busha”: proverka konfliktom v Irake [Subjective Basis of the Bush Doctrine: the Test by the Iraq Conflict] // *SSHA i Kanada: ehkonomika, politika, kul'tura* [USA v Canada: Economics – Politics – Culture]. 2012. N 1 (505). P. 91–104 (in Russian).

Shakleina T.A. Obshhnost' i razlichiya v strategiyakh Rossii i SSHA [Common ground and divergences in Russian-American relations] // *Mezhdunarodnye protsessy* [International trends]. 2013. T. 11. N 2 (33). P. 6–19 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-168-179

ЛОББИЗМ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛЕЙ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: ВОЗМОЖНА ЛИ ЭВОЛЮЦИЯ?

А.Н. Тимченко, канд. полит. наук, консалтинговая компания Bridgens llc., ул. Покровка, 42, стр. 5, г. Москва, Российская Федерация, 105062*

Модели принятия решений в российской политической системе эволюционируют. Вслед за ними эволюционируют модели и методы лоббирования от политически регулируемой до неформальной практики. Использование аналитической модели политико-управленческого цикла показывает снижение значимости публичных и повышение корпоративных инструментов лоббизма, что снимает проблему его оформления как института политической системы. Российские примеры законодательной и административной формализации лоббизма подтверждают эволюцию лоббизма от механизма согласования и продвижения интересов к инструменту, обязывающему представителей органов власти к взаимодействию с представителями политической и общественной систем через лоббистов.

Ключевые слова: лоббизм, модели лоббизма, группы интересов, политико-управленческий цикл, тенденции эволюции лоббизма, регулирование лоббизма.

LOBBIZM IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF MODELS OF POLITICAL DECISION MAKING: IS EVOLUTION POSSIBLE?

Timtchenko Aleksey N., Candidate of Political Science, Bridgens llc., Pokrovka Street, 42-5, Moscow, Russian Federation, 105062, e-mail: mss995003@yandex.ru

The Russian political system decision-making models are evolutionizing. Following the trend lobbying models and methods evolve from policy managing to informal practice. The analytical policy-managerial cycle model shows lowering of public and rising corporative lobbying tools. Which remove the lobbying institutionalisation problem. Russia legislative and managerial institutionalisation examples verify lobbying evolution from interest accommodation framework to obligatory tool for policy and public representatives interactions via lobbyists.

Key words: lobbying, models of lobbying, interest groups, public policy-managerial cycle, lobbying evolution trends, regulatory of lobbying.

* **Тимченко Алексей Николаевич**, e-mail: mss995003@yandex.ru

Функционирование российской политической системы представляет для исследователя многообразие политических практик, вариантов принятия политико-управленческих решений, проблемных ситуаций. Лоббизм в столь разнообразной среде может быть определен через широкий спектр теоретических моделей и практических интерпретаций, что порождает среди исследователей многообразие подходов и моделей, описывающих лоббизм и его место в политической системе (в том числе и российской) с различных сторон. Эта особенность одновременно является и слабостью. Чем дальше продвигаются исследователи по стадиям эволюции лоббизма, тем более широкий характер приобретают теоретические модели.

Критически данная проблема сказывается на процессах институционализации лоббизма на уровне национальных государств. Еще большая путаница возникает при попытках институционализации лоббизма на уровне органов исполнительной власти. В этом процессе возникают проблемы применимости и взаимовлияния традиционных для парламентского лоббизма регуляторов: административного, публичного и нравственного. И если институционализация лоббизма в органах исполнительной власти представляет для континентально-европейских моделей процесс рационализации и административного упорядочивания политического процесса¹, то для американских лоббистских компаний данное явление — повседневная реальность. Эти проблемы актуальны и для российской политической системы, эволюция лоббизма в которой продолжается независимо от формального статуса лоббистской деятельности.

Со схожими проблемами многовекторности и многозначности сталкивалась и теория процесса принятия политических решений. Частичным решением проблемы стало создание объяснительных моделей, в динамике анализирующих процесс воспроизводства и изменения через чередование отдельных этапов (фаз) политико-управленческого цикла. Спецификой этих моделей стало объединение фаз управленческого процесса и процесса политического². По аналогии с этим аналитическим приемом будет правомерно провести аналогию между динамикой процесса принятия политических решений и лоббизмом.

Оставляя за скобками междисциплинарный характер изучения лоббизма, а также различные модели теоретической интерпретации этого явления, укажем на универсальные характеристики лоббизма, которые отражают его связь с процессом принятия политических

¹ Каневский П.С. Национальные модели лоббизма: типы и механизмы функционирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 132.

² Дегтярёв А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (III) // Полис. 2003. № 3. С. 152–163.

решений, сохраняя при этом зависимость от внешних ресурсных факторов при условии конвертации ресурсов лоббистов в политическое влияние на лиц, принимающих решения, в четко регламентированной системе правил игры, обеспечивающих несменяемость ролей акторов³. В этом смысле лоббизм характеризуется как одно из базовых условий ключевой функции государства — принятия политических решений, которая существует вне зависимости от его институционального оформления.

Таким образом, эволюция лоббизма, неразрывно связанная с развитием других институтов политической системы, происходит вне рамок формального закрепления лоббистской деятельности. При этом в исследованиях лоббизма явно виден крен в сторону формализации, при которой исследователи создают модели, исходя из участия акторов в процессе. Тот же подход предлагается при исследованиях различных сценариев и моделей регулирования лоббистской деятельности, которые основаны на контроле актора, либо принимающего решение, либо пытающегося повлиять на него. Виды контроля также могут быть дифференцированы: от прямой регистрации лоббистов и отчетности по затраченным средствам (яркий пример — FARA для иностранных агентов, опирающийся на контроль над движением финансовых ресурсов как базового критерия лоббизма в соответствии с первыми определениями в законодательных актах⁴, над нравственными кодексами поведения (попытки введения ценностных, политико-культурных ограничений), над структурой организации системы и структуры органов государственной власти (ограничение полномочий или количества участников процесса принятия решений)).

Еще одним полюсом формализации лоббизма стало требование обеспечения прозрачности процесса принятия политических решений. В публичном пространстве и массовом сознании эта особенность трансформируется в представления об искажении лоббистами процесса работы политической системы и его основного продукта — политических решений. Попытки решения этой проблемы на уровне политических решений были сделаны в модели политико-управленческого цикла, предложенной А.А. Дегтярёвым. Этот подход дает возможности для объединения теоретических моделей лоббирования в стадийном виде и обозначения тенденции его развития.

Фактически, в терминах моделей принятия решений политико-управленческого цикла лоббизм является процессом, формирующим

³ Васильева В.М. Лоббизм: проблемы теоретической интерпретации // Мир и политика. 2012. Т. 1. № 64.

⁴ Костяев С.С. Федеральное законодательство США о лоббизме. М., 2015. С. 72–77.

коалицию поддержки принятия политических решений. Структура коалиции поддержки принятия решения может включить:

- акторов, располагающих информационными и исследовательскими ресурсами (эксперты отраслевые, научное сообщество, эксперты от гражданского общества);

- акторов, располагающих финансовыми ресурсами (организация работы над проблемой);

- акторов административного процесса (продвижение проекта решения по структуре органов власти (вертикальная или сетевая));

- акторов формирования коалиции заинтересованных лиц, принимающих решения (ЛПР) (так как решения в большинстве политических режимов не принимаются единолично).

Приведенная структура коалиции поддержки может быть названа базовой, так как для множества уровней политических решений в процесс могут включаться дополнительные акторы (к примеру, акторы глобальных процессов). Более того, приведенная структура показывает, что в процессе принятия решения включение внешних и внутренних акторов по отношению к органу власти или лицу, принимающему решение, является скорее необходимым требованием. Формирование коалиций поддержки и включение в процесс лоббирования все большего количества акторов создают многовекторную матрицу включений лоббистского воздействия при принятии решений.

В результате, современный лоббизм можно скорее охарактеризовать как комплексный сетевой процесс, а не процесс направленного воздействия актора на органы власти или ЛПР. Сетевой характер потенциально снижает значимость использования финансовых ресурсов, что приближает лоббистов скорее к теориям обмена политическими ресурсами (теории доступа)⁵ со значительным эволюционным потенциалом тенденции к снижению роли ресурсов прямого экономического влияния. Перспектива дальнейшего развития этой эволюционной тенденции раскрывается в вытеснении процессов конвертации влияния в политические решения на уровень скрытых практик, оставляющих лицам, принимающим решения, роль формального утверждения государственной политики.

Поскольку этические ограничения на уровне формализованных государственных институтов имеют тенденцию к размыванию, то с эволюционным развитием лоббизма все большую актуальность обретает проблема балансировки искажений в принимаемых политических решениях. Исторически первым методом балансировки

⁵ Дегтярёва Е. Лоббизм в процессе принятия решений ЕС: нормы регулирования, механизмы и модели // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 4. С. 44–45.

искажений была открытость процесса принятия решений и использование публичных обсуждений в СМИ. Появление модели политико-управленческого цикла сфокусировало внимание на политической ответственности лиц, принимающих решения, в выделенных его стадиях. Современные тенденции требуют дополнительных балансирующих факторов, среди которых могут быть перечислены:

- освещение процесса принятия решений и действий лоббистов публично в СМИ;

- развитый институт политической ответственности для лиц, принимающих решения, рационально осознающих последствия прохождения стадии *policy evaluation*;

- разделение полномочий по сети лиц, принимающих решения, или структур принятия коллегиальных решений;

- наличие соревновательного характера процесса взаимодействия нескольких лоббистских групп в процессе принятия решений (ППР).

При совмещении структуры коалиции поддержки политических решений лоббирующими акторами с факторами, балансирующими искажения политических решений, потенциал лоббизма в принятии политических решений раскрывается наиболее полно. Лоббисты на современном этапе имеют возможности, с одной стороны, существенно повысить качество принимаемых политических решений, а с другой — полностью отдалить их от эмпирической реальности. Свободное перемещение лоббистов между полюсами при управлении полярностью решений можно считать третьей эволюционной тенденцией лоббизма.

Обратимся к примерам из политической практики, иллюстрирующим выделенные эволюционные тенденции лоббизма. Косвенно на них указывают практические исследования. К примеру, британского исследователя П. Чейсти при компаративном анализе явления коалиционного президентализма (*Coalitional Presidentialism*) в части создания президентами от миноритарных партий в парламентских системах развивающихся стран коалиций поддержки. В постсоветском сегменте исследований основной особенностью постсоветских систем является доминирование в мотивах создания коалиций ожиданий административных должностей за поддержку, а также сектора “политических услуг”. Традиционные факторы, к примеру, партийная дисциплина, на постсоветском пространстве как правило проигрывают⁶. Данная особенность указывает на специфическую форму обмена недостатка лоббистского влияния в парламенте на реальные ресурсы, распределяемые через систему органов исполни-

⁶ Chaisty P., Cheeseman N., Power T. *Coalitional presidentialism in comparative perspective: minority presidents in multiparty systems*. Oxford, 2018.

тельной власти. Вероятнее всего, практическая реализация данной схемы компенсирует недостаточную эффективность работы факторов балансировки лоббистского воздействия в развивающихся политических системах.

Комплексно основные тенденции эволюции лоббизма раскрываются в практике работы лоббистских компаний США в части предоставляемых услуг, особенно в блоке лоббистских услуг в системе органов исполнительной власти на различных уровнях. Структура предоставляемых лоббистскими компаниями услуг на уровне правительств штатов и государственных административных органов чрезвычайно разнообразна. Лоббисты оказывают в том числе следующие услуги⁷:

- разработка стратегии доступа к ЛПР и плана развития решения (лоббистская компания помогает клиенту сформулировать проблему, спланировать тактику достижения необходимого решения, а также начать диалог с ЛПР);

- лоббирование в органах исполнительной власти (преодоление административных барьеров в интересах заказчика);

- консультирование в области закупок (презентация заказчика закупающему органу власти, его презентация “для достижения клиентами своих целей”);

- принятие решений районными органами власти (*local government*).

Наиболее ярко и комплексно выделенные эволюционные тенденции лоббизма можно увидеть на примере принятия ключевых государственных решений в США. Обратимся, к примеру, к решению о принятии нового плана президента Д. Трампа *Rebuild America (Rebuilding Infrastructure in America, 2018)*. Выбор данного решения объясняется значительной степенью поляризации между лоббистскими группировками. Суть поляризации состоит в базовой основе плана: перевести строительство и реконструкцию инфраструктуры в США на основу государственно-частного партнерства с возможностью вложений до 2 трлн долл. (предложение республиканцев) или соразмерное повышение бюджетных инвестиций в строительство инфраструктуры (предложение демократов). Подробно раскрывать детали плана нет необходимости. Отметим, что план несет революционные изменения в политике управления инфраструктурой и инфраструктурным развитием США.

Обратимся к специфике лоббирования данного решения. Решение было предложено Президентом США напрямую в форме законодательного предложения Конгрессу США. К этому времени уже

⁷ Sullivan&LeShane Incorporated. Услуги. URL: <http://ctlobby.com/services/> (дата обращения: 15.06.2018).

были оформлены коалиции поддержки решения с обеих сторон и начата публичная информационная компания как в федеральных, так и в СМИ штатов. Коалиции поддержки были сформированы как из действующих конгрессменов и сенаторов, лоббистов, так и из “коалиций” объединяющих заинтересованные в решении стороны (производители, представители университетской науки и отраслевого сообщества). Яркий пример — Коалиция Северо-Восточного коридора⁸, существующая на постоянной основе организация производителей, университетов и компаний, связанных с инфраструктурой, декларируемой целью которой является продвижение политики увеличения финансирования Северо-Восточного железнодорожного коридора США. Более того, организуется процесс прямого взаимодействия конгрессменов, сенаторов и лоббистов отрасли в рамках Дня железной дороги на Капитолийском холме, где противоборствующие стороны в присутствии лиц принимающих решения обсуждают вопросы их продвижения.

На момент написания статьи решение по *Rebuild America* не принято, но на его примере хорошо просматриваются как контуры всех этапов коалиций поддержки, так и вхождение в процесс принятия решения акторов со стороны лоббирующих организаций, лиц принимающих решения и представителей административных органов на различных этапах процесса принятия решения. В ходе процесса лоббирования решения тенденции к компромиссу и модификациям решения нет, что приводит к сжатию сети лоббирования для смещения центра политической ответственности за принятие решения к иницилирующему актору. Тем временем Президент США уже начал подготовку административной системы к реализации решения, оставляя лицам, принимающим решения (Конгресс и Сенат), роль формального утверждения.

В Европейском союзе, вопреки применению противоположной США модели формализации лоббизма, протекают схожие процессы. Приведем пример из политики в области развития инфраструктуры ЕС для более корректного сравнения. Сам процесс формирования инфраструктурной политики ЕС проходит в континентально-европейских границах с учетом специфики Германии⁹ посредством непосредственного контакта лоббистов и ассоциаций как с Директоратом по транспорту и мобильности, так и с еврокомиссарами и европарламентариями, отвечающими за формирование соответствующих бюджетных программ. Несколько лет назад в этой системе взаимоотно-

⁸ Подробнее см.: The Coalition for the Northeast Corridor (CNEC). URL: <https://www.coalitionforthenec.com/about> (accessed: 16.06.2018).

⁹ Каневский П.С. Национальные модели лоббизма: типы и механизмы функционирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 133–135.

шений начали происходить изменения — формирование институтов смешанного типа для разработки и продвижения государственной политики в отдельных сферах. В инфраструктурной сфере данной структурой стал *Shift2Rail*¹⁰ — организация, финансирующаяся на паритетных началах ЕС и крупнейшими игроками рынка. Помимо программы технических исследований организация формирует согласованную повестку дня государственной политики развития железнодорожного транспорта ЕС для содействия лидерству европейских компаний на глобальном рынке. Данный пример указывает на объединение всех выделенных факторов эволюции лоббизма в единое целое — организацию, в которой государство, лоббисты и корпорации не взаимодействуют, а разделяют ответственность в области выработки политических решений при совместном финансировании. Это своеобразный пример государственно-частного партнерства в области выработки государственной политики на первых стадиях политико-управленческого цикла, так как принятие решений остается за уполномоченными государственными институтами.

Схожие эволюционные тенденции имеют место и в российской практике. Их отражение возможно проследить на примере редакций законопроектов о формализации лоббистской деятельности. В данных редакциях выражены актуальные особенности текущего состояния лоббизма с точки зрения законодателей на момент создания законопроекта. Тексты законопроектов о лоббистской деятельности в РФ существуют в редакциях 1997, 2003 и 2013 гг.

Проект ФЗ “О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти” был внесен на рассмотрение ГД РФ в 1997 г.¹¹ Законопроект формализует лоббистскую деятельность между исполнительными и законодательными органами власти, коллегиальными и совещательными органами и юридическими лицами с посредничеством лоббиста (физического актора), при этом критерий получения вознаграждения лоббистом (что является базовым критерием в американском опыте) размыт. Лоббист согласно этому законопроекту не ограничен в методах воздействия на органы государственной власти, но он не может быть чиновником, экспертом и консультантом, приглашенным со стороны органов государственной власти. Соответствующим образом отсутствуют и ограничения на лоббирование в интересах иностранного патрона. Еще одна особенность законопроекта состоит в персонифицированном характере лоббистской деятельности. Формирование коалиций

¹⁰ Подробнее см.: Shift2Rail. URL: <https://shift2rail.org> (accessed: 16.06.2018).

¹¹ Проект ФЗ “О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти” №97801795-2. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/97801795-2> (дата обращения: 16.06.2018).

поддержки, а также лоббизм между органами государственной власти являются нарушением закона.

Проект ФЗ “О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти”, внесенный на рассмотрение в 2003 г.¹², в области персонального статуса лоббиста и роли финансового фактора в его действиях повторяет предшествующий. Главный фокус законопроекта направлен на раскрытие информации о лоббистской деятельности, порядке его хранения и опубликования, а также о мероприятиях с участием лоббистов. В остальном законопроект оставляет свободу действий лоббиста на усмотрение лоббиста вплоть до передачи в органы государственной власти проектов готовых решений. Регистрация лоббиста привязана к лоббируемому решению и носит уведомительный порядок. Санкций за нарушение закона по отношению к лоббисту не предусмотрено, так как фокус ответственности перенесен на сотрудников органов власти.

Третий проект ФЗ “О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления” (2015)¹³ помимо расширения сферы лоббистской деятельности за счет сферы местного самоуправления предусматривает формализацию лоббизма на уровне юридических лиц (индивидуальных предпринимателей). Фокус законопроекта смещен в область организации системы государственного регулирования лоббистской деятельности через создание уполномоченного государственного органа, систему саморегулируемых организаций (СРО) для лоббистских организаций, а также на порядок взаимодействия лиц, принимающих решения, с лоббистом, включая обязывающую норму по выделению времени для приема лоббистов. Список лиц, принимающих решения, содержит Президента, первых лиц Правительства и федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), их заместителей, регионов, муниципальных образований. Методы, модели лоббистской деятельности, равно как и санкции за нарушение законопроектом не определены.

Таким образом, в эволюции попыток формального регулирования лоббизма в РФ прослеживаются выделенные ранее тенденции. Законопроект 2015 г. указывает на попытки формирования системы управления сетевым взаимодействием акторов с помощью саморегулируемого сообщества. В нем же формально не запрещается

¹² Проект ФЗ “О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти” № 396138-3. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/396138-3> (дата обращения: 16.06.2018).

¹³ Проект ФЗ “О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления” №833158-6. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/833158-6> (дата обращения: 16.06.2018).

формирование коалиций поддержки решений лоббистами, что в рамках ранних версий законов было невозможно. Фактор ресурсного влияния на лоббистскую деятельность слабо отражен законопроектами в равной мере, но в законопроекте 2015 г. его влияние сведено к минимуму.

Отсутствие формально закрепленных практик регулирования лоббизма в РФ не мешает процессу институционализации в неформальной сфере. Ввиду преобладания неформальных практик установление инициаторов институционализации затруднено, возможна лишь констатация формализации отдельных практик лоббизма через введение административных процедур или через административную институционализацию.

Наибольшее окно возможностей для формализации было создано для лоббистов из сектора наиболее затрудненного для представительства — это так называемые организации гражданского общества или некоммерческие организации. Существенный импульс для развития потенциала лоббизма в этой сфере был получен при создании Общественной палаты, которая нивелировала различия форм и размеров НКО для представительства интересов. В 2008 г.¹⁴ Общественная палата (далее — ОП) получила в пределах, ограниченных зоной компетенции (социальная политика, социальная обеспечение, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности), право на общественную экспертизу проектов решений органов государственной власти с правом обязательного рассмотрения результатов экспертизы, а также с правом введения представителей Общественной палаты в консультативные органы по принятию решений. Итогом этих процессов стало создание системы общественных советов при органах государственной власти, что дает основание говорить о начале процесса оформления ОП в качестве лоббистского института от общественных организаций в области социальной политики и политики общественной безопасности.

Полномочия общественных советов при органах исполнительной власти получили развитие после принятия ФЗ “Об общественном контроле”¹⁵, расширяющего деятельность Общественной палаты и создающего возможности для организации отдельных элементов лоббистского воздействия на органы исполнительной власти в РФ. Лоббизм в пределах вновь полученных полномочий был существенно ограничен в праве на получение информации, а также выборе решений для контроля. Выбор инструментов контроля (общественный

¹⁴ ФЗ “Об общественной палате Российской Федерации” № 32-ФЗ от 4 апреля 2005 г., Положение о порядке проведения общественной экспертизы, утв. Советом общественной палаты РФ 15.05.2008 г.

¹⁵ ФЗ “Об основах общественного контроля в Российской Федерации” № 212-ФЗ от 24.07.2014 г.

мониторинг, общественная проверка (инспекция), общественная экспертиза, создание ассоциаций общественного контроля в различных сферах) повторяет контуры базовых методов лоббизма с условием инициации только через Общественную палату или институт уполномоченных при Президенте РФ.

Поправки в ФЗ 212 “Об общественных объединениях” в части организаций, выполняющих функции иностранного агента, не могут в полной мере касаться лоббизма. Приходится признать, что они являются инструментом контроля расходов, направляемых для осуществления деятельности по влиянию на процесс принятия решений через научное и экспертное сообщество посредством некоммерческих организаций со стороны иностранных заинтересованных групп. В США данная практика эволюционировала как в законодательном контексте, так и в административном. В РФ она находится только в начале пути.

Вторым новым направлением формализации лоббизма является система Открытого Правительства и сформированная в его составе система Советов потребителей. Фактически создание данного института в некоторых аспектах замещает собой функционал отраслевых лоббистских организаций. Открытое Правительство является уполномоченным органом по управлению деятельностью общественных советов при органах государственной власти: устанавливает критерии эффективности работы и приоритетные направления деятельности общественных советов, контролирует обновление состава и управляет квотой в размере 25% от состава членов советов, отбираемых от Экспертного совета при Правительстве РФ. Вторым направлением работы Открытого Правительства является деятельность Советов потребителей услуг естественных монополий. Состав Советов потребителей объединяет представителей крупных отраслевых игроков и их лоббистских объединений. Советы потребителей аудиторуют инвестиционные программы монополий, вносят предложения и корректируют стратегические документы их развития. Сеть советов функционирует как на федеральном уровне, так и на уровне региональных администраций.

Приведенные примеры показывают прогресс развития и эволюции лоббизма в РФ без его формализации на законодательном уровне. Его эволюция идет параллельно эволюционным тенденциям лоббизма в других политических системах. Лоббизм в РФ по аналогии с мировыми тенденциями превращается в сетевой процесс с потерей явного актора для лоббистского воздействия. Новые формализованные институты фактически формируют коалиции поддержки решений по отраслям и имеют возможности для балансировки искажений в принимаемых решениях. Административная закрытость этих коалиций усиливает возможности по управлению полярностью

государственных решений от соответствия эмпирической реальности до отрыва от нее. Отсутствие формализации не создает проблемы для эволюции лоббизма в РФ, но создает основания для дальнейшего ухода в тень неформальных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильева В.М. Лоббизм: проблемы теоретической интерпретации // Мир и политика. 2012. Т. 1. № 64.

Дегтярёв А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (III) // Полис. 2003. № 3.

Дегтярёва Е. Лоббизм в процессе принятия решений ЕС: нормы регулирования, механизмы и модели // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4.

Каневский П.С. Национальные модели лоббизма: типы и механизмы функционирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3.

Костяев С.С. Федеральное законодательство США о лоббизме. М., 2015. Основные законодательные принципы реконструкции инфраструктуры Америки. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/02/INFRASTRUCTURE-211.pdf>

REFERENCES

Chaisty P., Cheeseman N., Power T. Coalitional presidentialism in comparative perspective: minority presidents in multiparty systems. Oxford, 2018.

Degtyarev A.A. Metodologicheskie podhody i konceptual'nye modeli v interpretacii politicheskikh reshenij (III) [Methodological approaches and conceptual models of policy decisions interpretation (part III)] // Polis. 2003. Iss. 3 (in Russian).

Degtyareva E. . Lobbizm v processe prinyatiya reshenij ES: normy regulirovaniya, mekhanizmy i modeli [Lobbying in EU decision-making process: regulation norms, frameworks and models] // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]. 2008. Iss. 4 (in Russian).

Kanevsky P.S. Nacional'nye modeli lobbizma: tipy i mekhanizmy funkcionirovaniya [The national lobbying models: types and functional frameworks] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2013. Iss. 3 (in Russian).

Kostyaev S.S. Federal'noe zakonodatel'stvo SSHA o lobbizme [USA federal lobbying legislation]. М., 2015 (in Russian).

Osnovnye zakonodatel'nye principy rekonstrukcii infrastruktury [Ameriki Legislative outline for rebuilding infrastructure in America]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/02/INFRASTRUCTURE-211.pdf> (in Russian).

Vasileva V.M. Lobbizm: problemy teoreticheskoy interpretacii [The lobbying theoretical interpretation problems] // Mir i politika [World and Politics]. 2012. Vol 1. Iss. 64 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-180-187

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА ЛОББИЗМА

П.Я. Фельдман, канд. полит. наук, доц., доц. кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, ул. Лобачевского, д. 90, г. Москва, Российская Федерация, 119454*

В настоящей статье предпринимается попытка концептуализации феномена политического лоббизма. Автор прослеживает эволюцию отечественного научного дискурса, посвященного соответствующей проблеме и приходит к выводу о необходимости возвращения к ее теоретическим истокам. В частности, он ставит под сомнение применимость теории заинтересованных групп и других плюралистических концепций для изучения отечественных социально-политических реалий. В качестве альтернативы предлагается сетевая парадигма, предполагающая наличие неразрывных связей между государственными и негосударственными акторами. В рамках концепции политических сетей лоббизм выступает как один из ключевых механизмов коммуникации иерархически неупорядоченных институтов и субъектов. Кроме того, в статье отмечается диссонанс между строгим (научным) и обывательским подходами к интерпретации феномена лоббизма. В этой связи представляется необходимым уточнить содержание настоящего понятия с учетом российской политической специфики.

Ключевые слова: лоббизм, группы интересов, политические сети, Government Relations, политическая коммуникация.

CONCEPTUALIZATION OF APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF LOBBYING

Feldman Pavel J., Candidate of Political Sciences, The Associate Professor of the Department of philosophy and social science of the Academy of labour and social relations, st. Lobachevsky, 90, Moscow, Russian Federation, 119454, e-mail: pavelfeld@mail.ru

In this article is made an attempt to conceptualize the phenomenon of political lobbyism. The author traces the evolution of the domestic scientific discourse devoted to the relevant problem and comes to the conclusion that it is necessary to return to its theoretical origins. In particular, he questions the applicability of

* **Фельдман Павел Яковлевич**, e-mail: pavelfeld@mail.ru

the theory of interest groups and other pluralistic concepts for the study of domestic socio-political realities. As an alternative, a network paradigm is proposed, suggesting the existence of inseparable links between state and non-state actors. Within the framework of the concept of political networks, lobbying acts as one of the key communication mechanisms of hierarchically unorganized institutions and actors. In addition, the article notes a discord between strict (scientific) and philistine approaches to the interpretation of the phenomenon of lobbyism. In this regard, it seems necessary to clarify the content of this concept, taking into account the Russian political specifics.

Key words: *lobbyism, interest groups, political networks, Government Relations, political communication.*

Вопросы, связанные со становлением и развитием института лоббизма в постсоветской России, вот уже более двух десятков лет фокусируют на себе внимание представителей отечественного политологического сообщества. Количество диссертационных исследований, научных статей и монографий, посвященных данной проблематике, давно стало трехзначным. В начале 1990-х гг., на заре новой российской государственности, институт лоббизма воспринимался подавляющим большинством отечественных авторов как неотъемлемый атрибут либеральной демократии. При этом попытки осмысления соответствующего феномена сводились, главным образом, к оценке целесообразности заимствования американского и западноевропейского опыта упорядочения лоббистских отношений. Соответственно, политико-правовая регламентация механизмов продвижения частных интересов в органах государственной власти представлялась едва ли не панацеей от таких явлений, как коррупция, клиентелизм, фаворитизм и блат. По мере укрепления вертикали власти и формирования институциональных контуров политической системы современной России работы о лоббизме, некогда носившие футуристический характер, начали терять былую остроту и актуальность звучания. Ближе к середине 2000-х гг. окончательно развеялись иллюзорные надежды на скорое принятие специализированного закона о представительстве корпоративных интересов. Ухудшение отношений между Российской Федерацией и западными державами заставило критически переосмыслить политические институты и практики, характерные для последних. Как следствие, в научно-экспертной дискуссии о лоббизме все более внятно стали звучать ноты скепсиса и разочарования. В силу вышеуказанных факторов произошел явный разворот научного дискурса от теоретических вопросов в пользу практических аспектов воздействия негосударственных акторов на органы публичной власти.

К концу 2010-х гг. проблема лоббизма постепенно “перекочевала” из предметного поля политической науки в область комму-

никативистики, Public Relations, корпоративного менеджмента и государственного управления. Растущий спрос на квалифицированных специалистов по связям с государственными структурами, характерный для российского бизнеса докризисных времен, всячески тому поспособствовал. Реагируя на запросы рынка, научно-экспертное сообщество сосредоточилось на оттачивании лоббистских стратегий и совершенствовании инструментов Government Relations. Как следствие, в отечественной литературе на первый план вышла политико-технологическая (утилитарная) составляющая феномена лоббизма. Кроме того, периодически в свет выходят научно-публицистические работы, авторы которых предпринимают попытки разоблачения “серых” и “теневых” механизмов достижения договоренностей между высокопоставленными чиновниками и группами влияния, однако это едва ли способствует концептуализации представлений о рассматриваемой проблеме. На фоне экстенсивного прироста знаний об утилитарных аспектах лоббистской деятельности может сложиться иллюзорное впечатление о том, что тема функционального представительства корпоративных интересов в России разработана до предела. Действительно, перспективы дальнейшего политологического анализа данной проблемы представляются весьма неопределенными. Сегодня отечественные исследователи лоббизма сталкиваются с целым рядом проблем, наиболее существенная из которых заключается в дистанцированности научно-педагогических работников от реальной деятельности по продвижению корпоративных интересов в органах власти. Выходом из наметившегося концептуального тупика могло бы стать возвращение к теоретическим основам рассматриваемой проблемы, тем более, до сих пор остается неразрешенным принципиально важный, с нашей точки зрения, вопрос: “В какой мере теория заинтересованных групп, разработанная А. Бенгли, Д. Труменом и другими западными авторами, может быть использована применительно к российским социально-политическим реалиям?”

Подавляющее большинство исследований, посвященных проблеме политического лоббизма в России, действительно, зиждется на концептуально-методологическом базисе теории заинтересованных групп¹. В рамках настоящей плюралистической концепции допускается существование институтов гражданского общества, которые полностью независимы и равноудалены от государства. При этом

¹ См.: Bentley A. The process of government: a study of social pressures. Chicago, 1908; Truman D.B. The governmental process. Political interests and public opinion. N.Y., 1971; Domhoff G.W. Who rules America? Prentice-Hall, 1967; Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 2007; Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М., 1995; Salisbury R.H. Interest group politics in America. N.Y., 1970.

под репрезентацией корпоративных интересов в органах власти подразумевается исключительно внешнее воздействие политически и экономически автономных стейкхолдеров на центры принятия политико-управленческих решений. Данный теоретический посыл коренным образом диссонирует с социально-политическими реалиями современной России, где грань между государством, бизнесом и гражданским обществом зачастую оказывается настолько тонкой, что провести ее нет никакой возможности. Широкое распространение клиентелистских практик, концентрация значительной доли общественных ресурсов “в руках” государственных корпораций, слияние экономической, политической и военно-силовой элиты, а также постоянная циркуляция управленческих кадров между государственной властью и бизнесом заставляют отказаться от классической теории заинтересованных групп при осуществлении эмпирического анализа отечественных лоббистских практик.

Мы полагаем, что специфика российской модели функционального представительства интересов наиболее адекватно раскрывается через призму концепции политических сетей. Данная теория предполагает существование широкого спектра скрытых и явных, формальных и неформальных, легальных и теневых, институционализованных и неинституционализованных механизмов ресурсного обмена между властью и обществом. Со второй половины 2000-х гг. в российской научной литературе отмечается методологический поворот в сторону политико- сетевого подхода. Стремительное расширение и административное укрепление политических сетей в России могут рассматриваться как естественная реакция политической системы на несовершенство правовых механизмов взаимодействия власти с группами давления. В данных обстоятельствах институциональный ландшафт политической системы начинает выполнять формальные и декоративные функции, тогда как реальные механизмы реализации власти приобретают сетевой характер. Однако следует признать, что констатируемое нами соответствие политико- сетевого подхода российским политическим реалиям не гарантирует его результативного применения на практике. Данная парадигма предполагает изучение преимущественно неформальных, скрытых и кулуарных механизмов политического согласования интересов. Соответственно, ее использование всегда сопряжено с риском получения результатов, не поддающихся верификации и не соответствующих критериям научности.

За последние пятнадцать лет в России сформировалась масштабная по своему социальному охвату и объему властных полномочий политическая сеть, которая ассоциируется с правящим режимом. Ее административно-управленческим ядром выступает Президент

Российской Федерации, который обеспечивает информационно-коммуникационную целостность и иерархическую упорядоченность периферийных элементов, выступая гарантом соблюдения формальных и неформальных норм политической коммуникации. Роль “приводного ремня”, передающего влияние центра на периферию системы власти, выполняет Администрация Президента РФ. По мнению ряда исследователей, в современной России данный орган играет роль ключевого механизма реализации властных полномочий, обладая рычагами прямого и оперативного управления страной². Справедливо констатируемое отечественными авторами несоответствие формального статуса Администрации Президента ее реальным политико-управленческим возможностям, которые неуклонно расширяются, ощутимо осложняет постижение объективной политической реальности. Однако имеются достаточные основания полагать, что на сегодняшний момент именно Президент РФ и его Администрация выступают связующими звеньями в системе политических отношений между центром и регионами, органами законодательной и исполнительной власти, государством и гражданским обществом, организованным трудом и капиталом.

Второй иерархический уровень сетецентрической системы реализации политической власти в России, с нашей точки зрения, образуют представители высшей страты федеральной политической элиты: председатель, вице-председатели и министры Правительства РФ, полномочные представители Президента РФ в федеральных округах, главы крупнейших государственных корпораций, председатели комитетов и спикеры обеих палат Федерального Собрания РФ, руководители силовых структур, наиболее крупные промышленники и предприниматели, а также главы отдельных регионов. Данные субъекты выступают проводниками стратегических инициатив Президента, обеспечивая правовые, административные и финансовые условия их реализации. Вместе с тем, они являются заинтересованными акторами политического процесса, что непосредственным образом сказывается на характере их функционирования. С определенной долей допущения к аналогичной категории могут быть отнесены духовные лидеры ключевых конфессий и первые лица наиболее крупных общественных ассоциаций корпоративистского типа: прежде всего, председатели профессиональных союзов и предпринимательских объединений. Последние, не обладая формальной

² Аникин С.Б., Родионова М.П. Вопросы административно-правовой организации деятельности Администрации Президента Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 15–18; Борискова И.В. Формирование и полномочия Администрации Президента Российской Федерации // Территория науки. 2015. № 4. С. 95–99.

властью, призваны обеспечивать легитимацию политико-управленческих решений.

На третьем иерархическом уровне описываемой нами политической сети располагается бюрократия (федеральная, региональная, партийная и т.д.), которая отвечает за практическую реализацию государственной политики, но не ограничивается исключительно “технической” ролью в процессе управления обществом. Обладая значительным объемом отраслевых знаний и высокой информационно-коммуникационной компетентностью, она стремится к наращиванию своего административно-управленческого и политического потенциала. Наконец, четвертый периферический уровень сетецентрической системы реализации политической власти в России охватывает широкий спектр институциональных и социальных субъектов, прямо или косвенно участвующих в процессе принятия политико-управленческих решений. К данной категории, на наш взгляд, принадлежат лидеры мнений, представители экспертного сообщества, государственные средства массовой информации и общественные организации, “фабрики мысли”, а также некоторые политические партии.

Необходимо подчеркнуть, что существование в Российской Федерации вышеописанной политико-сетевой структуры допускается в качестве гипотезы, доказательство которой не является целью написания настоящей статьи. Более того, подлинные механизмы и неформальные правила ресурсного обмена, осуществляемого в рамках данной сети, практически недоступны для эмпирического анализа. Пытаясь умозрительно вскрыть “черный ящик” российской системы неформального властвования, исследователи, как правило, тяготеют к описанию таких нелегальных явлений, как фаворитизм, “блат”, nepотизм, кронизм и коррупция. Соответствующие механизмы политического согласования интересов играют определенную роль в процессе распределения и перераспределения общественных ресурсов, однако их научное осмысление не представляется нам целесообразным в силу обозначенных выше причин. Определенное место в этой сетецентрической системе занимает и лоббизм, понимаемый не как правовой институт, а как специфическая форма взаимоотношений между властью и группами интересов.

Вычленение лоббистской деятельности из обширного спектра схожих с ней институтов и практик является одной из наиболее перспективных и насущных задач, стоящих перед экспертным сообществом. Однако достижение полной семантической определенности в отношении содержания понятия “лоббизм” на современном этапе представляется практически невозможным. Особенно сложно данная задача решается в России, где соответствующее явление так и не получило единой нормативно-правовой трактовки, закрепленной

на уровне законодательства. Кроме того, представителями научно-экспертного сообщества не может игнорироваться тот факт, что в массовом сознании и лексиконе прочно укоренился обывательский подход к восприятию лоббизма как некой формы “проталкивания” узкопартийных интересов, антиобщественных инициатив и выгодных кандидатур на те или иные посты в системе государственной власти. В средствах массовой информации зачастую звучат формулировки “депутаты лоббируют”, “губернаторы лоббируют”, “министры лоббируют”, “лобби в Государственной Думе”, “коррупционный лоббизм” и т.д., с формальной точки зрения являющиеся ошибочными. Как следствие, перед авторами возникает практически неразрешимая дилемма: либо, придерживаясь научного подхода, понимать под лоббизмом исключительно законную деятельность, субъектами которой по определению не могут выступать депутаты и должностные лица, либо согласиться с точкой зрения массовой аудитории и существенно расширить смысловые границы данного понятия. Полагаем, что существует и третий путь, позволяющий выработать широкий интегративный подход к трактовке рассматриваемого феномена. Необходимость решения данной задачи намечает контуры будущих исследований, посвященных проблеме взаимодействия власти и групп давления. В данном контексте применение сетевой парадигмы может рассматриваться как первый шаг на пути к переосмыслению сложившихся подходов к интерпретации феномена лоббизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин С.Б., Родионова М.П. Вопросы административно-правовой организации деятельности Администрации Президента Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 15–18.

Борискова И.В. Формирование и полномочия Администрации Президента Российской Федерации // Территория науки. 2015. № 4. С. 95–99.

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 2007.

Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М., 1995.

REFERENCES

Anikin S.B., Rodionova M.P. Voprosy administrativno-pravovoj organizacii deyatel'nosti Administracii Prezidenta Rossijskoj Federacii [Questions of the administrative and legal organization of the activities of the Administration of the President of the Russian Federation] // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. 2015. N 1 (102). P. 15–18 (in Russian).

Bentley A. The process of government: a study of social pressures. Chicago, 1908.

Boriskova I.V. Formirovanie i polnomochiya Administracii Prezidenta Rossijskoj Federacii [Formation and powers of the Administration of the President of the Russian Federation] // *Territoriya nauki* [Territory of Science]. 2015. N 4. P. 95–99 (in Russian).

Domhoff G.W. Who rules America? Prentice-Hall, 1967.

Mills Ch. W. Vlastvuyushchaya ehлита [The power elite]. M., 2007 (in Russian).

Olson M. Logika kollektivnyh dejstvij: obshchestvennye blaga i teoriya grupp [The logic of collective action: public goods and group theory]. M., 1995 (in Russian).

Salisbury R.H. Interest group politics in America. N.Y., 1970.

Truman D.B. The governmental process. Political interests and public opinion. N.Y., 1971.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-188-205

РИМСКИЙ КЛУБ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI в.

А.В. Сидорина, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена анализу основных предпосылок возникновения и дальнейшего развития Римского клуба¹. Вторая половина XX в. рассматривается как период качественной трансформации всех сторон общественной жизни. Возникновение Римского клуба именно в этот период рассматривается как некий отклик на происходящие трансформационные процессы. Глобализация и научно-техническая революция становятся базовыми предпосылками формирования глобальных проблем человеческой цивилизации. Глобальные проблемы встают на повестку дня и анализируются на уровне международного сообщества. Первые доклады Римского клуба анализировали глобальные проблемы современности в контексте “общество — природа” с применением методов компьютерного моделирования. Если первые доклады характеризовались лишь оценкой существующего состояния цивилизации и прогнозированием ее дальнейшего развития (с акцентом, как правило, на пессимистические аспекты), то последующие работы членов Римского клуба характеризуются попыткой построить модели выхода из существующего кризиса и дальнейшего устойчивого развития цивилизации. Вторая группа докладов Римского клуба развивается в рамках анализа взаимодействия в системе “общество — индивид”. Отчасти это связано с тем, что все большую остроту набирают социальные проблемы, прежде всего, это проблема противостояния “богатого Севера и бедного Юга”. В рамках данных работ все большую популярность набирает идея о том, что современные глобальные проблемы — это не только экологические и экономические проблемы, это проблемы политических, институциональных порядков, это проблемы демографические, культурные, идеологические, это проблемы кризиса базовых ценностных структур современной цивилизации. Авторы докладов подводят к мысли о необходимости построения новой мировоззренческой

* Сидорина Анастасия Витальевна, e-mail: sidnastia@yandex.ru

¹ About us. Club of Rome. URL: <http://www.clubofrome.org/about-us/> (accessed: 16.04.2018).

парадигмы, которая станет основанием новой глобальной этики. Создание новой этики международного взаимодействия рассматривается как базовое и ключевое условие преодоления существующего кризиса.

Ключевые слова: Римский клуб, глобальные проблемы, экологический кризис, социальные трансформации, глобальные риски, моделирование социальных процессов, научно-техническая революция, глобализация.

ROME CLUB AND SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE SECOND HALF OF THE XX AND THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Sidorina Anastasiya V., PhD student of Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1–33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: sidnastia@yandex.ru

The article analyzes the main prerequisites for the emergence and further development of the Club of Rome². The second half of the XX century is seen as a period of qualitative transformation of all aspects of social life. The emergence of the Club of Rome in this period is seen as a response to the ongoing transformation processes. Globalization and the scientific and technological revolution are becoming the basic prerequisites for the formation of global problems of human civilization. Global problems are being analyzed at the international community level. The first reports of the Club of Rome analyzed the global problems of our time in the context of “society — nature” with the using computer modeling methods. If the first reports were characterized only by an assessment of the current state of civilization and forecasting its further development (with an emphasis, as a rule, on pessimistic aspects), then the subsequent works of the members of the Club of Rome is characterized by an attempt to build a model out of the existing crisis and the further sustainable development of civilization. The second group of reports of the Club develops in the framework of the analysis of interaction in the system “society — individual”. This is partly due to the fact that social problems are becoming more acute, primarily the problem of confrontation between the “rich North and the poor South”. Within the framework of these works, the idea that modern global problems are not only environmental and economic problems, they are problems of political and institutional order, they are demographic, cultural, ideological, they are problems of the crisis of the basic value structures of modern civilization is gaining popularity. The authors of the reports lead us to the need to build a new ideological paradigm, which will be the basis of a new global ethics. The creation of a new ethics of international cooperation is considered as a basic and key condition for overcoming the existing crisis.

Key words: Club of Rome, global problems, ecological crisis, social transformations, global risks, modeling of social processes, scientific and technical revolution, globalization.

² About us. Club of Rome.

2018 г. стал годом 50-летия существования Римского клуба³. За полвека члены Римского клуба выпустили огромное число докладов, десятки книг, под влиянием его деятельности было сформировано новое направление научных исследований — глобалистика, возникло глобальное моделирование, было сформировано понятие глобальных проблем как общечеловеческих проблем всего населения в целом⁴. Члены Римского клуба одними из первых стали говорить об истощении ресурсов планеты, угрозе перенаселения, глобального потепления как о необратимых глобальных трансформациях, которые ставят под угрозу существование всего человечества. Широкая деятельность в сфере глобального моделирования, создание первых компьютерных моделей мирового развития, развенчание технократического мифа об экономическом росте как наиболее эффективном способе развития, призыв мировой общественности к объединению усилий на пути улучшения качества жизни человека, повышения благосостояния и сохранения окружающей среды существования — стали теми рычагами, которые привели в действие значительное число политических, экономических, общественных организаций. Римский клуб привлек внимание широкой общественности к глобальным проблемам современности, став тем самым, значимым институтом, задающим вектор формирования и дальнейшего обсуждения актуальных проблем человечества. Практические рекомендации деятелей клуба стали учитываться при прогнозировании социально-экономического развития как отдельных стран в целом, так и отраслей промышленности, бизнес-организаций, крупных корпораций. Теоретические исследования, в том числе и методология исследования, стали использоваться различными науками. Деятельность Римского клуба на сегодняшний момент стала интеллектуальной платформой, координирующей теоретические и практические исследования ведущих политических, социальных и общественных институтов в области глобальных проблем современности.

Основные трансформационные процессы XX в. как предпосылка возникновения Римского клуба

Вторая половина XX в. ознаменовалась рядом трансформаций всех сторон общественной жизни — социальной, экономической, политической, культурной. Концепции индустриального общества, базировавшиеся на непоколебимой вере в неисчерпаемые возмож-

³ History. Club of Rome. URL: <http://www.clubofrome.org/about-us/history/> (accessed: 16.04.2018).

⁴ Reports. Club of Rome. URL: <http://www.clubofrome.org/activities/reports/> (accessed: 16.04.2018).

ности науки и техники, были подвергнуты критике. Данное явление было обусловлено рядом последствий научно-технического прогресса, наиболее ярко проявившихся в 1960–1970-х гг.

Предпосылками НТР стали достижения точных и естественных наук в конце XIX — начале XX в.: открытие электрона, радия, создание квантовой механики и теории относительности, открытые превращения химических элементов, наукой был осуществлен прорыв в область микромира. Под влиянием применения электричества в промышленности и на транспорте произошел революционный сдвиг в технике, было изобретено радио. В 40-х гг. XX в. была решена проблема расщепления атомного ядра. Начинается создание проектов, в рамках которых предполагается сотрудничество науки и промышленности, в 50-е гг. XX в. создаются технопарки, задача которых — планирование и управление научной деятельностью. 50-е гг. XX в. также ознаменовались широким применением в научных исследованиях и в производстве электронно-вычислительных машин, что позволило создать условия для перехода к комплексной автоматизации производства. Таким образом, положение человека в производстве претерпело качественное изменение, преобразовался сам характер труда, который более уже не является необходимостью.

Однако наряду с возникновением значительного числа возможностей для роста и развития также формировался комплекс проблем, который носил уже не локальный, а глобальный характер. Глобализация и развертывание научно-технической революции подготовили почву для зарождения глобальных проблем человечества.

Заслуга привлечения внимания широкой общественной и научной аудитории к глобальным проблемам современности по праву принадлежит Римскому клубу⁵ — международной неправительственной ассоциации, которая сыграла значимую роль в осмыслении глобальных проблем современного мира, ознакомлении с ними общественности, выработке моделей дальнейшего развития человечества.

Официальной точкой отсчета начала деятельности клуба стал 1968 г., когда в Академии Деи Линчеи в Риме состоялась встреча по инициативе Аурелио Печчеи, который стал первым президентом ассоциации⁶. В создании проектов Римского клуба принимали участие представители как научно-технических специальностей, так и деятели гуманитарных наук, которые вышли за рамки изучения лишь энергетической и сырьевой перспектив, интересные в первую очередь организациям, активно финансирующим деятельность Клуба — итальянской компании “Фиат” и немецкому концерну “Фольксваген”.

⁵ About us. Club of Rome.

⁶ History. Club of Rome. URL: <http://www.clubofrome.org/about-us/history/> (accessed: 16.04.2018).

Глобальные проблемы в контексте взаимоотношений общества и окружающей среды

В центре первых работ Римского клуба был анализ взаимоотношений общества и окружающей среды. Развивается идея о том, что древние и средневековые общества обладали способностью к саморегенерации, однако современная цивилизация в случае гибели уже не сможет вернуться на предыдущую ступень развития, поскольку большинство запасов полезных ископаемых уже исчерпано. Таким образом, нынешняя цивилизация может вернуться лишь на ступень аграрного, но уже никак не промышленного общества.

Объектом изучения Римского клуба стали глобальные проблемы современности с использованием методов компьютерного моделирования и институционального подхода. С точки зрения Римского клуба, доминирующие в экономической науке методы неоклассической экономической теории, основанные на принципе рационального индивидуализма, исчерпали себя и неэффективны для решения проблем современности. Компьютерное моделирование как средство и междисциплинарный подход к исследованию институтов, как метод было взято на вооружение деятелями Клуба.

Первые исследовательские проекты Римского клуба были посвящены провозглашению катастрофы в цивилизации, основанной на индустриальной технологии и активном использовании машин. Строились модели прогнозирования кризисных ситуаций, связанных с экспоненциальным ростом промышленного производства, численности населения планеты и, как результат, загрязнением окружающей среды, истощением природных ресурсов и запасов продовольствия.

Так, в первом докладе американского специалиста по компьютерному моделированию Джея Форрестера “Мировая динамика” (1971 г.) было выявлено, что сохранение существующего темпа потребления природных ресурсов станет причиной всемирной экологической катастрофы уже в 2020-х гг.: к 2020–2050 гг. численность населения планеты достигнет 6,5 млрд человек, но в результате истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды численность населения снизится за 20–30 лет до 1,5–2 млрд человек⁷. Форрестер разработал метод системной динамики, который, учитывая пять основных взаимосвязанных переменных — численность населения, использование невозобновимых ресурсов, объем капиталовложений, производство продовольствия и загрязнение окружающей среды, — позволял построить модель развития мира⁸. Форрестером впервые были введены в модель прогнозирования такие факторы, как предель-

⁷ Форрестер Дж. Мировая динамика. М., 1978.

⁸ Там же.

ные значения природных ресурсов, ограниченные возможности природных экосистем поглощать и нейтрализовывать вредные отходы человеческой деятельности⁹. Введение экологических переменных в расчеты значимым образом преобразовало кривые прогнозных моделей из восходящих в нисходящие после первой трети XXI в. Прогноз Форрестера говорил о неизбежности кризиса, который был выражен в загрязнении окружающей среды, упадке промышленного развития, мировом распространении и усугублении проблемы голода, эпидемий и, как результат, вымирании человечества.

Некоторая отсрочка надвигающегося кризиса взаимоотношений общества и окружающей среды возможна за счет ряда действий, а именно — сокращения численности населения, приостановки роста производства, учета возможностей биосферы в дальнейших действиях, создания технологий, которые позволят нейтрализовать загрязнения окружающей среды.

Однако было выявлено, что данный прогноз не является достоверным, так как численность населения в 6,5 млрд будет достигнута уже к 2006 г., а полное истощение ресурсов наступит позже.

Более детальный анализ поставленных Форрестером проблем с использованием его же подхода был проведен в книге Денниса Медоуза “Пределы роста” (1972 г.)¹⁰, которая стала своего рода научным бестселлером и вызвала широкий общественный интерес. Проект заключался в построении нескольких моделей развития человечества на основании экстраполяции существовавших на момент создания проекта тенденций роста. Основными параметрами моделирования стали численность населения земного шара, объем промышленного производства, производство продуктов питания на душу населения, объем запасов природных ресурсов, темпы загрязнения с экстраполяцией на 2000-й г. В результате было выявлено четыре возможных сценария дальнейшего развития человечества: продолжение истощения природных ресурсов, неограниченность ресурсов, ограничение роста населения и технического развития, а также стабилизационный сценарий¹¹.

Первая модель развития указывает на то, что если не произойдет никаких качественных изменений, то начало XXI в. ознаменуется резким спадом среднедушевого промышленного производства и, как результат, численности населения планеты. Вторая модель вводит условие удвоения ресурсов, однако данный прогноз указывает на то, что это не устраним глобальный кризис, а лишь отодвинет его

⁹ Форрестер Дж. Указ. соч.

¹⁰ Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерс Й., Беренс Ш. Пределы роста (The Limits to growth): Докл. по проекту Римского клуба “Сложное положение человечества”. М., 1991.

¹¹ Там же.

примерно до середины XXI в. Третья модель развития предлагает единственно возможный, с точки зрения автора доклада, выход из кризиса — осознанная консервация промышленного производства и численности населения с целью ограничения существующих темпов роста. Таким образом, будет возможно достижение состояния глобального равновесия, что получило название концепции “нулевого роста”¹².

Проект отмечал также наличие и внутренних пределов роста: человечество на данный момент не способно в должной мере оценить влияние истощения природных ресурсов и последствий этого процесса на психические и умственные способности человека, которым также свойственны ограничения. Таким образом, проблема истощения ресурсов и загрязнения окружающей среды — это не только демографическая, экономическая или же экологическая проблема, но также и культурная. Соответственно, для предотвращения кризиса цивилизации человечество должно трансформировать свое мировоззрение в сторону отказа от культуры потребления и выстроить стратегию “нулевого роста”.

Основная идея проекта Медоуза о наличии пределов человеческой экспансии шла вразрез с доминирующей в мировой культуре ориентацией на материальный рост, что вызвало широкий резонанс в обществе и активное обсуждение проекта. Книга “Пределы роста” была переведена на 30 языков и издана тиражом 4 млн экземпляров. Университеты и колледжи начали использовать данный доклад в качестве учебного пособия, доклад обсуждался на конференциях, семинарах. Так, в 1972 г. была проведена Стокгольмская конференция по вопросам окружающей среды¹³ в составе 113 представителей различных стран, на которой концепция “нулевого роста” Медоуза была подвергнута критике. Прежде всего, свое неодобрение выразили представители развивающихся стран, где значительные массы населения проживали за чертой бедности, и отказ от дальнейшего развития означал был сохранение существующего положения бедного населения.

Проект “Пределы роста” был подвергнут критике также и со стороны исследовательской группы Сассекского университета (Великобритания), руководитель которой в статье “Мальтус с компьютером”¹⁴ указал, что исследование Римского клуба граничит с фетишизацией ЭВМ. Эту точку зрения поддержал и американский ученый Р. Макдональд, отметив, что ЭВМ лишь дают видимость получения точного

¹² Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерс Й., Беренс Ш. Указ. соч.

¹³ Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarithenv.shtml (дата обращения: 22.04.2018).

¹⁴ Freeman C. Maltus with a computer // Futures. 1973. Vol. 5. Iss. 1.

знания, а на самом деле — приводят к подмене знания математикой, а понимания — вычислением¹⁵.

Неоднозначное отношение сложилось к данному исследованию и со стороны самих членов Римского клуба. Так, немецкий специалист в области системного анализа Эдуард Пестель указал на тот факт, что метод системной динамики не годится для изучения региональной модели мира¹⁶. Проект Медоуза рассматривает мир как единое гомогенное целое, не учитывая региональную специфику его развития, в результате чего прогнозируемые сценарии развития не являются достоверными.

Модель Медоуза и модель Форрестера были концептуально идентичны и результаты прогноза обеих моделей совпадали: признавалась неминуемость глобальной катастрофы. Однако обе модели не отражали в полной мере действительность конца XX в., которая и опровергла их расчеты, что и стало в первую очередь основанием для критики. Ключевое расхождение было связано с оценкой численности населения — скорость роста населения в 1990-х гг. установилась на отметке в 80 млн человек в год, пройдя свой максимум в 87 млн в год и снизившись до уровня 1970-х гг. Это объясняется тем, что модели и Форрестера и Медоуза были ограничены числом факторов, воздействующих на систему “природа — общество”.

Однако следует отметить, что данные авторы впервые после В.И. Вернадского¹⁷ осуществили попытку использовать математическое моделирование для оценки развития системы “природа — общество”.

Опираясь на критические замечания к моделям Форрестера и Медоуза, а также на собственные наработки, Эдуард Пестель и американский математик Михайле Месарович приступили к разработке собственной модели мира, опираясь на предложенную Месаровичем в конце 1960-х гг. теорию многоуровневых иерархических систем. Авторами была предложена концепция, получившая название “концепция органического роста”¹⁸. Согласно данной концепции, мир рассматривается как система взаимосвязанных и взаимозависимых территорий, различающихся в культуре, традициях и уровне экономического развития: “Чтобы надежно, достоверно и систематически охватить весь комплекс факторов, связанных с проблематикой, модель должна иметь иерархическую структуру, в которой каждый уровень иерархии отражает эволюцию мировой системы в контексте, сформированном определенным набором законов и принципов. Среди этих уровней

¹⁵ Римский клуб и его обитатели. URL: <http://www.val--s.narod.ru/rc-istorya.htm> (дата обращения: 25.04.2018).

¹⁶ Пестель Э. За пределами роста. М., 1988.

¹⁷ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.

¹⁸ Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the turning point. N.Y., 1974.

можно назвать геофизический, экологический, технологический, экономический, институциональный, социально-политический, культурно-ценностный и уровень биологии человека. Такой подход позволяет оптимально использовать подтвердившиеся научные знания и доступную фактическую информацию”¹⁹. Объектом анализа выступили такие регионы, как Северная Америка, Западная Европа, Япония, Австралия и Южная Африка, СССР и страны Восточной Европы, Латинская Америка, Ближний Восток и Северная Африка, Тропическая Африка, Юго-Восточная Азия, Китай. Результатом исследования стал прогноз возникновения ряда локальных конфликтов, следствием которых станет единая глобальная катастрофа. Наиболее уязвимым звеном в данном случае станут развивающиеся страны. Единственно возможным способом предотвращения мировой катастрофы станет кооперация и объединение совместных усилий всех регионов мира, что послужит предпосылкой формирования новой этики цивилизационного развития. Эта идея и легла в основу концепции “органического развития”, согласно которой ни одна подсистема не может изменяться в ущерб другой, и прогресс в одной подсистеме автоматически означает прогресс в другой. Соответственно, только наличие общих целей является предпосылкой формирования непротиворечивого характера развития мира, глобальное сотрудничество станет основой формирования новой мировой этики. Данная концепция нашла отражение в представленном в 1974 г. Месаровичем и Пестелем Римскому клубу докладе “Человечество на перепутье”²⁰. В результате взамен концепции “нулевого роста” была предложена концепция “органического роста”.

Данный доклад также вызвал активные дебаты в научном мире, в том числе и значительное число критических замечаний. Однако предложенные в докладе методы построения мировой системы нашли применение в теоретических исследованиях, а также в практической деятельности некоторых государств.

В целом модели Форрестера, Медоуза, а также Месаровича оказались интересными для правительства США, которое было заинтересовано в воздействии на развитие мировых процессов и их дальнейшем прогнозировании.

Глобальные проблемы в контексте взаимоотношений индивида и общества

Все большую остроту стали набирать глобальные социальные проблемы, возникновение которых было связано прежде всего с наличием противоречий между развитыми странами “богатого Се-

¹⁹ *Mesarovic M., Pestel E. Op. cit.*

²⁰ *Ibid.*

вера” и развивающимися государствами “бедного Юга”, служившими аграрно-сырьевым придатком первых. Для помощи отстающим странам стали создаваться специальные всемирные институты социально-экономического регулирования (МВФ, МБРР, ГАТТ и др.). Однако международное регулирование затормозилось в 1970-е гг. Через год после выхода доклада “Пределы роста” разразился нефтяной кризис, мировая валютная система была ослаблена волной инфляции конца 1960-х — начала 1970-х гг., развивающиеся страны выражали недовольство ГАТТ. Эти вопросы встали на повестку дня и ООН привлекла Римский клуб к обсуждению сложившихся проблем, результатом дискуссии стала идея создания проекта под названием “Пересмотр международного порядка”²¹, задача которого заключалась в создании проекта перестройки структуры мировой экономики.

Возглавил рабочую группу нидерландский экономист, лауреат Нобелевской премии Ян Тинберген. Поставленные перед ним задачи он обобщил следующим образом: “Признавая важность принятых ООН резолюций и Хартии экономических прав и обязанностей государств, но сознавая в то же время неопределенность и спорность многих их положений, доктор Печчеи предложил мне создать и возглавить группу специалистов, способных ответить на вопрос: можно ли предложить руководителям и народам стран мира такой новый порядок, который позволит реально и наиболее полно удовлетворить основные потребности сегодняшнего дня и возможно нужды будущих поколений”²². Доклад был опубликован в 1976 г. и содержал ряд практических рекомендаций, касающихся принципов создания и реорганизации институтов, обеспечивающих устойчивое развитие мировой системы. Одна из предложенных мер достижения главной цели мирового сообщества — обеспечения достойной жизни всех граждан мира — перераспределение национального дохода путем введения международного налога на доход многофункциональных компаний, на дорогостоящие предметы длительного пользования, на производство оружия и использование природных ресурсов. Такое перераспределение предполагает разное налогообложение богатых и бедных. По оценке авторов доклада, в 70-е годы XX в. средний доход самых богатых слоев населения был в тринадцать раз выше среднего дохода беднейших слоев, при этом разрыв между самыми высокими доходами наиболее развитых стран и самыми низкими доходами наименее развитых был во много раз выше. Чтобы сблизить средний уровень доходов в мировом масштабе, рекомендуется развитым и

²¹ RIO: reshaping the international order. A report to the club of Rome/Tinbergen / Ed. by D. van Ettinger. N.Y., 1976.

²² Ibid.

развивающимся странам принять разные темпы среднегодового роста доходов на душу населения. Это, в свою очередь, требует существенной качественной перестройки властных структур во всем мире и во всех областях (технической, экономической, политической, военной), трансформации международных отношений, принципов рыночной деятельности, создания новых практик институциональной деятельности. Авторы доклада также указывают на то, что человечество может создать такие виды технологий, которые позволят эксплуатировать природные ресурсы без возникновения негативных экологических последствий.

Идеи данного проекта были обобщены в концепцию “гуманистического социализма”, которая предполагала равные возможности внутри и между странами. Достижение этой цели было возможным за счет создания новых мирохозяйственных организаций, которые бы позволили усилить наднациональное глобальное регулирование — мировой банк, агентство минеральных ресурсов, регулирующее мировое использование полезных ископаемых, мировое агентство по развитию и распространению технологий и т.д.

Однако предложения данного проекта не получили широкой поддержки в силу того, что развивающиеся страны опасались ущемления своего национального суверенитета в результате введения новых глобальных регулятивных форм, а развитым странам было достаточно уже существующих форм надгосударственного регулирования.

Доклад “Пересмотр международного порядка” ознаменовал новый этап в деятельности Римского клуба: был намечен переход от количественного анализа глобальных проблем к качественному анализу проблем на уровне отдельного человека. На первый план выходит идея о первостепенном значении личных человеческих качеств, которые обеспечат “человеческую революцию”, “революцию сознания”. Именно данные термины активно использовались в докладе 1977 г. “Цели для человечества”²³. Данным проектом руководил профессор философии, системных наук и политологии, сотрудник научно-исследовательского института ООН Эрвин Ласло. Главная идея проекта — формирование “глобальной солидарности”, чего, в свою очередь, возможно достичь путем “революции мировой солидарности”. Авторы доклада провели анализ на национальном и транснациональном уровнях “атласа целей” регионов, стран, корпораций, международных организаций, проведя опрос максимально возможного числа представителей различных сфер деятельности. Результатом стало формирование четырех глобальных целей — глобальная безопасность, решение продовольственной проблемы в глобальном масштабе, глобальный контроль за использованием энергетических

²³ *Laslo E. Goals for mankind: a report to Club of Rome on new horizons of human system. 1975. N 4.*

и сырьевых ресурсов, глобальное развитие, ориентированное на повышение качества жизни и установление социальной справедливости в распределении благ. Главная роль в осуществлении “революции мировой солидарности” отводится представителям правительства, науки и культуры, религиозным деятелям, активным участникам финансово-экономической деятельности.

Основная задача, с точки зрения автора проекта, — формирование глобальной этики, единой системы ценностей, предназначенной для управления мировым сообществом. Это необходимым образом ставит перед Римским клубом задачу информирования людей о действующих целях и задачах мирового сообщества, способствование точному и достоверному пониманию долговременных глобальных целей, мотивирование людей в активном участии в процессе принятия решений, которые ставят своей целью преодоление глобального кризиса.

Доклад “Цели для человечества” уже не останавливается на пессимистическом прогнозировании краха человеческой цивилизации, что было характерно для первых проектов Римского клуба. Данный доклад делает акцент на поиске оптимальных и позитивных альтернатив развития человеческого сообщества путем обращения к самому человеку, его внутренним ценностям, этики взаимодействия и взаимоотношений с окружающим миром.

Одновременно в этот же период выходит доклад “За веком расточительства”²⁴, который детально пересматривает поставленную в проекте “Пределы роста” проблему природных ресурсов. Авторы доклада поставили целью проанализировать мировой научно-технический потенциал для выявления его возможностей по решению энергетических, сырьевых и продовольственных проблем. Результатом исследования стало утверждение, что обострение глобальных проблем обусловлено недостатками социально-политических институциональных механизмов, а дальнейшее развитие цивилизации требует создания “зрелого общества”. Авторами развивается идея о том, что современный уровень развития науки и техники позволяет решать большинство современных проблем, связанных с дефицитом сырья, ресурсов, продуктов питания, энергии. Однако присутствуют ограничения социально-политических механизмов и институтов, что оставляет глобальные проблемы актуальными и по сей день. Гармоничное развитие цивилизации возможно за счет создания “зрелого общества”, в котором высокий уровень жизни людей будет сочетаться с разумным отношением к природе.

С 80-х гг. XX в. при активном развитии “консервативной контрреволюции” отношение развитых стран к идее наднационального

²⁴ Gabor D., King U.C.A., Galli R. Beyond the age of waste. Oxford, 1978.

регулирующего было негативным и рассматривалось как негативная форма международного бюрократического регулирования. В силу этого последующие доклады Римского клуба акцентировали внимание не на централизованном наднациональном регулировании, а на локальном управлении в рамках одного государства, что нашло свое выражение в лозунге “думать глобально, действовать локально”.

Необходимость трансформации общества как способа решения глобальных экономических проблем звучит в докладе “Нет пределов обучению”²⁵. Средством решения проблем выступает концепция “инновационного обучения”, предполагающая активное участие человека в общественной жизни, интеграция в глобальное сотрудничество. Инновационное обучение включает в себя помимо школьного и университетского образования также развитие мировоззрения человеческой личности, активное включение в общественную жизнь, формирование глобального сотрудничества, основой чего выступают гуманистические ценности.

В целом 1980-е гг. отмечены переходом Римского клуба к выдвижению разного рода программ по трансформации общественных систем и совершенствованию политических институтов. Также в это время появляются доклады, объединенные тематикой “Север-Юг”, в которых акцент делается на проблеме разрыва между развивающимися и развитыми странами. Этим вопросам посвящены такие доклады, как “Третий мир — три четверти мира” (1980) Мориса Гернье²⁶, “Императивы сотрудничества между Севером и Югом” (1981) Жана Сен-Жура²⁷, “Третий мир способен себя прокормить” (1984) Рене Лемуара²⁸ и “Босоногая революция” (1988) Бертрана Шнайдера²⁹.

В 1980-м г. был опубликован доклад “Маршруты, ведущие в будущее” Богдана Гаврилишина³⁰. Представленная модель мира базировалась на сосуществовании различных культур, религий, укладов жизни, коллегиальном руководстве. С точки зрения Гаврилишина возникновение любого кризиса связано с асинхронностью развития подсистем общества: система ценностей меняется относительно медленно, в то время как технологии развиваются достаточно быстро. Пока не возникнет новая система ценностей, соответствующая возникшей технологии, будет существовать кризисное явление.

Апеллирование к системе ценностей человека как к способу решения глобальных проблем также прослеживается и в работе

²⁵ Botkin J., Elmandjra M., Malitza M. No limits to learning. Oxford, 1979.

²⁶ Гвишиани Д.М. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Hawrylyshyn B. Towards more effective societies. Oxford, 1980.

Аурелио Печчеи “Человеческие качества” (1980)³¹. Автор доклада говорит о необходимости совершенствования человеческих качеств, раскрытия потенциала нового человека. Этот “новый человек” Печчеи характеризуется:

1. Чувством принадлежности ко всему человечеству в ущерб приоритетам отдельных государств, народов.
2. Частичным отказом от суверенности стран и народов.
3. Полным отказом от насилия как средства решения конфликтов.

Особое место среди докладов Римского клуба принадлежит докладу Эдуарда Пестеля “За пределами роста” (1987)³². Доклад указывает на необходимость решения проблем пределов мирового роста с учетом достижений науки и техники, в частности, микроэлектроники, биотехнологий, атомной энергетики и т.д. Автор утверждает, что решение глобальных проблем — дело каждого человека в отдельности, в силу того что эти самые глобальные проблемы затрагивают наше глобальное всемирное достояние. Важной составляющей решения данных проблем является осознание своих обязанностей, культурная терпимость, уважение социального и культурного наследия. Таким образом, доклад Пестеля подводит читателя к идее о том, что вопрос заключается не в росте и его пределах, а в качестве данного роста.

В 1990 г. вышел доклад от имени самого Римского клуба “Первая глобальная революция”, авторами доклада выступили президент клуба Александр Кинг и генеральный секретарь Бертран Шнайдер³³. Проект стал своего рода отчетом Римского клуба за его 25-ю деятельность. Обобщив материалы докладов Римского клуба, Кинг и Шнайдер выдвинули программу действий для решения глобальных проблем. При этом в докладе дается детальная характеристика нынешнего состояния мирового сообщества в контексте сложившегося экономического, политического, культурного, экологического миропорядка.

В 1997 г. вышел доклад Эрнста Ульриха фон Вайцзеккера, Эмори Блока Ловинса, Л. Хантер Ловинс “Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная”³⁴, в котором развивается идея о том, что современный уровень развития цивилизации способен обеспечить рост производства без привлечения дополнительных ресурсов и энергии. Такое решение считается возможным не за счет увеличения производительности труда, а за счет роста продуктивности использования ресурсов. Таким образом, доклад дает положительный прогноз развития человечества, делая акцент на технических возможностях современной цивилизации.

³¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

³² Пестель Э. За пределами роста. М., 1988.

³³ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М., 1991.

³⁴ Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная. М., 2000.

В 2017 г. вышел юбилейный доклад Римского клуба “Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты”³⁵, данная работа — это второй доклад за пятьдесят лет, выражающий консолидированную позицию всего Римского клуба. В докладе развивается мысль о том, что современный кризис не ограничен лишь экологической составляющей, это масштабное всеобъемлющее явление, которое включает в себя социальный, экономический, политический, культурный кризис, кризис капитализма, кризис идеологий, кризис демократии.

Ключевой фактор, ответственный за современный кризис, — это мировоззрение. В основе современного мировоззрения лежат редукционизм в мышлении и фрагментация знания. Для преодоления этих патологий авторы доклада говорят о необходимости “нового Просвещения”, ключевые характеристики которого — синергия и баланс. Формирование “нового Просвещения” возможно при условии создания глобальных правил, единых для всех стран и народов, поскольку текущие форматы международного взаимодействия и управления неэффективны и требуют качественной замены. В качестве альтернативы рассматриваются — “Всемирный совет будущего” (*World Future Council*) Якоба фон Иксулля и “Великий переход” (*Great Transition*) Пола Раскина.

Авторы доклада указывают на то, что изменения также должны коснуться и существующих моделей экономики. В качестве наиболее перспективных рассматриваются модели, разработанные Джереми Рифкиным, Кристианом Фельбером, Джоном Фуллертоном, Гюнтером Паули. Ключевая идея заключается в стремлении экономики к устойчивости, а не к росту и максимизации выгоды.

Таким образом, авторы доклада говорят о необходимости качественной трансформации всех сторон человеческой цивилизации как единственно возможном способе выхода из мирового кризиса.

Заключение

Создание Римского клуба ознаменовало собой научную постановку глобальных проблем человечества и привлечение к ним внимания широкой общественности. Многие проблемы XX в. были переосмыслены в терминах мирового масштаба, а многие изменения, к примеру, научно-техническая революция, были оценены с точки зрения их возможных негативных последствий.

Помимо разработки теоретических концепций, таких как концепция “нулевого роста”, “органического роста”, “гуманистического социализма”, ориентированных на поиск решения глобальных про-

³⁵ *Weizsaecker E., Wijkman A. Come on! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. N.Y., 2018.*

блем, также были организованы крупномасштабные исследования, направленные на изучение перспектив дальнейшего развития человечества.

Римский клуб положил начало обсуждению глобальных проблем на уровне международного сообщества, о чем свидетельствуют такие крупномасштабные события, как Вторая конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992)³⁶, специальная сессия ООН (Нью-Йорк, 1997)³⁷, Всемирная конференция по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г.³⁸, Всемирная конференция по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 2012 г.³⁹

Однако А. Печчеи, указывая на крайнюю важность и полезность программ Римского клуба, при этом отмечал незначительный реальный эффект деятельности Клуба при решении глобальных проблем. Отчасти это связано с тем, что многие экологические, экономические, политические, продовольственные, энергетические, сырьевые и прочие проблемы как по характеру возникновения, так и по своим последствиям являются проблемами социальными и культурными. Для решения проблем такого рода требуется их соответствующее осмысление и осознание их последствий в терминах конкретно-исторического общества. Соответственно, для адекватного изучения глобальных проблем требуются соответствующие социологические теории, объектом изучения которых являются общества, порождающие данные глобальные проблемы современности.

Возникновение Римского клуба как ответ на появление значительного числа проблем, которые по масштабам распространения их последствий именуются глобальными, свидетельствует о том, что общества второй половины XX в. претерпевают комплекс экологических, экономических, политических, культурных и, как следствие, социальных трансформаций. Происходят необратимые изменения в сфере производства, социальной структуры, меняются принципы функционирования основных социальных институтов общества, происходит централизация многих процессов за счет формирования единого международного экономического и политического поля, осуществляется технологическая и информационная революция, претерпевает изменение традиционный культурный уклад. Все это говорит о качественных трансформациях общества, его основных институтов, динамики и направленности социальных процессов. В

³⁶ Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года). Информационный обзор. Российская Академия наук. 1992. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/60154439/> (дата обращения: 29.04.2018).

³⁷ Организация объединенных наций. URL: <http://www.un.org/ru/index.html> (дата обращения: 29.04.2018).

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

силу этого встает вопрос о необходимости построения соответствующей адекватной социологической теории общества, в рамках которой будет осмыслено и должным образом интерпретировано общество, которое во второй половине XX в. стало источником глобальных проблем современности. Таковыми теориями стали теории постиндустриального, информационного общества и теории постмодерна, которые представляют собой своего рода социологический отклик на происходящие социальные трансформации, отчасти вызванные глобальными экологическими рисками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная. М., 2000.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.

Гвишиани Д.М. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997.

Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 22.04.2018).

Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М., 1991.

Кондратьев К.Я., Крапивин В.Ф., Савиных В.П. Перспективы развития цивилизации: многомерный анализ. М., 2003.

Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года). Информационный обзор. Российская Академия наук. 1992. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/60154439/> (дата обращения: 29.04.2018).

Лейбин В.М. Модели мира и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерс Й., Беренс Ш. Пределы роста (The Limits to growth): Докл. по проекту Римского клуба “Сложное положение человечества”. М., 1991.

Пестель Э. За пределами роста. М., 1988.

Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

Римский клуб и его обитатели. URL: <http://www.val--s.narod.ru/rc-istonya.htm> (дата обращения: 25.04.2018).

Сайт Организации объединенных наций. URL: <http://www.un.org/ru/index.html> (дата обращения: 29.04.2018).

Форрестер Дж. Мировая динамика. М., 1978.

REFERENCES

About us. Club of Rome. URL: <http://www.clubofrome.org/about-us/> (accessed: 16.04.2018).

Botkin J., Elmandjra M., Malitza M. No limits to learning. Oxford, 1979.

Deklaraciya Konferencii Organizacii Ob’edinennyh Nacij po problemam okruzhayushchej cheloveka sredy [Declaration of the United Nations Conference

- on the Human Environment]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (data obrashcheniya: 22.04.2018) (in Russian).
- Forrester Dzh.* Mirovaya dinamika [World Dynamics]. M., 1978 (in Russian).
- Freeman C.* Maltus with a computer // Futures. 1973 . Vol. 5. Iss. 1.
- Gabor D., King U.C.A., Galli R.* Beyond the age of waste. Oxford, 1978.
- Gvishiani D.M.* Rimskij klub. Istoriya sozdaniya, izbrannye doklady i vystupleniya, oficial'nye materialy [Club of Rome. History of creation, selected reports and speeches, official materials]. M., 1997 (in Russian).
- Hawrylyshyn B.* Towards more effective societies. Oxford, 1980.
- History. Club of Rome. URL: <http://www.clubofrome.org/about-us/history/> (accessed: 16.04.2018).
- King A., Shnajder B.* Pervaya global'naya revolyuciya [The First Global Revolution]. M., 1991 (in Russian).
- Kondrat'ev K.Ya., Krapivin V.F., Savinyh V.P.* Perspektivy razvitiya civilizacii: mnogomernyj analiz [Prospects for the development of civilization: a multidimensional analysis]. M., 2003 (in Russian).
- Koptyug V.A.* Konferenciya OON po okruzhayushchej srede i razvitiyu (Rio-de-Zhaneiro, iyun' 1992 goda). Informacionnyj obzor. Rossijskaya Akademiya nauk [United Nations Conference on Environment and Development (Rio de Janeiro, June 1992). Informational review. The Russian Academy of Sciences]. 1992. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/60154439/> (data obrashcheniya: 29.04.2018) (in Russian).
- Laslo E.* Goals for mankind: a report to Club of Rome on new horizons of human system. N.Y., 1975.
- Lejbin V.M.* Modeli mira i obraz cheloveka. Kriticheskij analiz idej Rimskogo kluba [Models of the world and the image of man. Critical analysis of the ideas of the Club of Rome]. M., 1982 (in Russian).
- Medouz D.H., Medouz D.L., Renders J., Berens Sh.* Predely rosta (The Limits to growth): Dokl. po proektu Rimskogo kluba Slozhnoe polozhenie chelovechestva [The Limits to Growth: Dok. project of the Club of Rome Difficult situation of mankind]. M., 1991 (in Russian).
- Mesarovic M., Pestel E.* Mankind at the turning point. N.Y., 1974.
- Pechchei A.* Chelovecheskie kachestva [Human qualities]. M., 1985 (in Russian).
- Pestel' E.* Za predelami rosta [Beyond Growth]. M., 1988 (in Russian).
- Reports. Club of Rome. URL: <http://www.clubofrome.org/activities/reports/> (accessed: 16.04.2018).
- Reshaping the international order. A Report to the Club of Rome/Tinbergen / Ed. by D. van Ettinger. N.Y., 1976.
- Rimskij klub i ego obitateli [Club of Rome and its inhabitants]. URL: <http://www.val--s.narod.ru/rc-istorya.htm> (data obrashcheniya: 25.04.2018) (in Russian).
- Sayt Organizacii ob'edinennyh nacij [Site of United Nations]. URL: <http://www.un.org/ru/index.html> (data obrashcheniya: 29.04.2018) (in Russian).
- Vajczekker E., Lovins E., Lovins L.* Faktor chetyre. Zatrata — polovina, otdacha — dvojnaya [Factor four. Cost — half return — double]. M., 2000 (in Russian).
- Vernadskij V.I.* Biosfera i noosfera [Biosphere and noosphere]. M., 1989 (in Russian).
- Weizsaecker E., Wijkman, A.* Come on! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. N.Y., 2018.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-206-222

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГУЛЯТИВНЫХ ФУНКЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В.П. Васильев, канд. эконом. наук, доц., зав. кафедрой социологии государственного управления социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье анализируются этапы становления принципов социального государства, развитие его моделей. Базовая модель рыночной экономики не отрицает существенной роли государства в социально-экономических процессах. Показано, что каждый из этапов дополняет основополагающие характеристики феномена социального государства, основанные на новых социальных практиках. Историческая эволюция представлена обогащением функций государства и бизнеса по траектории социальное государство — социальное рыночное хозяйство — общество благосостояния. Центральным элементом собственно социального государства выступает институт социального страхования, возникший в социально-трудовых отношениях как форма взаимодействия работников и работодателей с участием профсоюзов и государства. Доминантой социального рыночного хозяйства является обеспечение свободного входа граждан в рыночную деятельность и соответствующие функции государства по обеспечению доступности рынков труда и капитала, условий конкуренции и прав частной собственности. Общество благосостояния на основе мощного подъема экономической динамики и производительности труда знаменует собой переход к новому качеству жизни и преодолению социальной эксклюзии. Показана намечающаяся тенденция по увеличению доли государства в экономическом обеспечении социальной динамики. Определены позитивные и негативные стороны этого процесса. Для практики государственного управления в РФ предложены меры по реструктуризации бюджетных расходов и страховых платежей.

Ключевые слова: рыночный механизм, социальное государство, социальное страхование, социальное рыночное хозяйство, социальная эксклюзия, консолидированный бюджет.

* Васильев Владимир Петрович, e-mail: vasvp15@gmail.com

FORMATION OF THE REGULATORY FUNCTIONS OF THE SOCIAL STATE

Vasiliev Vladimir P., Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vasvp15@gmail.com

The article analyzes the stages of formation of the principles of the welfare state, the development of its models. The basic model of a market economy does not deny the essential role of the state in socio-economic processes. It is shown that each of the stages is complementary to the fundamental characteristics of the phenomenon of the welfare state, based on new social practices. Historical evolution is represented by the enrichment functions of the state and business along the trajectory of the welfare state — social market economy — the welfare state. A central element of the social state is the social insurance institution, emerged in the socio-labor relations as a form of interaction of employees and employers with trade unions and the state. The dominant feature of the social market economy is to ensure free entrance of citizens in market activity and related functions of the state to ensure availability to markets of labor and capital, ensuring competition and private property rights. Welfare society based on a powerful upsurge of economic dynamics and productivity marks the transition to a new quality of life and overcoming social exclusion. Illustrates the emerging tendency to increase the share of the state in ensuring social economic dynamics. Identified positive and negative aspects of this process. For the practice of public administration in Russia proposed restructuring of the budget expenditures and insurance payments.

Key words: market mechanism, welfare state, social insurance, social market economy, social exclusion, consolidated budget.

Проблемы формирования социального государства в России, его функций и уровня развития являются предметом теоретических дискуссий, направленных на выработку основополагающих принципов общественного развития, моделирование социальных процессов в стратегическом долгосрочном и среднесрочном планировании, оптимальных моделей социально-экономической политики.

В майском (2018 г.) Указе Президента РФ определены национальные цели социально-экономического развития России на ближайшие шесть лет. Среди них — рост населения, сокращение бедности, формирование человеческого капитала, повышение качества жизни, связанного со стабильностью и ростом реальных доходов населения и прорывом в области обеспечения жильем¹. Механизмы достижения

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news>

этих целей, воздействие государства, его управленческих структур сопряжены с исследованием современных функций и проблем принципов социального государства, взаимодействия социальной и экономической структур общества и их динамики.

Формирование социального государства в России выступает конституционным принципом, согласно которому “В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты”².

С момента возникновения государства как института общественного договора его социальные функции, основанные на принципах “естественного права”, выступали универсальной основой взаимодействия различных групп и слоев общества. Формальные и неформальные правила и обычаи и в современном мире определяют общий порядок и взаимодействия в границах отдельных стран и взаимоотношения с внешним миром. Институциональное регулирование в свою очередь зависит от принципов и масштабов воздействия государства на экономическую и социальную динамику. Корректировка подходов к выработке и реализации общегосударственных задач, формированию в России наиболее конкурентных условий жизни и предпринимательства обуславливает анализ базовых суждений о роли и функциях государства.

Государство и рыночный механизм

Обсуждение принципов социального государства и его отдельных функций нередко выходит на более широкие проблемы оптимальных масштабов государственного участия в процессах социально-экономической динамики. Как правило, минимизация или вообще возможность действий государства в экономической деятельности связаны и обосновываются известными метафорами А. Смита о “невидимой руке рынка”, т.е. без участия государства, основываясь на импульсах относительных цен, и “laissez-faire” (невмешательство государства)³. Однако логика работы А. Смита, а, главное, его содер-

² Конституция Российской Федерации. М., 2018. Ст. 7.

³ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. Термин “laissez-faire”, ставший афоризмом, воспроизведен А. Смитом из высказываний представителей школы физиократов, означавших постановку вопроса о невмешательстве государства в торговые отношения и предпринимательство. Однако физиократы и представители более поздних концепций никогда не выступали против помощи и экономических стимулов со стороны государства. Впоследствии

жательные высказывания не подтверждают некоторых устремлений освобождения государства от генетически присущих ему функций и социального, и экономического воздействия на жизнь общества.

Исследование в “Богатстве народов” посвящено анализу экономического механизма времен свободной конкуренции, основными элементами которого являлись конкуренция, спрос, предложение и цены. Именно такой механизм выстраивался без участия государства, а социально-экономические практики не имели дела с монополией, значительной ролью информации, экологических проблем.

Однако государство как институт общественного договора реально функционировало и выполняло значительную роль в общественном развитии и в условиях свободной конкуренции с помощью нормативно-правовой и, что принципиально важно, инвестиционной деятельности. А. Смит выделил три обязанности государства: “Первой обязанностью государя является защита общества от насилия и посягательства со стороны других независимых обществ; она может быть выполнена только посредством военной силы... Вторая обязанность государя, а именно — защита, насколько это возможно, каждого члена общества от несправедливости и притеснения его другими членами общества... Третьей и последней обязанностью государя или государства является основание и содержание... общественных учреждений и... общественных работ”⁴. В современных терминах третья обязанность государства в этом фрагменте непосредственно связана с созданием и функционированием инфраструктуры, воспитания и образования. Обеспечение названных функций государства осуществляла налоговая система, принципы которой изложены А. Смитом.

Принцип несвободы от участия государства в социально-экономическом развитии в классическом либеральном варианте констатировался не только с точки зрения регулятивных функций, но и с точки зрения государственного финансирования общегосударственной инфраструктуры и учреждений, выполняющих функции общественных благ. С такой позицией солидарно и большинство представителей экономики. В границах неоклассического направления экономической теории Дж. Кейнс выявил и обосновал инвестиционную функцию государства для достижения потенциального выпуска и эффективности распределения ресурсов общества⁵. Государственное регулирование экономики стало ассоциироваться с бюджетным финансированием, имеющим эффекты мультипликатора и акселератора.

это высказывание стало отождествляться с экономическим механизмом “чистого капитализма”.

⁴ Смит А. Указ. соч. С. 274, 282, 289.

⁵ См.: Кейнс Дж. Общая теория занятости процента и денег. М., 2007.

Центральной проблемой споров является вопрос о возможности и необходимости государственного регулирования механизма конкуренции. Красная линия здесь — регулирование цен. В недавних российских реалиях был шоковый переход к свободным ценам в 1990-е гг. с поощряемым вектором в сторону сближения с мировыми ценами на энергоносители. Во второй половине 2000-х гг. существовал заданный правительством рост внутренних цен для газоснабжения и электроэнергии, снова устремленный к мировым ценам, причем для населения более высоким темпом, чем для промышленности⁶.

Общее направление неоклассической теории, продолжая традиции классических либеральных концепций, исходит из принципов минимизации социоэкономических функций государства, основываясь на общей парадигме индивидуальной свободы и взгляда на государство как на главного противника таких свобод⁷.

“Аллергия” на активную роль государства в социально-экономических процессах вызвана масштабной ролью государства при социализме на основе принципа обобществления производства и централизованного распределения ресурсов в условиях господства общественной собственности на средства производства. В условиях рыночной экономики неприятие государственного предпринимательства ассоциируется с неэффективностью, ростом налогового бремени и диктатом контрольных функций государства над бизнесом.

Парадоксально выявление в рамках неoinституционализма “провалов рынка” и принципиальное согласие на участие государства в их устранении или минимизации⁸. Отметим, что монополия как феномен, искажающий принципы свободной конкуренции и не преодолеваемый рыночным механизмом, поставила вопрос о вмешательстве государства в собственно рыночный механизм. Только государство могло сдерживать и корректировать монопольные цены. Затраты государства на такие сферы, как образование, наука и безопасность не подвергаются сомнению. Однако это не означает безграничности государственного влияния на социально-экономические процессы. Этой же теорией определены “провалы государства”, которые сводятся к неполной информации при разработке управленческих решений, несовершенству политического цикла и

⁶ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/; Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06

⁷ См.: Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2017.

⁸ Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М., 2005. С. 66.

проблемам контроля над бюрократией⁹. Ни рыночный механизм, ни управленческое воздействие государства самостоятельно не могут достичь оптимального распределения ресурсов и эффективности социально-экономического развития. Необходим поиск оптимального соотношения рыночных и государственных механизмов, сочетания индивидуализма и общественной эффективности, корректировки государством сформировавшихся элементов рыночного механизма, противоречащих не только общественному благу, но и принципам индивидуальной свободы (монополия, асимметрия информации, экология, производство общественных благ).

В 70-х гг. XX в. в экспертном сообществе был достигнут консенсус относительно роли государства, основанный на трех постулатах: необходимость предоставления пособий гражданам, утрачивающим источники доходов или терпящим иные лишения, функционирование смешанной, частно-государственной экономики, обеспечение скоординированной макроэкономической политики¹⁰. Таким образом, финансирование затрат на общественные блага и нормативное регулирование смешанной экономики выступают основными направлениями деятельности государства, его роли в социально-экономической динамике.

Принципы социального государства

Социальные изменения, вызревание новых условий формирования общества вели к выработке новых принципов и механизмов общественных взаимодействий, регулируемых государством. Эволюция социальной роли государства происходила по траектории социальное государство — социальное рыночное хозяйство — общество благосостояния.

Формирование социальных государств в Европе началось в середине XIX в. Поиск факторов обеспечения стабильности общества после европейской весны 1848 г., решение “социального вопроса”, смягчение классовых противоречий привели к научному обоснованию и новой модели социального развития на принципах равенства всех граждан по отношению к закону и формирования механизма социального страхования. Л. Фон Штейном предлагались конкретные меры социальной политики, которые сводились к следующему:

- 1) устранение юридических препятствий свободному межклассовому движению;
- 2) попечение об общественной нужде, которое призвано обеспечить каждой личности физические условия самостоятельности;

⁹ Радыгин А., Энтов Р. “Провалы государства”: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 4–31.

¹⁰ См.: Государство в меняющемся мире. Отчет о мировом развитии. М., 1997.

3) содействие труду, не обладающему капиталом, в достижении хозяйственной самостоятельности, например, через вспомогательные кассы, страховое дело, самопомощь в форме союзного строя неимущих.

Принципы социального государства, впервые разработанные Л. фон Штейном в середине XIX в., и затем, как известно, осуществлялись на практике О. фон Бисмарком в Германии, У. Бевериджем в Великобритании, распространялись в европейских странах на протяжении столетия. Затем эти принципы были дополнены рецептами теории социального рыночного хозяйства и общества всеобщего благосостояния.

По фон Штейну, задача социального государства — “устранение разного рода юридических препятствий к свободному общественному движению классов; попечение об устранении общественной нужды; содействие труду, не обладающему достаточным капиталом для достижения хозяйственной самостоятельности”¹¹. Государства под влиянием научно-технического прогресса, имевшего не только положительные, но и отрицательные последствия для занятых в сфере реального производства, формирования профсоюзного движения и мощных сигналов европейских революций 1848 г., постепенно принимали ряд мер по регулированию социально-трудовых отношений. Ядром принципов социального государства стало формирование механизма социального страхования, с помощью которого предпринималась попытка сглаживания социальных антагонизмов на основе социального партнерства в финансировании страховых платежей.

Названные принципы не тождественны лозунгам утопического и развитого социализма, с которыми в России нередко связывают характеристику социального государства и формируют неоправданные ожидания. Социальные функции государства в условиях социализма осуществлялись на основе принципиально иного экономического механизма (административное изъятие значительной доли прибыли у предприятий, формирование общественных фондов потребления и наличие значительных денежных средств у профсоюзов).

В социальных государствах, рассматриваемых в современном контексте, формировался институт социального страхования от несчастных случаев на производстве, производственного травматизма и безработицы. Страховые фонды аккумулировали средства и работников, и работодателей. Этот институт стал прообразом современных отношений социального партнерства, комплексующих отношения работников, работодателей, профсоюзов и государства. “Трипартизм”, “юнизация” экономики сегодня выступают заметным феноменом современной социально-экономической динамики.

¹¹ Цит. по: Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3.

XX в. дополнил функции социального государства теорией социального рыночного хозяйства с новой доминантой создания равных возможностей для входа в рыночную экономику и практикой общества всеобщего благосостояния.

Не отрицая ранее существовавших принципов социального государства, теория социального рыночного хозяйства продолжает традицию регулирования социально-трудовых отношений и на первое место ставит вопрос о равенстве возможностей и соответствующем регулировании вхождения граждан в рыночную среду, возможности участия в рыночной конкуренции. Это не означает патронат государства для каждого участника рыночных отношений. У государства существует две задачи: во-первых, снять ограничения на входе в рыночные отношения и, во-вторых, обеспечить конкуренцию, защиту прав собственности, свободу выбора в рыночной среде. Согласно А. Мюллеру-Армак, “целью социального рыночного хозяйства является координация между сферами жизни, представленными рынком, государством и социальными группами... Это диалектическая концепция, в которой социальные цели играют такую же важную роль, как и экономические цели, так что они сочетают экономическую и социальную политику”¹².

Мощный подъем производительности факторов производства во второй половине XX в. позволил констатировать формирование общества благосостояния¹³. Макрорегулирование социально-экономических процессов способствовало увеличению доступности благ для различных социальных слоев общества. На этих основах сформировалась теория социальной эксклюзии, необходимость социальной поддержки не столько физиологического выживания уязвимых слоев населения, сколько обеспечения социально приемлемого образа жизни, доступности не только материальных благ, но и институтов формирования человеческого капитала. Социальное государство стало переходить от собственно материальной поддержки населения, находящегося на грани выживания, к стратегической задаче предоставления гражданам условий создания человеческого капитала как основе современного социально-экономического развития. Основным принципом социального государства становится обеспечение социально приемлемого качества жизни¹⁴.

Эволюция функций социального государства позволяет сделать два вывода: этот тип государства выстраивался не на принципах

¹² Цит. по: Социальное рыночное хозяйство: практический опыт и перспективы применения в России / Под ред. Р.М. Нуреева. М., 2007. С. 55.

¹³ См.: Manning N. The politics of welfare // Social Policy / Ed. by J. Baldock, N. Manning, S. Miller. Oxford, 1990.

¹⁴ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2.

утопического социализма (“Свобода, Равенство, Братство”) и не был направлен на сглаживание и достижение равенства доходов населения. Модель социального страхования и сегодня направлена на обеспечение минимально приемлемого дохода домохозяйств.

Доступность социальных благ в обществе благосостояния обеспечивается с помощью инструментов банковской деятельности и рынка ценных бумаг и сдвигом в сторону повышения материальной помощи уязвимым слоям населения, которые не вписываются в социетально приемлемые рамки, ввиду получаемого дохода и доступности социальных благ (здравоохранение, образование). Прожиточный минимум сдвигается в сторону обеспечения социальных стандартов и качества жизни среднего класса. В европейских странах прожиточный минимум, черта бедности как критерий адресной помощи определяется как $2/3$ от медианного дохода, а минимальная почасовая оплата труда — $2/3$ медианного уровня оплаты труда. Этот критерий стал основным при определении адресной поддержки населения со стороны государства.

Кризис социального государства

Во второй половине прошлого века был провозглашен кризис социального государства. Он был связан со значительными расходами государств по социальным выплатам, “перегрузкой” государственных бюджетов и практикой “нефинансируемых мандатов”¹⁵. У государств постепенно накопились значительные обязательства, прежде всего, из-за обозначившейся тенденции старения населения. Это расходы на субсидирование сферы здравоохранения, пенсионных систем, программ по борьбе с бедностью и адаптации мигрантов. Бюджетные обязательства не соответствовали налоговым доходам, а их повышение могло вступить в противоречие с инвестиционной политикой и интересами многих налогоплательщиков. В ряде стран (Великобритания, США) бюджетные расходы на социальные цели были снижены, хотя и незначительно.

В минувшие десять лет в развитых странах наметились некоторые изменения в характеристиках социальных расходов. Известная модель Эспин-Андерсона определила три группы стран по доле расходов консолидированного бюджета в ВВП и, соответственно, три модели социальной политики — либеральную (США, Япония), кооперативную (развитые европейские страны) и скандинавскую (Швеция, Дания)¹⁶. В либеральной модели этот показатель составил 32%, в скандинавской (социал-демократической) — 60%, в европейской — 45–50%.

¹⁵ Briton S. The economic contradiction of democracy // British Journal of Political Science. 1975. N 15.

¹⁶ Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, 1990.

Анализ показывает, что доли государственных расходов в доле ВВП по названным группам стран после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. начали сближаться.

Таблица 1

Доля расходов консолидированного бюджета в ВВП (%)

Страны \ Годы	2009	2010	2011	2012	2014
Россия	41	36	33	34	35
Германия	48	48	45,6	45	44
Великобритания	49,6	49	47	47,6	43
Франция	58	56	55	56	57
Швеция	54	51	50	...	52
Дания	57	57	57	59	...
США	39	40	39,9	38,8	36

Рассчитано по: Россия и страны мира-2016. М., 2016.

Приведенные данные показывают, что первенство по доле государственных расходов в ВВП перешло к Франции, которая сменила Швецию как долговременного лидера в этой сфере. Значительный рост наблюдается у США. Причины этого явления различны, а сложатся ли на этом основании долговременные тренды, остается под вопросом.

Можно предположить, что расходы консолидированных бюджетов обусловлены, во-первых, государственной поддержкой сохранения рабочих мест и помощи безработным как последствий мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., во-вторых (для Европы), расходами по адаптации массовых потоков мигрантов. Важным условием роста социальных расходов является их источник — внешние и внутренние займы, выплаты по которым отягощают бюджеты государств и выступают серьезными рисками не только реализации социальных программ, но и устойчивости и независимости национальных экономик.

Направления развития социального государства в современной России постоянно находятся в кризисном состоянии. Это связано с рисками сокращения и так довольно скудного финансирования, а также неудачными с точки зрения населения реформами социально значимых институтов (образование, здравоохранение). “Провалы государства” видны в принятых институциональных нормах и их обосновании. Вектор этих реформ — сокращение государственных расходов, увеличение оплачиваемой населением части расходов, “оптимизация” структур образования и здравоохранения, которая

на практике означала сокращение количества государственных учреждений в этих сферах. При этом главным теоретическим обоснованием сокращения больничных коек и фельдшерских пунктов в отдаленных районах служили реальные статистические данные, свидетельствующие о том, что в России на 100 000 населения значительно больше больничных коек, чем в высокоразвитых странах. Авторы реформы не учли, что больницы нужны не для статистики, а для обеспечения лечения. Количество койко-мест должно корреспондироваться с заболеваемостью населения и особенностями пространственного развития РФ.

В области образования многие новации вызывают удивление. Совершенно далекой от здравого смысла оказалась статья 67 ФЗ “Об образовании в РФ”, согласно которой образовательная деятельность в России начинается для младенцев с двухмесячного возраста. Целью развития высшего образования называется то вхождение в Болонский процесс, то вхождение пяти университетов в рейтинг лучших 100 университетов мира. Теперь для школьного образования объявленной целью стало вхождение в топ-10 стран по уровню образования, в котором основой ранжирования является продолжительность обучения и уровень грамотности. Проблема даже не в ложных стратегических целях, а в затратах государства на их реализацию, которые не дают ничего для повышения качества и доступности образования.

Оптимизация бюджетных расходов

Социальные практики России должны учитывать риски социального государства. Поэтому намерения государства должны быть сбалансированы и опираться на внутренние финансовые источники. Одним из таких источников является деbüroкратизация входа в рыночную среду, стимулирование бизнеса к созданию новых рабочих мест и формирование мотивационных стратегий населения на основе роста производительности труда и достойной зарплаты. Другое направление — структурные изменения в перераспределительных отношениях. Обратимся к экономической структуре консолидированного бюджета.

Около 25% расходной части консолидированного бюджета РФ тратится на содержание государственного аппарата, что значительно превышает расходы других государств. Артикулирование человеческого капитала в качестве драйвера экономического роста ставит задачу перераспределения бюджетных ресурсов в пользу образования, науки и здравоохранения. Данные табл. 2 показывают, что доля расходов на отрасли, формирующие человеческий и социальный капитал, в РФ меньше, чем в странах, где образование и здравоохранение являются для населения платными.

Структура расходов государственного (консолидированного) бюджета (в %)

	Год	Услуги органов государственного управления	Оборона, общественный порядок и безопасность	Экономические услуги	Жилищно-коммунальное хозяйство, защита окружающей среды	Здравоохранение	Образование	Социальная защита
Россия	2012	23,6	14,2	9,1	3,3	8,4	9,5	29,7
Германия	2012	13,7	5,9	7,7	2,3	15,7	9,7	43,3
Италия	2012	18,0	6,6	6,7	3,1	14,5	8,2	41,5
Великобритания	2012	12,0	9,9	5,8	3,6	16,6	12,6	37,5
США	2009	11,5	17,1	10,1	3,1	20,5	15,8	21,1
Япония	2009	12,3	5,9	11,3	5,4	19,9	10,0	34,9

Источник: Финансы России. М., 2014. С. 347.

Исполнительная власть в кризисный период 2014–2015 гг. главным источником “оптимизации”, т.е. сокращения государственных расходов, определила сокращение социальных расходов¹⁷. Вектором реформ здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и социальной помощи стало сокращение расходов консолидированного государственного бюджета и внебюджетных социальных фондов. При этом абсолютная величина финансирования страховых фондов в РФ значительно меньше, чем в целом ряде стран мира, так как базой страховых платежей является фонд оплаты труда, формирующийся в хозяйствующих субъектах из индивидуальных заработных плат. В сравнение с другими странами оплата труда в РФ по паритету покупательной

Таблица 3

Средняя оплата труда по паритету покупательной способности (в долл. в месяц)

США	4 893
Великобритания	3981
Франция	3778
Польша	2187
Россия	1562
Китай	1339

Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М., 2017. С. 627, 636.

¹⁷ Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета. Доклад, Минфин, 2015. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=64840

способности, т.е. по уровню, сопоставленному с возможностью покупки потребительских благ, является весьма скромной.

В стороне от анализа остается “перегруженность” функций и величины кадрового состава исполнительной власти. Структуры исполнительной власти нередко передают свои функции по разработке нормативно-правовых документов и мониторинга состояния дел известным им “грантополучателям”. Одним из стандартов методов работы стала многомесячная разработка “дорожных карт”, которые в итоге не выполняются. У государственной власти, как и у государственных корпораций, появились “непрофильные активы”. После известных событий по регистрации иностранных агентов исполнительная власть в нарастающих масштабах стала финансировать массу благотворительных фондов, оформленных как социально ориентированные НКО, и не имеющих отношения к правозащитной деятельности.

Финансирование социальных расходов является многоканальным. Его источниками являются Федеральный бюджет, бюджеты субъектов Федерации и внебюджетные социальные фонды, функционирующие на принципах страхования. Текущее финансирование лечения населения с 2017 г. осуществляется из средств Фонда обязательного медицинского страхования. “Оптимизация” расходов ОМС консервирует два феномена. Во-первых, система такого финансирования закрепляет принцип минимальности финансирования, сокращения набора бесплатных медицинских услуг и гарантированности государством. Базовые программы предоставления бесплатной медицинской помощи, утверждаемые в регионах, основаны на весьма скромных подушевых нормативах, ограничивающих число посещений и обследований в поликлиниках и время нахождения в стационаре. Доступность и качество медицинского обслуживания могут быть улучшены с ростом доходов системы ОМС. Один из путей — привлечений к платежам по медицинскому страхованию высокодоходных групп населения. В большинстве стран мира все страховые платежи выплачивают на паритетных основаниях и работодатели, и работники. Поскольку существует социальная несправедливость по системе выплат налога на доходы физических лиц, вклад высокодоходных групп населения в страховые фонды компенсировал бы существующую ситуацию и мог бы стать фактором снижения недовольства населения системой здравоохранения. Проведенный ВЦИОМ в 2017 г. опрос населения об удовлетворенности системой здравоохранения и ОМС показал, что 31% опрошенных оценивают состояние дел в здравоохранении как “плохо”, а 21% — как “скорее плохо”¹⁸.

¹⁸ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8790>

Второй феномен связан с увеличивающимся неравенством населения и его отдельных групп в доступности системы здравоохранения. Ориентация на минимизацию расходов в системе ОМС привела к “закрепленности” медицинских учреждений и выводу ряда категорий населения из системы ОМС. Вся система государственной службы получила доступ к бюджетному финансированию дополнительного медицинского страхования, военные и силовые органы располагают медицинскими учреждениями в своей структуре, сохранились ведомственные структуры, в том числе коммерческих организаций (РЖД, Газпром и др.). Крупный и отчасти средний бизнес в рамках социальных пакетов оплачивает своим сотрудникам дополнительное медицинское страхование, наконец, высокодоходные слои населения имеют материальную возможность консультаций и лечения в зарубежных центрах. В системе ОМС с ее минимальными возможностями, остаются малооплачиваемые сотрудники бюджетных организаций, пенсионеры, безработные, мигранты, наемные работники малого бизнеса.

Оптимальность государственных расходов не должна сводиться к их сокращению, следуя догме о невмешательстве государства в социально-экономические процессы. Стратегией должно стать выстраивание эффективного социального государства, обеспечивающего доступность качественных социальных благ. В этом контексте требуется переход к устойчивой, менее затратной модели государственного управления и перераспределения средств в пользу социальных расходов, которые являются производительными, увеличивающими человеческий и социальный капитал общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news>

Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.

Васильев В.П. Социальные ценности и институты здравоохранения // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2016. № 3. С. 48–63.

Васильев В.П., Деханова Н.Г. Факторы формирования человеческого капитала в сфере высшего образования // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2017. № 3. С. 237–248.

Государство в меняющемся мире. Отчет о мировом развитии. М., 1997.

Калашников С.В. Становление социального государства в России. М., 2003.

Кейнс Дж. Общая теория занятости процента и денег. М., 2007.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социально-исторический процесс индивидуализации и социальные механизмы его реализации. Часть 1. Дифференциация и рационализация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 1. С. 5–33.

Конституция Российской Федерации. М., 2018.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/

Мюллер-Армак А. Принципы социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России. М., 2007.

Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М., 2005.

Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета. Доклад, Минфин. М., 2015.

Осипова Н.Г. Прошлое, настоящее и будущее теоретической социологии в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 5–28.

Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 3–15.

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06

Радыгин А., Энтов Р. “Провалы государства”: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 4–31.

Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М., 2017.

Россия и страны мира — 2016 г. М., 2016.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. Финансы России. М., 2014.

Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 года. Т. 1. Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 г. СПб., 1872.

Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб., 1874.

Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2017.

Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991.

REFERENCES

Abrahamson P. Social'naya ehksklyuziya i bednost' [Social exclusion and poverty] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. 2001. N 2 (in Russian).

Briton S. The economic contradiction of democracy // *British Journal of Political Science*. 1975. N 15.

Ehrhard L. Blagosostoyanie dlya vsekh [Well-being for all]. М., 1991 (in Russian).

Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, 1990.
Finansy Rossii [Finance of Russia]. M., 2014 (in Russian).

Gosudarstvo v menyayushchemsya mire. Otchet o mirovom razvitiy [State in a changing world. World development report]. M., 1997 (in Russian).

Hajek F. Individualizm i ehkonomicheskij poryadok [Individualism and economic order]. M., 2017 (in Russian).

Kalashnikov S.V. Stanovlenie social'nogo gosudarstva v Rossii [Formation of the social state in Russia]. M., 2003 (in Russian).

Kejns Dzh. Obshchaya teoriya zanyatosti procenta i deneg [The General theory of employment interest and money]. M., 2007 (in Russian).

Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Social'no-istoricheskij process individualizacii i social'nye mekhanizmy ego realizacii. Chast' I. Differenciaciya i racionalizaciya [Socio-historical process of individualization and social mechanisms for its implementation. Part i. Differentiation and rationalization] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2018. N 1. S. 5–33 (in Russian).

Koncepciya dolgosrochnogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (in Russian).

Konstituciya Rossijskoj Federacii [Russian Constitution]. M., 2018 (in Russian).

Manning N. The politics of welfare // Social Policy / Ed. by J. Baldock, N. Manning, S. Miller. N.Y., 1990.

Myuller-Armak A. Principy social'nogo rynochnogo hozyajstva [Principles of social market economy] // Social'noe rynochnoe hozyajstvo: koncepciya, prakticheskij opyt i perspektivy primeneniya v Rossii [Social market economy: concept, practical experience and prospects of application in Russia]. M., 2007 (in Russian).

Nureev R.M. Teoriya obshchestvennogo vybora [The Theory of public choice]. M., 2005 (in Russian).

Ob osnovnyh napravleniyah povysheniya ehffektivnosti raskhodov federal'nogo byudzheta [About the main directions of increase of efficiency of expenses of the Federal budget. Report, Ministry Of Finance]. M., 2015 (in Russian).

Osipova N.G. Proshloe, nastoyashchee i budushchee teoreticheskoy sociologii v Rossii [Past, present and future of theoretical sociology in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Vestnik of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2015. N 2. S. 5–28 (in Russian).

Osipova N.G. Social'no-filosofskie osnovy (teoreticheskoe yadro) klassicheskogo liberalizma [Socio-philosophical foundations (theoretical core) classical liberalism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Herald. Series 18. Sociology and political science]. 2015. N 4. S. 3–15 (in Russian).

Prognoz dolgosrochnogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030]. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (in Russian)

Radygin A., Ehntov R. “Provaly gosudarstva”: teoriya i politika [“Failures of the state”: theory and policy] // *Voprosy ehkonomiki* [Economic Issues]. 2012. N 12. S. 4–31 (in Russian).

Rossijskij statisticheskij ezhegodnik [Russian statistical yearbook]. 2017: Stat. sb. M., 2017 (in Russian).

Rossiya i strany mira — 2016 g. [Russia and countries of the world — 2016]. M., 2016 (in Russian).

Shtejn L. Istoriya social'nogo dvizheniya Francii s 1789 goda. Per. so 2-go nem. izd. T.1. Osnovnoe ponyatie obshchestva i social'naya istoriya Francuzskoj revolyucii do 1830 g. [The History of the social movement in France since 1789. Per. 2. ed. Vol.1. The basic concept of society and the social history of the French revolution until 1830]. SPb., 1872 (in Russian).

Shtejn L. Uchenie ob upravlenii i pravo upravleniya s sravneniem literatury i zakonodatel'stv Francii, Anglii i Germanii [The Doctrine of management and law of management with a comparison of literature and legislation in France, England and Germany]. SPb., 1874 (in Russian).

Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [A Study on the nature and causes of the wealth of Nations]. M., 2007 (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2018 g. “O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda” [Decree of the President of the Russian Federation of may 7, 2018 “on national goals and strategic objectives of the Russian Federation for the period up to 2024”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news> (in Russian).

Vasil'ev V.P. Social'nye cennosti i instituty zdravoohraneniya [Social values and institutes of health] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and political science]. 2016. N 3. S. 48–63 (in Russian).

Vasil'ev V.P., Dekhanova N.G. Faktory formirovaniya chelovecheskogo kapitala v sfere vysshego obrazovaniya [Factors of human capital formation in higher education] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Vestnik of Moscow University. Series 18: Sociology and political science]. 2017. N 3. S. 237–248 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-223-234

МЕТОДЫ МОТИВАЦИИ И СТИМУЛИРОВАНИЯ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА В КРЕДИТНО- ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИИ

М.А. Коргова, докт. социол. наук, проф., проф. кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, Российская Федерация, 357532*

И.А. Ажиева, асп. кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, Российская Федерация, 357532**

Сегодняшняя ситуация в сфере социально-экономического развития России определяет особую значимость деятельности организаций кредитно-финансовой направленности. Недостаточная эффективность деятельности кредитно-финансовых организаций современной России есть следствие низкой производительности труда персонала, одной из причин которой является существующая система мотивации и стимулирования.

Менеджеры среднего звена в кредитно-финансовых организациях являются значимой частью управленческого персонала. Они связующее звено в организации: без их эффективной работы невозможно получение результатов менеджерами других уровней и организации в целом.

На сегодняшний момент роль руководителей среднего звена в достижении эффективности организационной деятельности недооценена. Система их мотивации и стимулирования нуждается в совершенствовании.

В статье приведены данные социологического исследования, в рамках которого проанализировано состояние системы мотивации и стимулирования руководителей среднего звена управления в 10 современных российских кредитно-финансовых организациях, исследовано применение конкретных методов, форм и инструментов мотивации.

Применяемые в кредитно-финансовых организациях современной России методы и формы мотивации и стимулирования труда менеджеров среднего звена не составляют системы. Это конгломерат различных подходов, схем, приемов, средств, не составляющих единого целого.

Систему мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена в настоящее время нельзя считать сбалансированной и достаточной. Она значительно отстает от лучших зарубежных аналогов и нуждается в существенной оптимизации. Тем более, что перед российскими кредитно-

* Коргова Марина Анатольевна, e-mail: korgova@pgu.ru

** Ажиева Ирада Альбертовна, e-mail: irada_sv07@mail.ru

финансовыми организациями не стоит задача догоняющей модернизации, а задача первенства на мировом рынке банковских услуг.

Авторы формулируют направления совершенствования мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена в российских кредитно-финансовых организациях, дают рекомендации по использованию мотивационных методов и инструментов.

Ключевые слова: мотивация, стимулирование, система мотивации и стимулирования, методы мотивации и стимулирования, кредитно-финансовые организации, менеджеры среднего звена.

METHODS OF MOTIVATION AND INCENTIVENESS OF AVERAGE PRICE MANAGERS IN CREDIT AND FINANCIAL ORGANIZATIONS OF RUSSIA

Korgova Marina A., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department creative and innovative management and law of Pyatigorsk State University, Kalinin Avenue, 9, Pyatigorsk, Stavropol region, Russian Federation, 357532, e-mail: korgova@pgu.ru

Azhieva Irada A., Graduate Student of Chair of creative and innovative management and law of Pyatigorsk State University, Kalinin Avenue, 9, Pyatigorsk, Stavropol region, Russian Federation, 357532, e-mail: irada_sv07@mail.ru

Nowadays the situation in the sphere of social and economic development of Russia determines the special importance of organization activity of credit and financial orientation. The insufficient efficiency of activities of the credit and financial organizations of modern Russia is a consequence the low production of personnel's work, one of the reasons of which is the existing system of motivation and stimulation.

Middle managers in financial institutions are an important part of management personnel. They are the link in the organization: it is impossible to obtain results from managers of other levels and the organization as a whole without their effective work.

Today the role of middle managers in achievement of efficiency of organizational activities is underestimated. The system of their motivation and stimulation needs enhancement.

The article presents the data of a sociological survey, which analyzed the state of the system of motivation and incentives for managers of middle management in 10 modern Russian credit and financial organizations, and the application of specific methods, forms and tools of motivation are explored.

The methods and their forms of motivating and stimulating the work of mid-level managers in the credit and financial organizations of modern Russia do not constitute a system. It is a conglomeration of different approaches, schemes, methods, means that do not constitute a single whole.

At the present time the system of motivation and stimulation of middle managers can not be considered balanced and sufficient. It lags far behind the best foreign analogs and needs substantial optimization. Moreover, the task of catching-up

modernization, and the task of primacy in the world market of banking services, is not facing Russian financial institutions

The authors formulate directions for improving the motivation and incentives for middle managers in Russian credit and financial organizations, and give recommendations on the use of motivational methods and tools.

Key words: *motivation, incentives, motivation and incentives, methods of motivation and incentives, credit and financial organizations, middle managers.*

В настоящее время Россия проигрывает развитым зарубежным странам в производительности труда в четыре раза¹. Недостаточная эффективность деятельности деловых организаций — следствие низкой производительности труда, одной из причин которой является существующая система мотивации и стимулирования деятельности персонала.

Сегодня кредитно-финансовые организации России находятся на том этапе развития, который характеризуется интенсивным поиском конкурентных преимуществ, что находит отражение в повышении производительности труда, применении эффективных средств и технологий для проведения банковских операций (например, программного и компьютерного обеспечения), оптимальном использовании человеческих и материальных ресурсов, совершенствовании организации труда и подготовки кадров, в том числе и управленческих, освоении новых сегментов рынка, разработке и внедрении новых видов банковских продуктов, совершенствовании уровня предоставления и качества банковских услуг, клиентоориентированном подходе и т.п.

Новые обстоятельства объективно требуют продуманной кадровой политики, научно-обоснованного управления персоналом.

Менеджеры среднего звена в кредитно-финансовых организациях являются значимой частью управленческого персонала. За последние годы среднее звено значительно выросло и по своей численности, и по своей значимости. В определенном смысле руководители среднего уровня организации, находясь в организационном пространстве между “молотом и наковальней”, являются двигателями мотивации и стимулирования всего персонала организации, от которых зависит социально-психологический климат в коллективе. Руководители среднего уровня являются связующим звеном в организации: без их эффективной работы невозможно получение результатов менеджерами других уровней и организации в целом. Именно от эффективной организации работы руководителей среднего звена зависит качество

¹ См.: Бодрунов С.Д. Производительность труда в России и в мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни // Аналитический вестник. 2016. № 29 (628). С 8–14.

обслуживания клиентов организации. При отсутствии эффективной системы мотивации и стимулирования активные, нацеленные на карьерный рост и увеличение своей капитализации менеджеры среднего уровня начинают делать карьеру не в организации, а на рынке.

Для труда менеджеров среднего звена управления в российских организациях банковской сферы в последнее время характерно:

1. Постоянное обновление (усложнение) спектра проводимых менеджерами операций, внедрение новых компьютерных технологий.

2. Высокая степень ответственности за проведенные операции и принятые решения.

3. Деятельность руководителей среднего звена управления происходит в экстремальных условиях, характеризующихся постоянным и интенсивным действием специфических (особых) факторов: неравномерная загруженность в течение дня, длительная работа на компьютере, монотонность, работа в режиме сверхурочного времени и т.п.

Основные требования к менеджерам среднего звена можно обозначить так:

– высокий профессионализм, владение в совершенстве управленческими знаниями и методами;

– готовность к переменам, умение прогнозировать, предвидеть, стремление постоянно учиться;

– необходимость поиска, творчества, инициативы;

– стойкость и преданность делу, системе своего банка.

Одни из главных требований к руководителям среднего уровня в деловых организациях России — гибкость мышления и готовность к изменениям, т.е. нужно постоянно учиться и быть активным в совершенствовании своей профессиональной компетентности.

Поиск наиболее эффективных методов, форм и инструментов мотивации и стимулирования руководителей среднего уровня характерен для всех эффективных деловых организаций в мире. Эталонами являются передовые зарубежные компании банковской сферы. Анализ их работы в области мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена показывает, что:

– в организациях существует и постоянно совершенствуется система мотивации и стимулирования всех категорий персонала, включая руководителей разных рангов;

– система мотивации и стимулирования тесно связана с другими ключевыми подсистемами управления персоналом, такими как отбор, обучение, оценка персонала, карьерное продвижение персонала и т.п.;

– системы компенсации носят преимущественно нетрадиционный характер и в обязательном порядке учитывают как интересы организации (прежде всего, достижение экономических результатов

деятельности), так и интересы персонала, в частности, менеджеров среднего звена (в этом, в том числе, проявляется интересубъектное взаимодействие);

– для эффективной мотивации руководителей среднего уровня применяется широкий спектр современных методов, форм и инструментов мотивации и стимулирования, учитываются достижения классических (А. Маслоу, Д. Мак-Клеланд, Ф. Герцберг, К. Альдерфер, С. Адамс, В. Врум, Л. Портер, Э. Лоулер) и современных (Л. Фестингер, Дж. Аткинсон, Дж. Роттер, Ф. Хайдер, Р. Престас, Дж. Хэкмен и Г. Олдхем, Р. Стюарт) теорий мотивации. Практики мотивации опираются на теории и концепции И. Адизеса (инструменты эффективной мотивации персонала в деловых организациях), С. Кови (создание коллективной мотивации), Д. Коллинза (отбор мотивированных сотрудников организации и создание условий для их работы), К. Нордстрема (значение нематериальных ценностей в создании уникальных товаров и услуг), Ф. Котлера (стратегия внутреннего маркетинга, направленная на отношения компании с персоналом), Т. Питерса (важность нематериальной мотивации персонала современных организаций). Указанные авторы рассматривают создание и развитие системы мотивации и стимулирования персонала и руководителей в организации как важнейшую область деятельности топ-менеджмента и кадровых служб.

Согласно современным подходам, смысл мотивации — побуждение к эффективной деятельности персонала организации ради достижения целей организации и их личных целей. Основные принципы мотивации — объективность, системность, комплексность, ситуативность, законность, прогрессивность, прозрачность, перспективность, эффективность.

Методы мотивации и стимулирования — экономические методы, целевой метод, метод проектирования и перепроектирования работ, обогащения труда, метод соучастия (партисипативный метод).

Эффективный инструмент мотивации, сочетающий в себе основные идеи всех методов, — ключевой индикатор производительности (Key Performance Indicator — KPI).

В целях изучения практики мотивации и стимулирования руководителей среднего звена в российских кредитно-финансовых организациях нами были выбраны лучшие банковские организации России, имеющие высокие рейтинги, показатели рентабельности и ликвидности, обладающие финансовыми и административными возможностями для мотивации и стимулирования своего персонала.

Социологическое исследование на тему “Мотивация и стимулирование руководителей среднего звена в финансово-кредитных организациях России” было проведено в 2015–2017 гг. на территории Северного Кавказа в филиалах и офисах ПАО “Сбербанк России”,

АО “Газпромбанк”, ПАО “Банк ВТБ”, ПАО «Банк “Финансовая Корпорация Открытие”», АО “Российский Сельскохозяйственный банк”, АО “Альфа-Банк”, АО “Райффайзенбанк”, ПАО “Росбанк”, ПАО “Промсвязьбанк”, ПАО “Бинбанк”. Количество сотрудников в исследуемых банках от 100 до 30 000 человек, компании существуют на рынке с 1991 до 2017 г.

В качестве респондентов было опрошено 10 первых руководителей филиалов или офисов (по 1 из каждой организации) и 20 менеджеров среднего уровня (по 2 менеджера из каждой организации).

Выборка десяти российских кредитно-финансовых организаций обусловлена наличием их в рейтинге эффективных банковских структур (2015–2017 гг.) и имеющих филиалы и офисы в Северо-Кавказском федеральном округе².

Выбранные для исследования банки играют исключительно важную роль в экономике страны. Они выступают драйверами процессов глобализации, являются посредниками между сегментами рынка и его географическими регионами. Банки обладают не только необходимыми финансовыми ресурсами, но и финансовым ноу-хау, что позволяет им участвовать в процессах перераспределения капиталов, и одновременно передавать финансовые знания, опыт организации бизнеса, современную методологию управления другим деловым организациям.

Исследование проводилось по специальной программе. Состояние мотивации и стимулирования менеджеров среднего уровня управления было изучено через призму используемых для этого методов, форм и инструментов.

В результате исследования мы пришли к выводу, что применяемые в кредитно-финансовых организациях современной России методы и формы мотивации и стимулирования труда менеджеров среднего звена не составляют системы. Это конгломерат различных подходов, схем, приемов, средств, не составляющих единого целого и не являющийся эффективным: мотивация во многом сводится к получению регулярной и стабильной зарплаты и желанию сохранить место работы, а не к достижению целей организации и собственному развитию. Опыт организаций по применению методов мотивации и стимулирования фрагментарен и неотрефлексирован.

Медленнее, чем того требует ситуация, осуществляется переход российских кредитно-финансовых организаций от традиционной системы компенсации, консервативной и не привязанной к результатам деятельности менеджеров среднего звена, к нетрадиционной системе, некоторые элементы которой проявляются почти во всех исследуемых структурах. Речь идет о связи результатов оценки с

² Рейтинги банков. URL: <http://www.banki.ru/banks/ratings/> (дата обращения: 17.04.2017).

положительной и отрицательной мотивацией, о командных формах оплаты труда, о плате за знания и о динамике мотивационных подходов.

В подавляющем большинстве исследуемых нами организаций доминируют экономические методы мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена, но и они используются не в полной мере: практически не применяются или неэффективны такие формы данного метода, как система участия в прибылях организации, метод платы за знания, грейдирование персонала, групповое вознаграждение, беспроцентные ссуды на неотложные нужды и для детей сотрудников, бесплатное предоставление жилья, отсроченные платежи и т.п.

По результатам опроса заработной платой довольны 55% руководителей среднего звена (т.е. более половины опрошенных), менее 25% респондентов частично удовлетворены (считают, что получают меньше, чем заработали), а оставшихся (20%) не устраивает размер заработной платы, несмотря на то, что она стабильна и гарантирована.

Все используемые формы данного метода требуют серьезной научной рефлексии и практической апробации.

В большинстве российских организаций банковской сферы не применяется или неэффективно применяется инструмент мотивации КРІ. Основные причины отказа от инструмента — это отсутствие сбалансированности между КРІ различных структурных подразделений организации, сложная система подсчетов, психологическое неприятие инструмента руководителями и сотрудниками организаций.

В кредитно-финансовых организациях России несмотря на декларации не получил должного применения целевой метод мотивации и стимулирования руководителей среднего уровня управления. Цели, которые ставятся перед руководителями среднего звена, не обладают необходимыми характеристиками, которые придавали бы им мотивирующий характер, а именно: сложность, измеримость, достижимость. Процесс постановки целей требует совершенствования. Ответственность за постановку и реализацию целей размыта. Основные причины неиспользования целевого метода как такового — отсутствие четкого мышления, планирования и ясных коммуникаций.

Применение метода проектирования и перепроектирования работ и обогащение труда на практике кредитно-финансовых организаций далеко от совершенства. Из всего многообразия форм данного метода используется, главным образом, возможность обучения и карьерного роста.

До сих пор в ряде организаций банковской сферы продвижение по карьерной лестнице осуществляется по признакам личной преданности через связи, что существенно снижает достижение моти-

вации менеджеров среднего звена. Недостаточно применяются такие действенные приемы метода проектирования и перепроектирования работ, как обновление содержания работы, оценка результативности, использование гибкого рабочего графика, творческие отпуска.

Неудовлетворительно используются ротация кадров и делегирование полномочий. Вместе с тем, следует отметить, что в Сбербанке, ВТБ и Альфа-банке метод применяется успешно. Топ-менеджеры данных организаций создают единый комплекс целей для руководителей среднего звена, которые позволяют им фокусироваться на приоритетных задачах, выявлять области развития и работать над ними.

Применение метода соучастия или вовлечения менеджеров среднего уровня в управление организацией ограничивается использованием некоторых его элементов, например, консультаций и групповых дискуссий. Значимые формы метода, такие как право голоса при решении стратегически важных проблем организации, участие в принятии стратегических решений, мы не обнаружили ни в одной из исследованных организаций. На сегодняшний день нет механизмов для улучшения сотрудничества между топ-менеджерами и руководителями среднего звена управления: топ-менеджеры применяют авторитарный стиль руководства, преобладает форма власти “руководство — исполнение”.

Таким образом, из четырех методов мотивации и стимулирования персонала самым часто применяемым в исследованных отечественных компаниях для повышения мотивации менеджеров среднего уровня управления является экономический метод. Остальные три метода не применяются как осознанный комплекс мер и требуют серьезных доработок.

Методы, формы и инструменты мотивации и стимулирования руководителей среднего звена не составляют системы и не работают в тесной связи с другими функциями кадроведческого цикла. Обозначена лишь связь с функцией оценки профессиональной деятельности, реже — карьерным продвижением. Преобладают традиционные системы компенсаций.

Наряду с положительной мотивацией в современных организациях кредитно-финансовой сферы используется отрицательная мотивация (выговор, лишение премии, штрафы) за прогулы, опоздания, уход с рабочего места, грубость по отношению к клиентам, воровство. Имеют место и несправедливые наказания, которые приводят к уходу менеджеров из банка, снижению лояльности к организации и ухудшению производительности труда.

В большинстве российских организаций банковской сферы наблюдаются неудовлетворенность менеджеров среднего звена различными аспектами трудовой деятельности (заработной пла-

той, процессом управления), отсутствие регулярных исследований мотивационных установок, недостаток психологической и организационной поддержки, что является серьезными демотиваторами и способствует возрастанию социально-психологической напряженности и возникновению на этой почве конфликтов в организации.

В последние годы в связи с экономическим кризисом заработная плата руководителей среднего звена в кредитно-финансовых организациях России уменьшилась, заявленные программы мотивации сворачиваются.

Топ-менеджеры российских организаций банковского сектора не вполне понимают важность мотивации и стимулирования труда руководителей среднего уровня управления, не знают, как профессионально реализовать эту функцию кадрового менеджмента. Многие из них ссылаются на отсутствие средств для достойного материального стимулирования персонала.

Система мотивации и стимулирования имеет переходный характер: от традиционной консервативной системы компенсаций к нетрадиционной динамичной системе. Более чем в половине банковских структур действуют специальные проекты, в рамках которых осуществляется совершенствование системы мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена.

Вместе с тем, мотивация и стимулирование руководителей среднего уровня управления в шести организациях из десяти не выделена в отдельную проблему и не актуализируется как таковая (кроме, Сбербанк, Альфа-банка, Росбанк, Бинбанка). С ними работают по принципу “незаменимых сотрудников нет”. Руководители (100%) исследуемых кредитно-финансовых организаций затрудняются ответить, какими теориями мотивации руководствуется управление и менеджмент банков при создании систем мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена. Из десяти менеджеров высшего звена исследуемых организаций только четыре считают систему мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена адекватной их трудовой отдаче и вкладу в деятельность организации. Сами руководители среднего звена хотя и держаться за работу в организации, но считают систему своей мотивации только удовлетворительной.

В целом, систему мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена в настоящее время нельзя считать сбалансированной и достаточной. Она значительно отстает от лучших зарубежных аналогов и нуждается в существенной оптимизации. Тем более, что перед российскими кредитно-финансовыми организациями не стоит задача догоняющей модернизации, а задача первенства на мировом рынке банковских услуг.

Итак, оценивая состояние системы мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена в современных российских деловых

организациях, мы пришли к выводу о том, что она нуждается в совершенствовании.

Проведенное исследование и вышерассмотренные аспекты позволили сформулировать основополагающие принципы, которые должны быть положены в основу формирования новых механизмов мотивации и стимулирования руководителей среднего звена управления в отечественных организациях банковского сектора с учетом их ценностных ориентаций:

- принцип соответствия применяемых способов мотивации и стимулирования особенностям мотивационной структуры, ценностных ориентаций и культурных стереотипов поведения менеджеров среднего уровня;

- принцип параллельного удовлетворения первичных и высших потребностей (социальных и потребностей самоактуализации) менеджеров среднего звена. В условиях, когда возможности высокой оплаты труда большинства российских банков являются весьма ограниченными, поддержание и развитие трудовой мотивации путем воздействия на высшие потребности, являющиеся, как показало исследование, достаточно развитыми у руководителей среднего звена, позволяют задействовать весьма существенные резервы активизации человеческого фактора;

- принцип нахождения оптимального баланса между так называемой положительной (позитивной) и отрицательной (негативной) мотивацией. В результате проведенных исследований было установлено, что в целом более эффективным является положительное мотивационное управление. В то же время было выявлено наличие менеджеров среднего звена, проявляющих большую чувствительность к отрицательному мотивационному управлению (18% респондентов, принявших участие в опросе). Такие работники быстрее и сильнее реагируют на действия, влекущие наказание или лишение желаемого блага или даже такую возможность и дают больший прирост результативности в ответ на него. Наиболее негативный вариант — это отсутствие как положительной, так и отрицательной мотивации;

- принцип обеспечения необходимого баланса между индивидуальной и коллективной мотивацией к труду. При этом следует учитывать, что по мере усиления коллективной мотивации происходит частичное замещение индивидуальных мотивов у каждого руководителя среднего звена групповыми. Это положение имеет принципиальное значение для понимания того, насколько велика роль коллективной мотивации в управлении.

Предложенные нами рекомендации по совершенствованию методов и инструментария мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена российских кредитно-финансовых организаций в кон-

тексте повышения эффективности их деятельности структурированы по направлениям соответственно четырем методам и формам.

Во-первых, важно усиление стимулирующей роли экономических методов путем корректировки денежного вознаграждения руководителей среднего уровня. Кредитно-финансовым организациям рекомендуется перейти от традиционной системы компенсации к нетрадиционной. Помимо этого, целесообразно материальную часть системы мотивации и стимулирования отечественных деловых организаций разработать на основе КРІ.

Во-вторых, топ-менеджерам необходимо начать использовать целевой метод как осознанный комплекс мер.

В-третьих, для достижения индивидуальных и организационных целей методом проектирования и перепроектирования работ и обогащения труда рекомендуется осуществлять развитие менеджеров среднего звена. В этих целях стоит воспользоваться всеми разработанными в исследовании формами данного метода.

Предлагается использование метода соучастия в деятельности менеджеров среднего звена кредитно-финансовых организаций. Для реализации данного метода в отечественных организациях банковской сферы предлагается усовершенствовать корпоративную культуру.

Таким образом, актуальной сегодня представляется проблема действенной мотивации менеджеров среднего звена российских кредитно-финансовых организаций, решение которой напрямую влияет на производительность их труда, в конечном счете, на экономическую и социальную эффективность банковских организаций.

Решение проблем мотивации менеджеров среднего звена требует обращения к теории вопроса, знания новых методологических подходов к проблеме, использования всего арсенала имеющихся методов и инструментов мотивации и стимулирования.

Предложенные меры по улучшению системы мотивации и стимулирования менеджеров среднего звена в любой кредитно-финансовой организации позволят повысить уровень эффективности данного процесса, избежать ошибок на этапах совершенствования и своевременно их устранять в случае выявления в процессе функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Актуальные вопросы менеджмента и управления персоналом в современных организациях. М., 2018.

Бодрунов С.Д. Производительность труда в России и в мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни // Аналитический вестник. 2016. № 29 (628). С. 8–14.

Веснин В.Р. Управление персоналом. Теория и практика: Уч. М., 2011.

- Друкер П.* Практика менеджмента. М., 2003.
- Друкер П.* Задачи менеджмента в XXI веке. М., 2004.
- Кови С.Р.* 7 навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности. М., 2007.
- Коллинз Д.* От хорошего к великому: почему одни компании совершают прорыв, а другие нет... М., 2014.
- Коргова М.А.* Кадровый менеджмент: Уч. пособ. Ростов н/Д., 2007.
- Нордстрем К., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк: капитал пляшет под дудку таланта. М., 2013.
- Питерс Т.* В поисках совершенства: уроки самых успешных компаний Америки. М., 2014.
- Рейтинги банков. URL: <http://www.banki.ru/banks/ratings/> (дата обращения: 17.04.2017).
- Хэмел Г.* Будущее менеджмента. М., 2013.

REFERENCES

- Aktual'nye voprosy menedzhmenta i upravleniya personalom v sovremennyh organizatsiyah [Actual questions of management and personnel management in modern organizations]. М., 2018 (in Russian).
- Bodrunov S.D.* Proizvoditel'nost' truda v Rossii i v mire. Vliyanie na konkurentosposobnost' ehkonomiki i uroven' zhizni [Productivity of labor in Russia and in the world. Influence on competitiveness of economy and a standard of living] // Analiticheskij vestnik [The Analytical Bulletin]. 2016. N 29 (628) (in Russian).
- Drucker P.* Praktika menedzhmenta [Practice management]. М., 2003 (in Russian).
- Drucker P.* Tasks management in the XXI century [Zadachi menedzhmenta v XXI veke]. М., 2004 (in Russian).
- Hemmel G.* Budushchee menedzhmenta [The future of management]. М., 2013 (in Russian).
- Kollinz D.* Ot horoshego k velikomu: pochemu odni kompanii sovershayut proryv, a drugie net [Good to Great: why some companies make the leap and others do not...]. М., 2014 (in Russian).
- Korgova M.A.* Kadrovyy menedzhment: uchebnoe posobie [Human resource management: a tutorial]. Ростов н/Д., 2007 (in Russian).
- Kovi S.R.* 7 navykov vysokoehffektivnyh lyudej. Moshchnye instrumenty razvitiya lichnosti [The 7 habits of highly effective people. Powerful personal development]. М., 2007 (in Russian).
- Nordstrem K., Ridderstrale J.* Biznes v stile fank: kapital plyashet pod dudku talanta [Funky business: capital dancing to the tune of talent]. М., 2013 (in Russian).
- Piters T.* V poiskah sovershenstva: uroki samyh uspeshnyh kompanij Ameriki [In search of excellence: lessons from America's most successful companies]. М., 2014 (in Russian).
- Rejtingi bankov [Ratings of banks]. URL: <http://www.banki.ru/banks/ratings/> (date of circulation: 17.04.2017) (in Russian).
- Vesnina V.P.* Upravlenie personalom. Teoriya i praktika: Uch. [Personnel management. Theory and practice: The textbook]. М., 2011 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-235-253

ОСНОВЫ КОНКУРЕНЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л.А. Емельянова, канд. психол. наук, доц., доц. кафедры управления человеческими ресурсами Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Стремянный пер., д. 36, Москва, Российская Федерация, 117997*

В статье анализируются основы социальной конкуренции, ее особенности в России. В качестве основных предпосылок социальной конкуренции автором рассматриваются деятельность, в процессе которой ее субъекты вступают в различные формы взаимодействия и взаимоотношений, в том числе и конкурентные, объективные и субъективные различия людей и их сообществ — исторические, социально-политические, социально-экономические, социально-культурные, международные.

Конкуренция проявляется в развивающихся живых и социальных системах, из которых вытекают две ее основные разновидности — биологическая и социальная, между ними наблюдается преемственность. В живой природе конкуренция проявляется, как показал Ч. Дарвин, внутри одного вида и между разными видами, в борьбе с жизненными условиями, ведет к естественному отбору и эволюции видов. Конкуренция в обществе имеет свои особенности. В то же время конкуренция в животном мире и обществе, как показал П. Кропоткин, связана с различными формами кооперации, взаимопомощи, которые являются доминирующими и в большей степени способствуют прогрессу, нежели конкуренция.

Переход России от социалистической системы общественных отношений с плановой экономикой к капиталистической с рыночной системой развития создал в стране основы конкуренции. На этот переход влияют традиционные социально-культурные особенности, а также происходящие в российском обществе и в мире современные процессы.

В данной статье рассматривается конкуренция коллективных субъектов профессиональной деятельности как один из видов социальной конкуренции, раскрывается ее структура, типология, основные функции. Конкуренция определяется как система взаимодействия индивидуальных, групповых и коллективных субъектов профессиональной деятельности, характеризующаяся достижением целей деятельности и преимуществ в условиях противоборства с добывающимися этих же целей и преимуществ другими субъектами.

* Емельянова Людмила Андреевна, e-mail: emelyanova-71a@mail.ru

Ключевые слова: основы социальной конкуренции, особенности конкуренции коллективных субъектов профессиональной деятельности.

THE BASIS OF COMPETITION AS A SOCIAL PHENOMENON AND ITS FEATURES IN PROFESSIONAL ACTIVITY

Emelyanova Liydmila A., Ph.D, Assistant Professor of the Department of Human Resource Management of the Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation, 117997, e-mail: emelyanova-7la@mail.ru

The author analyzes the fundamentals of social competition and its specific features in Russia. As the basic prerequisites for social competition, the author considers the activity in which its subjects enter into various forms of interaction and relationships, including competitive ones, objective and subjective differences between people and their communities — historical, socio-political, socio-economic, socio-cultural, international.

Competition manifests itself in developing living and social systems, from which stem its two main varieties — biological and social, between which there is continuity. In the living nature, competition is manifested, as shown by Charles Darwin, within one species and between different species, in the fight against life conditions, leads to the natural selection and evolution of species. Competition in society has its own characteristics. At the same time, competition in the animal world and society, as P. Kropotkin has shown, is associated with various forms of cooperation, mutual assistance, which are dominant and more conducive to progress than competition.

The transition of Russia from the socialist system of public relations with a planned economy to a capitalist system with a market system of development created the foundations of competition in the country. This transition is influenced by traditional socio-cultural characteristics, as well as current processes in society and in the world.

This article considers the competition of collective subjects of professional activity as one of the types of social competition, its structure, typology, and basic functions are revealed. Competition is defined as a system of interaction of individual, group and collective subjects of professional activity, characterized by the achievement of goals of activity and advantages in the context of confrontation with those pursuing the same goals and advantages by other actors.

Key words: bases of social competition, features of competition of collective subjects of professional activity.

В настоящее время российское общество осуществляет переход от советского общественно-политического строя к либерально-демократическому строю. Этот переход связан с перестройкой всей системы общественных отношений. Существенной чертой

либерально-демократического общества является рыночная модель жизнедеятельности людей. Важнейшей чертой рыночных отношений выступают отношения конкуренции. Эти конкурентные отношения проявляются во взаимодействии всех социальных субъектов и представляют собой сложное социальное явление. Конкуренция исследуется главным образом в экономической науке, однако как социальное явление, представляющее сложный феномен, исследуется недостаточно, в том числе и как проявление в деятельности отдельных социальных субъектов. Обращение к проблеме социальной конкуренции, ее основополагающих факторов, является актуальным.

Конкуренция проявляется в развивающихся живых и социальных системах. Существуют две основные разновидности конкуренции: биологическая и социальная, между которыми наблюдается преемственность. В живой природе конкуренция выступает в качестве естественного условия взаимодействия живых организмов. Она проявляется, как показал Ч. Дарвин, внутри одного вида и между разными видами, в борьбе с жизненными условиями, ведет к естественному отбору и эволюции видов. Ч. Дарвин пишет: “Принцип сохранения или выживания наиболее приспособленного я назвал Естественным отбором. Он ведет к улучшению каждого существа по отношению к органическим и неорганическим условиям его жизни и, следовательно, в большинстве случаев и к тому, что можно рассматривать как повышение организации”¹.

Вместе с тем, ученые, занятые изучением природы, после долгих наблюдений над жизнью живых существ пришли к выводу о том, что все живые существа за редкими исключениями живут не в одиночку, а обществами и для них характерна взаимная помощь. П. Кропоткин в первых главах своей книги “Взаимопомощь среди животных и людей” исследует животный мир. На основе большого числа фактов из мира природы он пришел к выводу о том, что “виды животных, у которых индивидуальная борьба доведена до самых узких пределов, а практика взаимной помощи достигла наивысшего развития, оказываются неизменно наиболее многочисленными, наиболее процветающими и наиболее приспособленными к дальнейшему прогрессу”².

Конкурентная борьба не составляет общего правила ни для животного, ни для человеческого мира. П. Кропоткин, рассматривая историю эволюции различных племен от бушменов и папуасов до эскимосов и алеутов, утверждает, что не борьба каждого против всех, а кооперация, объединение в сообщества и совместный труд людей являются основой развития человечества с начала первобытно-

¹ Дарвин Ч. Происхождение видов. М., 1939. С. 115.

² Кропоткин П.А. Взаимопомощь среди животных и людей. Минск, 2006. С. 244.

общинной формации. П. Кропоткин, продолжая анализ последующих форм развития цивилизации от деревенской до городской общины, описывает формы взаимопомощи в городе в период Средневековья и в условиях современного общества. Он показывает, что взаимная помощь, взаимная поддержка, тесное сотрудничество между людьми двигают историю человечества вперед, а не конкуренция, не вражда и не войны. На этом основании П. Кропоткин делает вывод о том, что взаимная помощь играет ведущую роль в жизнедеятельности общества, способствует его “возвышенной эволюции” и этическому прогрессу³.

В отличие от Ч. Дарвина, П. Кропоткин показал, что в живой природе и в обществе людей существуют взаимопомощь и кооперация, которые играют более значительную роль, нежели борьба, имеющая в большей степени разрушительную силу. При этом П. Кропоткин полагал, что эволюция в животном мире и в человеческом обществе подразумевает симбиоз, с одной стороны, взаимопомощи, с другой — самоутверждения индивидуумов, в том числе и в процессе борьбы за свои преимущества. Вместе с тем он указал на то, что борьба за превосходство описана в науке, литературе, и ее значение известно, а фактор взаимопомощи забыт или отвергнут. “Вследствие этого, — как отмечает Кропоткин, — необходимо было установить ту огромную роль, которую этот фактор играет в эволюции как животного мира, так и человеческих обществ”⁴. Ученый показал огромную роль созидательной кооперации и взаимопомощи в животном мире и в обществе людей в эволюционном процессе.

Ч. Дарвин и П. Кропоткин не ставили задачи выделить особенности конкуренции, существующей в живой природе и в человеческом обществе. Они показали формы взаимодействия в живой природе и в обществе и их роль в эволюции. Вместе с тем, появлялись теории, в которых ученые осуществляли попытки обосновать появление конкуренции как биологического и социального явления и найти взаимосвязь между ними.

Так, теоретики социал-дарвинизма утверждали, что биологические основы конкуренции выступают в качестве основ социальной конкуренции, конкуренция в обществе осуществляется по аналогии с конкуренцией в живой природе. Представители социал-дарвинизма распространяли теорию естественного отбора в животном и растительном мире на общественные процессы, утверждали конкуренцию как беспощадную и непрерывную борьбу за существование, выживание сильнейшего, его господство, порабощение и эксплуатацию побежденных, неравенство социальных групп как естественные

³ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 244–247.

⁴ Там же. С. 246.

закономерности развития обществ (Г. Спенсер⁵, Л. Гумплович⁶, У. Самнер⁷). Социал-дарвинисты в своих работах осуществили прямой перенос конкуренции в животном мире на общество людей, не выявив различий и специфики. Ошибки социал-дарвинистов заключаются в том, что они недостаточно глубоко понимали эволюционные процессы, которые, по их мнению, происходят под влиянием только внешней среды, влекущей за собой расслоение общества. При этом стабилизирующие процессы внутри системы, оказывающие сопротивление внешним воздействиям, ими не учитывались. С их точки зрения, история человечества является естественным процессом. Общественные законы есть отражение законов природы, поэтому их нельзя ни изменить, ни отменить.

В рамках данной работы мы делаем попытку рассмотрения основ конкуренции как социального явления, выделяя ее социальные особенности. Безусловно, социальная конкуренция отличается от конкуренции в живой природе. Важнейшей отличительной чертой людей является социальность как организованная форма их единения. Человечество объединено общей судьбой не только своего государства, но и всей планеты Земля. Люди входят в различные формы взаимодействия между собой, они объединяются в группы, малые и большие, коллективы, союзы, общества, государства, между ними возникают конфликты, сотрудничество, конкуренция. Взаимодействие людей выступает основой их жизнедеятельности. Конкуренция как социальное явление возникает в процессе взаимодействия людей, включенных в совместную деятельность. Она существует в любом виде деятельности: игровом, учебном, профессиональном. В деятельности ее субъекты формируют различные виды рейтингов, определяющие их позиции на основе критериев оценки результатов деятельности.

Конкуренция в живой природе происходит инстинктивно, стихийно, она не регламентируется ничем, кроме силы и ловкости самих животных. Конкуренция в обществе происходит на основе социальных характеристик общества, в частности норм и правил, регламентирующих поведение ее субъектов. В современных условиях конкуренция регулируется на разных уровнях: политическом, юридическом, моральном. Конкуренция законодательно закреплена в России Законом РСФСР N 948-1 "О конкуренции и ограничении

⁵ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Т. 1. Прогресс, его закон и причина. URL: http://society.polbu.ru/spenser_experiences/ch03_i.html (дата обращения: 12.03.2018).

⁶ Гумплович Л. Основы социологии. СПб., 1899.

⁷ Sumner W.G. Folkways. A study of the sociological importance of usages, mores, and morals. Boston, 1907.

монополистической деятельности на товарных рынках”⁸, определяющим организационные и правовые основы предупреждения, ограничения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

В результате борьбы за существование между животными осуществляется естественный отбор. В человеческом обществе происходит сознательный социальный отбор, при котором предпочтение отдается субъектам, более соответствующим общественным требованиям. На этот процесс накладывает отпечаток специфика социальных условий жизнедеятельности людей.

Человек как существо разумное, в отличие от животного, характеризуется наличием мышления, речи. Он создает и совершенствует орудия труда, занят в сознательном общественно-полезном труде, имеющем организованные формы. Общество людей, в отличие от животных, способно к поиску и нахождению компромиссов, относительно ущемлению своих интересов ради сохранения сотрудничества, мира, для достижения социально важных целей и т.п.

Конкуренция сопровождает все социальные ступени жизнедеятельности человека: дошкольную, школьную, студенческую, профессиональную, общественную, семейную, присутствуя во всех социальных институтах. Конкуренция здесь выступает фактором социализации субъектов. В конкурентном обществе одной из основных сфер социализации людей является профессиональная деятельность. Позиционирование людей в профессиональной сфере в значительной мере определяется конкурентной стратегией на рынке труда и возможностью их самореализации на рабочем месте. Специфика социальных взаимодействий в профессиональной сфере обусловлена особенностями разделения труда в конкретный исторический период, которые отражают пределы возможностей конкурирующих субъектов и систему требований, продиктованную уровнем развития общественно-экономических отношений.

Между людьми и их сообществами существует конкуренция как их борьба за самосохранение и самоутверждение. Она вытекает из объективных и субъективных различий людей, обществ, народов. С одной стороны, люди едины, что находит отражение в понятии К. Маркса “родовой человек”⁹. Но с другой стороны, люди и различны. В основе социальной конкуренции лежат объективные и субъективные различия людей: возрастные, половые, профессиональные, интеллектуальные, национальные, расовые, родовые, политические,

⁸ Закон РСФСР от 22.03.1991г. N 948-1 (ред. от 26.07.2006) “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках”. URL: <http://sudact.ru/law/zakon-rsfsr-ot-22031991-n-948-1-o/> (дата обращения: 12.03.2018).

⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. С. 90–97.

племенные, классовые, сословные, идеологические, моральные, культурные и т.п. Эти различия порождают конкурентное взаимодействие и взаимоотношения людей и их сообществ. Можно теоретически допустить устранение конкуренции, но для этого необходимо лишить людей и их сообщества различий между ними, всех необходимо *идентифицировать, стандартизировать*, и тогда практически наступит покой, равный застою. Однако это противоречит природе людей, их жизнедеятельности, концепции социального развития на основе различия и разнообразия.

В обществе конкуренция нередко выступает определяющим фактором взаимоотношений между людьми. Она присутствует во взаимоотношениях мужчин с мужчинами, женщин с женщинами, мужчин с женщинами, детей и родителей, и независимо от того, что является ее основой — популярность, компетентность, привлекательность или любое другое социально значимое качество. Конкуренция обусловлена тем, что люди стремятся успешно самореализоваться, достичь более высокого материального положения, добиться уважения, получить общественное признание, обеспечить не только выживание, но и превосходство.

Конкуренция в обществе детерминирована объективными историческими, экономическими, социально-политическими, социально-культурными факторами.

Социальная конкуренция действует в конкретных исторических условиях и связана с особенностями существующих общественных отношений, а также с субъектами исторической деятельности. Исторически в каждой системе общественных отношений существовала конкуренция в разных формах. Конкуренция возникает в условиях частной собственности и получает наибольшее развитие в условиях капиталистических общественных отношений.

Формы конкуренции изменяются вместе с переходом общества от одной общественной формы организации жизнедеятельности к другой. В условиях социалистических общественных отношений конкуренция имела форму социалистического соревнования. В современных условиях Россия переходит от социалистической системы общественных отношений к капиталистической. Исходным условием перехода российского общества к капиталистической общественной системе была социалистическая система общественных отношений в отличие от других стран, в которых конкуренция возникла при переходе от феодализма к капитализму и где она заняла господствующее положение. Переход России от советского государства с плановой экономикой к либерально-демократическому с рыночной системой развития создал основы конкуренции. Это является особенностью в контексте становления конкуренции в России. На переход России от социалистических общественных отношений к капиталистиче-

ским влияют ее традиционные социально-культурные особенности и современные процессы, происходящие внутри государства, в его обществе.

Объективные российские социально-культурные факторы конкуренции выражены, прежде всего, в традициях, ценностных ориентациях людей и их обществ¹⁰. В частности, российские коллективистские, кооперационные традиции так или иначе влияют на проявления конкурентных отношений между субъектами, передаются из поколения в поколение. В эти традиции заложена историческая память, которая способствует регулированию процессов взаимодействия между субъектами и принятию таких решений, которые не допустили бы разрушительной конкурентной борьбы, войны как ее крайней формы.

Как показывают результаты проведенных автором в период с 2005 по 2010 гг. эмпирических исследований и повторного исследования по этой же программе в 2013–2015 гг. в различных организациях городов Москва, Тула, Чебоксары на выборке в 900 человек (250 менеджеров среднего и высшего уровней, 150 предпринимателей, 200 специалистов, 300 сотрудников вузов), конкуренция в современной России не реализуется в полной мере, она не носит жесткого характера. По мнению 74,8% респондентов, традиции взаимопомощи, сотрудничества, солидарности российского общества смягчают процессы конкуренции. Результаты первого и повторного опросов не имеют значимой разницы. Желаемыми формами взаимодействия субъектов профессиональной деятельности для 78,5% опрошенных являются кооперационные формы, такие как сотрудничество, взаимопомощь, компромисс.

Тем не менее, поскольку в России реализуется капиталистическая система общественных отношений, также проявляются основные черты конкуренции.

На конкуренцию в России воздействуют внутренние и внешние факторы. К внешним международным социально-политическим тенденциям конкуренции мы относим социальное неравенство между народами, государствами, ускорение роста народонаселения планеты, миграционные процессы, передел территорий планеты (захват территорий, войны как способ реализации захвата), развитие информационно-коммуникативных технологий и связанные с ними информационные войны, международный терроризм, политические конфликты, гонка вооружений и распространение оружия массового поражения и т.п. Одной из важнейших основ социальной конкуренции является глобализация. Глобализация обостряет международную конкуренцию, конкуренцию на рынке труда, способствует

¹⁰ Гордеев Р.В. Кросс-культурные проблемы международного менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. 1998. № 1. С. 11–23.

вытеснению рабочей силы в странах за счет внешней рабочей силы, мигрантов, снижающих уровень зарплаты, качества деятельности, ответственности за ее результаты и т.п.

Основу международной конкуренции составляет ускоренное и беспощадное использование государствами жизненно важных природных ресурсов планеты для обеспечения собственных конкурентных преимуществ в производственной сфере, социально-экономическом развитии страны в целом. В настоящее время решение проблемы недостатка ресурсов осуществляется за счет территориального передела планеты как процесса перераспределения ее ресурсов, их захвата некоторыми субъектами международных отношений¹¹. Современный передел территории осуществляется некоторыми государствами с экспансионистской целью овладения ресурсами планеты и господства в мире как конечной целью международной конкуренции. В современных условиях гонки вооружений, агрессивной политики распространения политического и экономического влияния США на другие страны, в том числе и Россию, и их стремления к мировому господству, глобальная конкуренция приобрела форму активной информационной войны.

К основным внутригосударственным факторам конкуренции мы относим: демографические — прирост населения, наличие беженцев и переселенцев, половозрастные особенности, социальные — мобильность населения, социально-психологический микроклимат, условия для получения образования, переподготовки кадров, смены профессии, повышения квалификации, особенности расселения — наличие мегаполисов, крупных, малых, средних городов, размещение промышленных и сельскохозяйственных объектов, социально-экономические — состояние экономики, стратификация общества, качество жизни общества, возможности потребления, трудовая миграция, денежно-кредитная и инвестиционная политика, наличие финансовых ресурсов, производственная и сельскохозяйственная инфраструктура и т.п., государственно-правовые — поддержка предпринимательства и бизнеса, формирование законодательной базы ведения конкуренции, налогообложения доходов хозяйствующих субъектов и др., экологические — наличие природных ресурсов, их использование и воспроизводство, поддержание нормативного природно-экологического состояния, социально-культурные факторы — ценностные ориентации, традиции сложившийся уклад жизни общества, научно-технический прогресс, информационная инфраструктура.

Современные ведущие глобальные тенденции мирового развития и процессы, происходящие внутри государства, так или иначе

¹¹ Козиков И.А. Современные цивилизационные тенденции в контексте ноосферизации человечества // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 113–128.

вливают на процессы конкуренции в рассматриваемом нами аспекте. Они стимулируют российское общество к мобилизации и сплочению, успешной реализации программы импортозамещения, повышению качества жизни общества, социально-экономическому развитию страны в целом. В “Концепции социально-экономического развития России до 2020 года” записано, что в России повышение национальной конкурентоспособности является комплексной задачей, успех которой определяется развитием человеческого капитала, экономических институтов, созданием новых конкурентных преимуществ, связанных с формированием мощного научно-технологического комплекса и экономики знаний. В этой связи будет проводиться усиленная политика по повышению уровня квалификации кадров всех сфер деятельности¹².

Процессы, происходящие в российском обществе, влияют на особенности проявления конкуренции между коллективными субъектами профессиональной деятельности. К сожалению, это влияние в литературе исследовано недостаточно.

Несмотря на значительное число работ по проблематике конкуренции в различных областях науки отсутствует единое понимание этого феномена. В биологии конкуренция рассматривается как соревнование между особями одного или разных видов за средства существования и условия размножения; в экономике — как борьба хозяйствующих субъектов и объективные условия их деятельности; в политике — как борьба акторов политики между партиями за власть; в рамках педагогической науки — как условия, в которых находится личность учащегося, требующая формирования конкурентоспособности. Анализ социально-психологических исследований в сфере конкуренции (В.С. Агеев, Г.М. Андреева, Н.В. Гришина, А.А. Ершов, А.Г. Лебон, Д. Майерс, В.П. Позняков, Н.М. Розанова, Дж. Тэрнер, Г. Тэджфел, А.Г. Шмелев, М. Дойч, Д. Катц, А. Пископпель, А. Раппорт, Р. Франк и др.) показал, что сущность конкуренции сводится к пониманию ее как конфликтного взаимодействия субъектов. Классики психоанализа З. Фрейд, К. Хорни считают, что конкуренция не является сугубо биологически обусловленным явлением, а есть результат социокультурных условий, в которых соперничество имеет место в жизни человека с колыбели до самой смерти. Различным социологическим аспектам конкуренции посвящены работы таких отечественных и зарубежных ученых, как М. Вебер, С.И. Григорьев, Э. Дюркгейм, Л.А. Емельянова, В. Зомбарт, М. Кастельс, П. Кропоткин, К. Маркс, Р. Мертон, Г.В. Осипов, В.В. Радаев, А.К. Сен-Симон, П.А. Сорокин, А. Тоффлер, Ж.Т. Тощенко, С.С. Фролов, Ш. Фурье, Ф.А. Хайек и др.

¹² Концепция социально-экономического развития России до 2020 года. URL: <http://protown.ru/information/doc/7272.html> (дата обращения: 10.03.2018).

В социологическом энциклопедическом словаре конкуренция определяется как: 1) “соперничество, борьба индивидов или социальных групп за обладание ограниченными благами; 2) нормативно регулируемый социальный процесс, в ходе которого индивиды или группы стремятся к одной и той же цели, достижение которой одними исключает других, в отличие от кооперации и сотрудничества; 4) борьба за наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров, характерная для товарного производства, основанного на частной собственности на средства производства; 4) в биологии — взаимоотношения между организмами одного и того же или разных видов, основанные на борьбе за средства существования и условия размножения”¹³. По определению М. Вебера, конкуренция — это “формально мирное состязание за возможность распоряжаться теми шансами, которые вожделем также и другие действующие”¹⁴. К. Маркс рассматривал конкуренцию как особую форму соревнования в промышленности. По его мнению, промышленное соревнование разворачивается в производственной сфере. Конкуренция проявляется в торговле как погоня за прибылью путем спекуляции вне производства¹⁵. В. Зомбарт, немецкий социолог, историк и экономист, в своем труде “Современный капитализм” определяет конкуренцию как борьбу цен на товары через рекламу, отражающую возможность победы в конкурентной борьбе. При этом он выделяет три формы конкуренции, основанные на: 1) эффективности (ценовая); 2) внушении (через рекламу); 3) насилии, применяемом крупными компаниями, ориентированными на монополию. Он называет предпринимателями людей, сочетающих в своем характере характеры и разбойника, и хваткого калькулятора, и феодала, и спекулянта¹⁶. Р. Мертон писал, что в рамках такого специфического института, как наука, существует жесткая конкуренция как борьба за карьеру, престиж, более высокий социальный статус. В конкуренции ее участники защищают личные интересы, используют при этом обман и другие недозволенные приемы¹⁷. Австрийский социолог и экономист Ф. Хайек рассматривал конкуренцию как механизм координации, распространения и освоения знания, процедуру открытия. По его мнению, на рынке только благодаря конкуренции

¹³ Социологический энциклопедический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, М., 2010. С. 137.

¹⁴ Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология в 2-х ч. / Сост. и ред. С.П. Баньковская. М., 2002. Ч. 1. С. 117.

¹⁵ Маркс К. Капитал. СПб., 2018. С. 432–454.

¹⁶ Зомбарт В. Современный капитализм: В 2-х тт. М., 1905. http://www.rusbibliophile.ru/Book/Zombart_V_Sovremennyy_kapital (дата обращения: 03.03.2018).

¹⁷ Мертон Р. Социология науки: теоретические и эмпирические исследования (1973 г.). URL: <http://fb.ru/article/224658/robert-merton-biografiya-znamenitogo-sotsiologa-vklad-roberta-mertona-v-sotsiologiyu> (дата обращения: 07.02.2018).

скрытое становится явным, эффект конкуренции состоит в том, что некоторые ожидания не оправдываются, а намерения не реализуются¹⁸. С.С. Фроловым конкуренция определяется как “борьба между индивидами, группами или обществами за овладение ценностями, запасы которых ограничены и неравным образом распределены между индивидами или группами (это могут быть деньги, власть, статус, любовь, признательность и другие ценности)”¹⁹. По мнению О. Тоффлера, “конкуренция — это процесс, посредством которого люди получают и передают знания, она ведет к лучшему использованию знаний и способностей. Основой глобальной конкуренции является не насилие, не деньги, а знание, которое способствует приумножению богатства и силы”²⁰. Социологическая сущность конкуренции для Г. Зиммеля заключается, прежде всего, в том, что это опосредованная борьба, направленная на объективную цель. Конкуренция не предполагает нанесения непосредственного вреда противнику или его устранение. Скорее она вытекает из стремления обеих сторон к одной и той же цели. В отличие от других видов борьбы конкуренция не проходит в виде наступлений или отступлений, потому что объект конфликта не находится в руках кого-либо из противников. Конкуренция относится к тем видам борьбы, в которых устранение противника само по себе не является победой²¹.

Особенностью подхода к вопросам конкуренции в рамках экономической социологии является анализ взаимоотношений конкурирующих агентов и тех специфических контекстов, в которых они находятся. Конкуренция в рамках экономической социологии рассматривается как поведенческая характеристика, а не как характеристика структуры рынка. По мнению В.В. Радаева, “конкуренция — это действия двух и более участников рынка, нацеленные на получение одного и того же ограниченного ресурса, доступного при определенных усилиях с их сторон”²². С.И. Григорьев рассматривает конкуренцию как “борьбу за прибыль, конкурентоспособность товаров и услуг, в которой конкуренты применяют легитимные и нелегитимные методы, способы и приемы”²³. По определению К. Боулдинга, конкуренция есть конфликт, в котором одна сторона стремится занять позицию, несовместимую с желаниями другой

¹⁸ Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С. 185–195.

¹⁹ Фролов С.С. Социология: Уч. М., 1994. С. 187.

²⁰ Тоффлер О. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге 21 века. М., 2003. С. 62.

²¹ Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. М., 2007. С. 212.

²² Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций. М., 2000. С. 320.

²³ Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 2001. С. 219.

стороны. Следует подчеркнуть, что К. Боулдингом сформулирован принцип “скэрсити” (от англ. *scarcity*), т.е. ограниченности, дефицита, недостатка каких-либо материальных или других ресурсов и благ, что вызывает у человека и общества в целом стремление к борьбе за их получение²⁴.

Ж.Т. Тощенко говорит о важности социологической информации в политической, экономической конкуренции. По его мнению, сейчас невозможно представить политическую борьбу, особенно в процессе избирательной компании, без привлечения социологической информации, также как и экономические отношения в стране без ее использования в процессе рекламной деятельности²⁵.

Проанализировав все приведенные выше определения конкуренции социологов и других специалистов, мы пришли к выводу о том, что в основном конкуренция определяется специалистами-представителями различных наук, в том числе и социологии, как поведенческая характеристика через категорию “соперничество” или “борьба” за ограниченные ресурсы.

В нашем аспекте конкуренция определяется как система взаимодействия индивидуальных, групповых и коллективных субъектов профессиональной деятельности, характеризующаяся достижением целей деятельности и преимуществ в условиях противоборства с добивающимися этих же целей и преимуществ другими субъектами. Целью субъектов профессиональной деятельности в условиях конкуренции является достижение наилучшего результата деятельности за минимальное количество затраченного времени, позволяющее иметь конкурентные преимущества. Это определение можно распространить и на содержание социальной конкуренции в целом. Конкуренция субъектов профессиональной деятельности нами рассматривается как составляющая социальной конкуренции. Содержание социальной конкуренции имеет определенную структуру, которая включает субъектов конкурентного взаимодействия, цель деятельности, конкурентные мотивы (достижение успеха, лидерских позиций, высокого материального благополучия, престижности и др.), процесс, направленный на достижение успеха в конкуренции и сопряженный с мобилизацией интеллектуальных и (или) физических ресурсов, результат, выявляющий позиции лидера (победителя) и побежденного (аутсайдера)²⁶. Данная структура присуща всем

²⁴ Социологические теории конфликта (Козер, Дарендорф, Боулдинг). URL: smartcat.ru/referat/economics/sociologiability.html (дата обращения: 01.03.2018).

²⁵ Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 23–36.

²⁶ Емельянова Л.А. Концепция конкуренции и конкурентоспособности коллективных субъектов деятельности: социально-психологический подход. Монография. М., 2013. С. 129.

субъектам, вступающим в конкурентное взаимодействие. Субъектами конкуренции могут выступать индивид, малая, большая группа, коллектив. В процессе конкуренции каждый субъект удовлетворяет свою потребность в самореализации в профессиональной деятельности. В процессе деятельности в условиях конкуренции достигается определенный результат, квалифицируемый как высокий, средний и низкий. Высокий результат предполагает высокое качество деятельности, что определяет конкурентоспособность субъекта.

Конкуренция основывается на определенной мотивации субъектов профессиональной деятельности. В конкуренции имеют место следующие основные мотивы коллективных субъектов деятельности: престижность в обществе, значимость деятельности для общества, патриотизм, содействие развитию, процветанию организации, достижению успеха, высокой заработной платы, высокого материального благополучия, стремление соответствовать высокому уровню профессиональной компетентности и др. Результаты профессиональной деятельности субъектов в конкуренции рассматриваются в сравнении и характеризуются количественными и качественными показателями. Количественные характеристики результатов деятельности в конкуренции определяются такими показателями, как “больше — меньше” и т.п. Качественные показатели выражаются в следующих характеристиках: “лучше — хуже” и т.п. Конкурентное преимущество выявляется при сравнении полученных результатов субъектами в их профессиональной деятельности. В конкуренции предпочтение отдается тому субъекту, у которого результат деятельности обладает наилучшими количественными и качественными показателями. Как правило, в конкуренции предпочтительный результат профессиональной деятельности субъектов определяется характеристиками, выраженными прилагательными в сравнительно-превосходной степени.

Таким образом, конкурентным преимуществом обладает субъект, достигший наилучшего результата деятельности в условиях конкуренции, ему отдается предпочтение. Результаты профессиональной деятельности определяются позициями победителя (лидера) и побежденного (аутсайдера). Субъект, достигший наилучших результатов деятельности в конкуренции, обладает конкурентоспособностью. Он является победителем, ему и результатам его деятельности отдается предпочтение.

Результаты профессиональной деятельности, протекающей в условиях конкуренции, в большей степени зависят от особенностей субъекта, профессиональной компетентности, опыта. Более опытный субъект с высоким уровнем профессиональной компетентности, волевой, обладающий стрессоустойчивостью имеет большие возможности победить в конкуренции. Для лидера конкуренции необхо-

димо иметь направленность, основанную на глубоких нравственных убеждениях, на нравственных нормах жизнедеятельности общества. Лидер конкуренции не должен производить впечатления исключительности, образца, достичь которого невозможно никому. Лидер добивается высоких показателей и формирует свои достоинства работой над самим собой, беспрестанной учебой, совершенствованием своих умений и навыков. Он активен в профессиональной деятельности, в реализации норм нравственных отношений между людьми, норм профессиональной этики. Однако имеют место в жизнедеятельности ситуации, когда конкурентных преимуществ добиваются субъекты, использующие любые средства, в том числе и недозволенные. При недобросовестной конкуренции доминирующим может быть мотив достижения первенства посредством распространения ложной информации о конкуренте, порочащей его репутацию, негативного мнения о нем и даже его уничтожения, как это происходило на начальной стадии становления капиталистической системы общественных отношений в России, когда еще не были сформированы опыт ведения конкурентной борьбы и государственные механизмы ее регулирования.

В условиях конкуренции у субъекта может наблюдаться ориентация на исключительность результата деятельности в сравнении с результатом деятельности конкурентов. Методам, средствам достижения высокого результата деятельности победитель (лидер) конкуренции не обучает своих конкурентов. Эти методы и средства являются его конкурентным преимуществом. И чем более продолжительное время победитель будет сохранять конкурентное преимущество в тайне от своих соперников, тем больше возможности у него оставаться на лидирующих позициях. И в этом он заинтересован. В этой связи важным становится определение лидером конкуренции субъекта, характеризующегося не только высокими профессиональными показателями, но и гражданскими достоинствами. Лидер должен отличаться ценностными ориентациями, отвечающими общественно значимым целям.

Проявления конкуренции различны в конкретных ее типах. В нашем исследовании на основе различных критериев мы выделяем:

1) межличностную, групповую, коллективную, социальную конкуренцию в зависимости от ее субъектов, которыми могут являться индивидуальные, групповые, коллективные, социальные;

2) внутреннюю конкуренцию, реализующуюся внутри организации между ее структурными подразделениями; внешнюю конкуренцию, проявляющуюся между государствами, разными организациями одной отрасли и т.д.;

3) опосредованную конкуренцию, когда субъекты конкурентного взаимодействия разведены во времени, пространстве, специфике

деятельности; непосредственную конкуренцию, когда субъекты конкурируют напрямую друг с другом, в ходе непосредственного состязания. Эти два типа конкуренции можно рассматривать как безличную и личную. Последний тип соответствует непосредственной конкуренции, безличная — опосредованной;

4) конструктивную конкуренцию (основными средствами выступают принятые нормы и правила конкурентного взаимодействия, нравственные ценности (честность, справедливость)); деструктивную конкуренцию (когда субъекты используют методы и средства, связанные с нарушением принятых норм морали и правил взаимодействия, чтобы выйти “победителем”, когда для достижения цели все средства хороши);

5) партнерскую конкуренцию, когда присутствует ненапряженное общение между конкурирующими субъектами, сохраняется доброжелательность друг к другу, не нарушается деятельность и взаимоотношения, субъекты воспринимаются как партнеры; конфронтационную, когда появляются коммуникативные барьеры, нарушаются взаимоотношения и деятельность конкурентов, которые в определенных случаях воспринимаются как враги по отношению друг к другу.

Социальная конкуренция, в том числе и конкуренция субъектов профессиональной деятельности, выполняет положительные и отрицательные функции. Положительные функции конкуренции субъектов профессиональной деятельности выражаются в том, что она способствует формированию мотивации достижения успеха в профессиональной деятельности субъектов, повышению их профессиональной компетентности, конструктивным формам взаимодействия, самосовершенствованию и развитию, удовлетворению потребностей субъектов деятельности.

В конкуренции реализуются и негативные функции. Конкуренция предполагает статусы победителя и побежденного, при этом вызывает переживание негативных эмоций у последнего. Она может вызвать конфликтное взаимодействие и желание удовлетворить в первую очередь собственные интересы в ущерб интересам других. Конкуренция у субъектов деятельности усиливает неуверенность, страх не соответствовать ее условиям, проиграть, снижает самооценку субъектов, портит доверительные отношения, допускает использование любых методов и средств для достижения победы в ней, может привести к нарушению взаимоотношений и деятельности.

Таким образом, содержание понятия социальной конкуренции сложное, ее исследование носит многоаспектный и междисциплинарный характер. В связи с этим при исследовании необходимо учитывать, что она проявляется в различных сферах жизнедеятель-

ности общества: социальной, экономической, политической — и имеет свои особенности. Конкуренция субъектов профессиональной деятельности как один из видов социальной конкуренции имеет определенную структуру, типологию, положительные и отрицательные стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьева Н.В., Мещеряков Т.В., Никифоров А.В. и др. История экономических учений. СПб., 2008.

Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология в 2-х ч. / Сост. и ред. С.П. Баньковская. М., 2002. Ч. 1.

Гордеев Р.В. Кросс-культурные проблемы международного менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. 1998. № 1. С. 1–28.

Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 2001.

Гумплович И. Основы социологии. СПб., 1899.

Дарвин Ч. Происхождение видов. М., 1939.

Емельянова Л.А. Концепция конкуренции и конкурентоспособности коллективных субъектов деятельности: социально-психологический подход. Монография. М., 2013.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Козиков И.А. Современные цивилизационные тенденции в контексте ноосферизации человечества // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 113–128.

Кропоткин П.А. Взаимопомощь среди животных и людей. Минск, 2006.

Маркс К. Капитал. СПб., 2018.

Новиков Я. Социальный дарвинизм. М., 1906.

Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций. М., 2000.

Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1997.

Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. М., 2007.

Зомбарт В. Современный капитализм: В 2-х тт. М., 1905. URL: http://www.rusbibliophile.ru/Book/Zombart_V_Sovremennyj_kapital (дата обращения: 03.03.2018).

Социологические теории конфликта (Козер, Дарендорф, Боулдинг). URL: smartcat.ru/referat/economics/sociologiability.html (дата обращения: 01.03.2018).

Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Т. 1. Прогресс, его закон и причина. URL: http://society.polbu.ru/spenser_experiences/ch03_i.html (дата обращения: 12.03.2018).

Тоффлер О. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге 21 века. М., 2003.

- Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 23–36.
- Фролов С.С. Социология: Уч. М., 1994.
- Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000.

REFERENCES

- Afanaseva N. V., Meshcheryakov T. V., Nikiforov A. V. i dr. Istoriya ekonomicheskix uchenij [History of Economic Thought]. SPb., 2008 (in Russian).
- Darvin Ch. Proishozhdenie vidov [Origin of Species]. M., 1939 (in Russian).
- Emelyanova L. A. Konceptsiya konkurencii i konkurentosposobnosti kollektivnyh sub"ektov deyatel'nosti [The Concept of Competition and Competitiveness of Collective Subjects of Activity]. M., 2013 (in Russian).
- Frolov S. S. Sociologija. Uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij [Sociology. Textbook for higher educational institutions]. M., 1994 (in Russian).
- Gordeev R. V. Kross-kul'turnye problemy mezhdunarodnogo menedzhmenta [Cross-cultural problems of international management] // Menedzhment v Rossii i za rubezhom [Management in Russia and abroad]. 1998. N 1. S. 1–28 (in Russian).
- Grigor'ev, S. I. Osnovy vitalistskoj sociologii XXI veka [Vitalist sociology: the paradigm of the present and future]. Barnaul, 2001 (in Russian).
- Gumplovich J. I. Osnovy sociologii [Fundamentals of Sociology]. SPb., 1899 (in Russian).
- Hajek F. A. Individualizm i ehkonomicheskij poryadok [Individualism and economic order]. M., 2001 (in Russian).
- Kastel's M. Informacionnaya ehpoxa: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. M., 2000 (in Russian).
- Kozikov I. A. Sovremennye civilizacionnye tendencii v kontekste noosferizacii chelovechestva [Modern Civilization Trends in the Context of Noosphere of Humanity] // Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2017. N 3. P. 113–128 (in Russian).
- Kropotkin P. A. Vzaimopomow' sredi zhivotnyh i ljudej [Mutual assistance among animals and humans]. Minsk, 2006 (in Russian).
- Marks K. Kapital [Capital]. SPb., 2018 (in Russian).
- Novikov Ja. Social'nyj darvinizm [Social Darwinism]. M., 1906 (in Russian).
- Radaev V. V. Jekonomicheskaja sociologija: Kurs lekcij [Economic sociology. Lecture course]. M., 2000 (in Russian).
- Rossijskaja sociologicheskaja jenciklopedija [Russian sociological encyclopedia] / Pod red. G. V. Osipova. M., 1998 (in Russian).
- Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [A Study on the Nature and Causes of the Wealth of Peoples]. M., 1997 (in Russian).
- Sociologicheskie teorii konflikta (Kozer, Darendorf, Boulding) [Sociological theories of conflict (Cozer, Darendorf, Boulding)]. URL: smartcat.ru/referat/economics/sociologiability.html (accessed: 01.03.2018) (in Russian).
- Spenser G. Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie [Experiences of science, politics and philosophy]. T. 1. Progress, ego zakon i prichina [Progress, its law and

reason]. URL: http://society.polbu.ru/spenser_experiences/ch03_i.html (accessed: 12.03.2018) (in Russian).

Sumner W.G. Folkways. A study of the sociological importance of usages, mores, and morals. Boston, 1907.

Toffler E.H. Metamorfozy vlasti: znanie, bogatstvo i sila na poroge 21 veka. [Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century]. M., 2003 (in Russian).

Towenko Zh.T. Novye tendencii v razvitanii rossijskoj sociologii [New trends in the development of Russian sociology] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanitarian of the South of Russia]. 2013. N 1. P. 23–36 (in Russian).

Veber M. Osnovnye sociologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts] // Teoreticheskaya sociologiya: antologiya v 2-x chastyax [Theoretical sociology: Anthology in 2 parts] / Sost. i red. S.P. Bankovskaya. M., 2002. Ch. 1 (in Russian).

Zimmel' G. Social'naja differenciacija. Sociologicheskie i psihologicheskie issledovanija [Social differentiation. Sociological and psychological research]. M., 2007 (in Russian).

Zombart V. Sovremennyy kapitalizm: V 2 tt. [Modern Capitalism]. M., 1905. URL: http://www.rusbibliophile.ru/Book/Zombart_V_Sovremennyj_kapital (data obratcsheniya: 03.03.2018) (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-254-272

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

А.Ю. Станевич, асп. кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119034*

Данная статья акцентирует внимание на прикладном аспекте изучения политических настроений. Определение изучаемого феномена автор дает на основании теоретического анализа подходов социологов к изучению политического настроения.

Прикладной аспект данной работы связан с анализом результатов, полученных в ходе инициативного всероссийского опроса, который был проведен 15–25 декабря 2017 г. В опросе приняли участие молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Метод исследования — онлайн-опрос. Согласно авторскому определению, политические настроения раскладываются на следующие категории: оценки политической жизни, политические ожидания и политическое поведение личности. Данные категории служат основой для формирования групп индикаторов, по которым проводится авторский опрос. Оценки политической жизни выражаются следующими индикаторами: интерес к политике, мнения о демократии, взаимодействие с властью, оценки властей, оценки политической обстановки и оценки оппозиционных настроений. Политические ожидания понимаются как совокупность следующих индикаторов: ожиданий от власти и от выборов президента в марте 2018 г. Политически направленное поведение — это намерение лично участвовать в политике и формы участия, готовность голосовать и выходить на митинги. Автор предлагает ознакомиться с результатами собственного опроса, в которых делается акцент на демографических особенностях политических настроений молодежи России.

По результатам опроса было выявлено, что политические настроения молодежи России парадоксальны по своей природе: с одной стороны, молодые люди дают нейтрально-негативные оценки политической жизни, с другой стороны, они настроены на стабильность и при этом демонстрируют низкую политическую активность.

* Станевич Анастасия Юрьевна, e-mail: lluviaconsol1@gmail.com

Ключевые слова: политическое настроение, социальное настроение, общественное мнение, массовое сознание, молодежь, политическая активность, оценки политической жизни.

POLITICAL MOODS OF RUSSIAN YOUTH: COMMON STATE AND DISTINCTIVE FEATURES

Stanevich Anastasia Yu., Post-Graduate Sstudent, Faculty of sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow state linguistic university, st. Ostozhenka, 38, Moscow, Russian Federation, 119034, e-mail: lluviaconsol1@gmail.com

The following article highlights the applied aspect of studying of political moods. The author gives definition of under investigation phenomena on the grounds of theoretical analysis of approaches of sociologists to studying of political moods.

The applied aspect of given work is connected with analysis of results gathered during initiative all-Russian poll which was conducted on December 15–25 of 2017. The poll was executed among young people in the age of 18–30 years old. The survey was conducted online. According to the author's definition, political moods include the following categories: political attitudes, political expectations and political behaviour. Given categories provide the basis for formation of indicator groups, on which the author's survey is conducted. The following indicators express political attitudes: interest to politics, attitudes to democracy, interaction with the authority and their evaluation, evaluation of political atmosphere and attitudes towards opposition. Political expectations are understood as the set of the following indicators: expectations from authority and from presidential elections in March 2018. Politically directed behaviour is understood as intention to participate personally in politics and the forms of participation, readiness to vote and to participate in protest actions. The author offers to review the results of her survey, in which it is emphasized on demography features of political moods of Russian youth.

By results of the survey, it was revealed that political moods of Russian youth are contradictory: on the one hand, young people give neutral-negative evaluations of political reality, on the other hand, they are set-up to stability and at the same time, they demonstrate low political activity.

Key words: political mood, social mood, public opinion, mass consciousness, youth, political activity, political attitudes.

Современное российское общество остро нуждается в проведении стабильной и целенаправленной политики с максимальным охватом различных слоев населения для качественного преобразования. Однако стоит учесть, что наиболее безболезненно реформы будут происходить в том случае, если они будут понятны обществу, приняты им, в противном случае существует риск появления общественной травмы. Другими словами, успех поставленных задач

обусловлен откликом в обществе, одним из индикаторов состояния которого выступают его политические настроения. Настроения часто меняют свою форму и содержание, отображая ключевые тенденции, трансформировавшиеся ценности и ориентации. И здесь ключевая задача исследователя — вовремя сделать срез настроений, чтобы зафиксировать эту общественную температуру и проанализировать текущее состояние общества.

Теоретико-методологическую основу исследования представляют труды ученых-социологов, социальных психологов и политологов. Для уточнения определения социальных настроений автор опирался на работы социологов Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко. Также были рассмотрены подходы к изучению политических настроений — Г.Г. Дилигенского, Д.В. Ольшанского, Т.В. Плотниковой, А.И. Соловьева, Е. Б. Шестопаля.

Теоретический анализ изучаемого феномена — политических настроений — дал основу для формулирования его авторского определения. Итак, в рамках данного исследования политические настроения — это динамическая форма массового политического сознания, которая включает в себя положение человека в обществе, его вовлеченность в политические процессы, отражает удовлетворенность или неудовлетворенность событиями политической жизни, их оценку в соответствии со своим жизненным опытом и определяет способность к политически значимому действию в зависимости от фазы своего развития.

Исходя из авторского определения, политические настроения могут быть рассмотрены в ключе трех групп компонентов: 1) оценок политической жизни, 2) политических ожиданий и 3) политически направленного поведения личности. Данные группы компонентов послужили основой для инструментария, с помощью которого проводился авторский онлайн-опрос, в нем приняли участие юноши и девушки в возрасте от 18 до 30 лет. Выборка составила 1625 человек. Полевой этап проходил 15–25 декабря 2017 г. Выборка квоотировалась по полу, возрасту и месту проживания респондента.

Ниже проведен описательный анализ каждого из компонентов политического настроения поочередно.

1. Оценки политической жизни

Интерес к политике. Как показало исследование, половина молодых граждан проявляет интерес к политике, чуть меньше заинтересован каждый третий, а совершенно не интересующихся всего 16%. Ответы респондентов распределились следующим образом: сильный пол интересуется политикой гораздо больше, чем слабый — 64% юношей проявляет к политике явный интерес, в то время как та же

самая доля девушек не интересуется политикой или интересуется ею частично¹. В возрастных подгруппах также было замечено значимое различие, которое выражается в возрастании интереса к политике к 30 годам. Данные, полученные в ходе авторского опроса, могут быть соотнесены с опросом ФОМ, по результатам которого каждый второй опрошенный молодой человек интересуется политикой и прослеживается рост интереса с возрастом². Было замечено, что интерес к политике возрастает с ростом материального положения респондента.

Несмотря на относительно высокий интерес к политике, 59% молодежи считают, что люди устали от нее. Особенно так считают девушки (63% против 54% у юношей) и респонденты с низким материальным достатком (64% против 49% у наиболее обеспеченных). Ближе к 26–30 годам у респондентов возрастает усталость от политики (63% против 55% у подгруппы 18–21 год), и то же наблюдается в небольших городах, поселках городского типа (ПГТ) и селах: Москва и Санкт-Петербург оказались в этом смысле “бодрее”. По данным ВЦИОМ 2011³ и 2016 гг. было выявлено, что, во-первых, чем старше респондент, тем больше он отмечает усталость от политики, причем выявленная тенденция проявляется как среди молодежи, так и в группах более старшего возраста, а во-вторых, раньше эта усталость была выражена больше, нежели сейчас.

Демократия в России и путь России — следующие составляющие оценок политической жизни. По мнению половины опрошенных, демократии в России слишком мало, и больше всех так склонны думать юноши (54%), возрастная группа 18–21 год (54%), особо интересующиеся политикой (55%), поддерживающие необходимость оппозиции (61%), а также жители Москвы (54%) и ЦФО (57%). Среди жителей небольших городов, ПГТ и сел оценки смещаются в сторону тех, кто отмечает, что демократии в стране слишком много: так думает каждый четвертый. К ним присоединяется молодежь старшего возраста (26–30 лет) и противники оппозиции. С ростом материального положения возрастает и доля респондентов, которые полагают, что демократии в стране столько, сколько нужно — так склонен считать каждый пятый среди опрошенных с достатком выше среднего (21%).

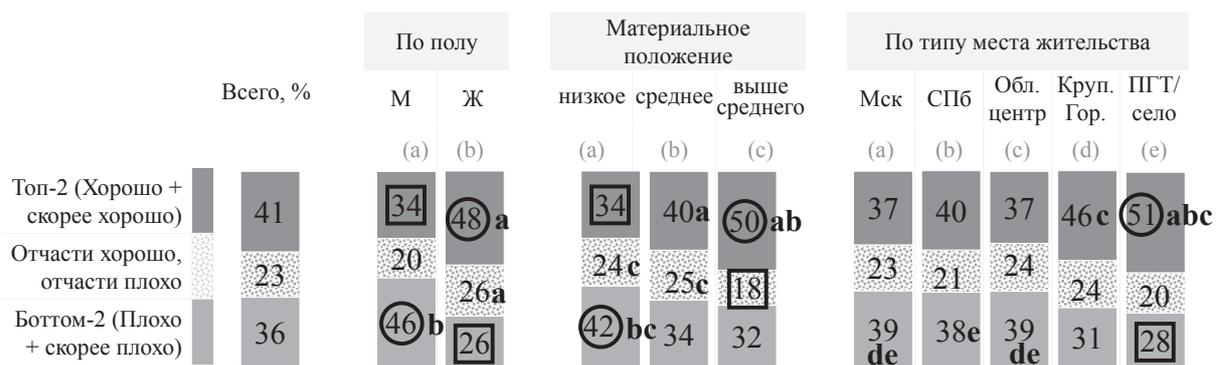
Далее проанализируем индикаторы “**взаимодействие с властью**” и “**оценка своего влияния на нее**”. Проведенный опрос показал, что в большинстве своем российская молодежь живет, полагаясь только на себя, избегая вступать в контакт с властью (70%)

¹ Статистически значимые различия здесь и далее определяются при помощи Z-критерия Фишера. Уровень значимости 95%.

² Интерес молодежи к политике. URL: <http://fom.ru/Politika/13285> (дата обращения: 13.02.2018).

³ Интерес к политике. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=727&q_id=52632&date=12.06.2011 (дата обращения: 13.02.2018).

и дает низкие оценки своего влияния на принятие государственных решений в стране (60%). Вот что отмечает политолог К. Калачев: “Граждане ориентированы на патернализм со стороны государства, но при этом предпочитают минимизировать свои контакты с представителями власти”⁴. Отмеченный тренд остается неизменным с 2013 г., даже в период выборов, ведь выборы, как отмечают российские социологи, не инструмент изменения ситуации в стране, а всего лишь ритуал. Однако если посмотреть на ситуацию сквозь призму места жительства респондентов, то можно будет заметить, что в небольших городах, ПГТ и селах отметивших, что их жизнь во всем зависит от власти вдвое больше, чем в других типах населенных пунктов. Особо независимые и самостоятельные от власти — это респонденты без какого-либо интереса к политике (79%), пассивные в плане политических действий (75%) и те, кто высоко оценил необходимость оппозиции (74%). Стоит отметить пусть и небольшую долю людей, которые, вступая в контакт с властью, добиваются от нее того, что нужно. Всего таких 11%, однако среди сильно заинтересованных в политике их доля возрастает до 18%. Особо низкую оценку своего влияния на власть дают люди, которые не интересуются политикой и не намерены в ней участвовать (67%) и те, кто проигнорировал бы выборы (75%). Заинтересованные в политике (28%) и намеренные в ней участвовать (24%), ожидающие от президентских выборов в марте 2018 г. перемен (28%), и обладатели достатка выше среднего (17%) больше остальной молодежи в целом по выборке верят в свою способность влиять на принятие государственных решений в стране.

abc – значение выше, чем в другой группе, помеченной буквой

○ Значимо выше, чем всего

□ Значимо ниже, чем всего

Q: Как вы считаете, президент В. Путин работает на своем посту хорошо или плохо?

База: всего 1625 // 803/822// 509/ 681/ 398// 449/ 149/ 538/ 180/ 309

⁴ Неполитическая нация. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/13/nepoliticheskaya-natsiya/> (дата обращения: 15.02.2018).

Рис. 1. Оценка деятельности Президента, %

Данные позволяют считать, что говорить о тотальном подчинении власти не приходится — как минимум каждый пятый (максимум — каждый четвертый) молодой человек верит в свою потенциальную возможность что-либо изменить в стране.

Следующий компонент — *оценка деятельности действующего Президента*, В.В. Путина. Мнения молодежи разделились. Обратимся к рис. 1.

Безусловно положительно деятельность Президента оценивают 41%, 23% заняли нейтральную позицию, остальные дали отрицательную оценку. В каждой рассмотренной подгруппе были замечены различия следующего характера: во-первых, девушки склонны давать гораздо более высокие оценки Путину, нежели юноши. Во-вторых, существует тенденция улучшения оценок деятельности президента с улучшением материального положения респондента. Так, половина наиболее обеспеченных респондентов поставила Путину исключительно положительные оценки, в то время как подгруппа с низким материальным положением сделала это лишь в 34% случаев. В-третьих, размер населенного пункта имеет значение: чем он меньше, тем положительнее оценивается деятельность Президента. В-четвертых, люди с высшим образованием дают более высокие оценки, нежели со средним (44% против 32% по топ-2). В-пятых, было замечено неравномерное распределение по федеральным округам. Молодежь из СКФО (47%), ЮФО (50%) и УФО (52%) оценила деятельность Путина на “хорошо” и “скорее хорошо”, в то время как большая доля негативных оценок проявилась в ЦФО (45% по топ-2). И, наконец, число позитивных оценок Путина растет вместе с достатком респондента: наиболее обеспеченные опрошенные в половине случаев дали положительные оценки лидеру страны, в то время как наименее обеспеченные хорошо оценивают деятельность Президента в 34% случаев. Отметим еще одну деталь: почти половина респондентов (48%), которые не намерены участвовать в политике, дают положительные оценки деятельности Президента.

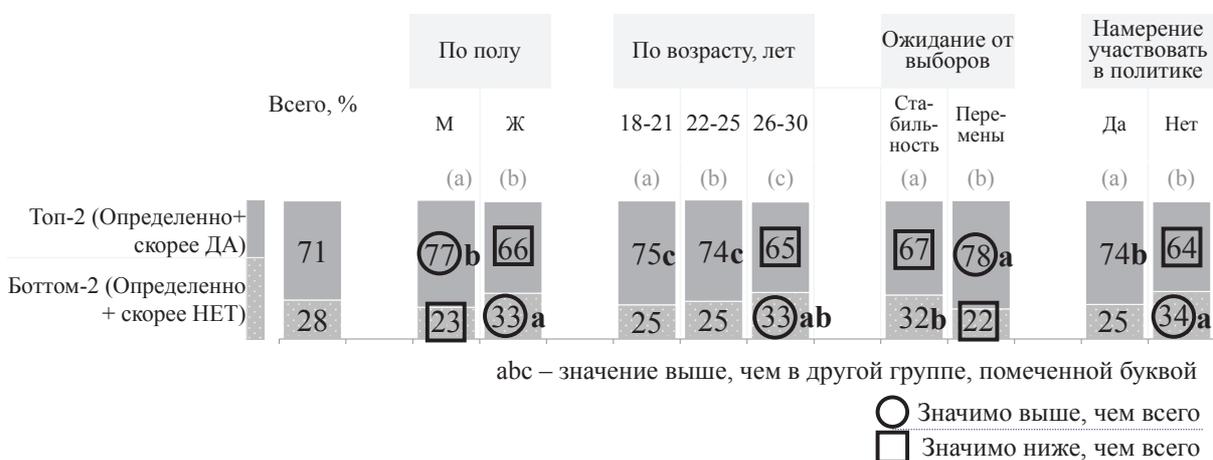
Перейдем к результатам распределения оценок по *оценке деятельности Правительства во главе с Д.А. Медведевым*. Значительная доля молодежи недовольна деятельностью Правительства: 65% ее не одобряет, причем возраст респондента в данном случае значения не имеет. Однако более лояльными оказались опять девушки (45% дали положительный и нейтральный ответ), респонденты с низким материальным положением, а также жители крупных городов, ПГТ и сел.

Низки и оценки *удовлетворенности политикой*. Рассмотрим по порядку особенности полученных оценок. *Внутренняя политика* не устраивает половину опрошенных (52%), что вдвое больше, чем

доля неудовлетворенных внешней политикой (26%). Как отмечает социолог “Левада-центра” Денис Волков, “во внешней политике мало кто разбирается досконально, а потому на первый план выходит внутренняя установка людей, которая формируется отчасти обществом, а отчасти — благодаря ТВ”⁵. Потому и притязания выше, больше требований к обстановке внутри страны, нежели вне ее.

Внешняя политика оценивается значительно выше, чем внутренняя: 29% молодежи ею довольны (в противовес 7% во внутренней политике). Доля давших нейтральные оценки осталась на прежнем уровне — 40%.

Оценка **необходимости оппозиции** — один из самых дискуссионных компонентов. Как отмечают в Левада-центре, “если в 2012 г. 72% опрошенных рассматривали оппозицию как необходимый элемент российского общества, то в 2014 г. их количество сократилось до 57%”⁶. Необходимость оппозиции наиболее очевидна становится на волне происходящих в стране выборов, в момент так называемого “гражданского подъема”. Да и митинги, которые проходили в 2011 и 2012 гг., имели связанные с выборами лозунги. К 2016 г. о необходимости оппозиции заявили 52% опрошенных, однако ближе к выборам ситуация меняется. На конец 2017 г. повысилась значимость наличия оппозиции российской власти и составила 71%, как и на время проведения выборов и активизации митингов в 2012 г. Рассмотрим особенности оценок необходимости оппозиции (рис. 2).

Q: Как вы считаете, нужна ли сейчас в России политическая оппозиция власти?
 База: всего 1625 // 803/822 // 536/ 498/ 591 // 1049/ 390 // 1097/ 525

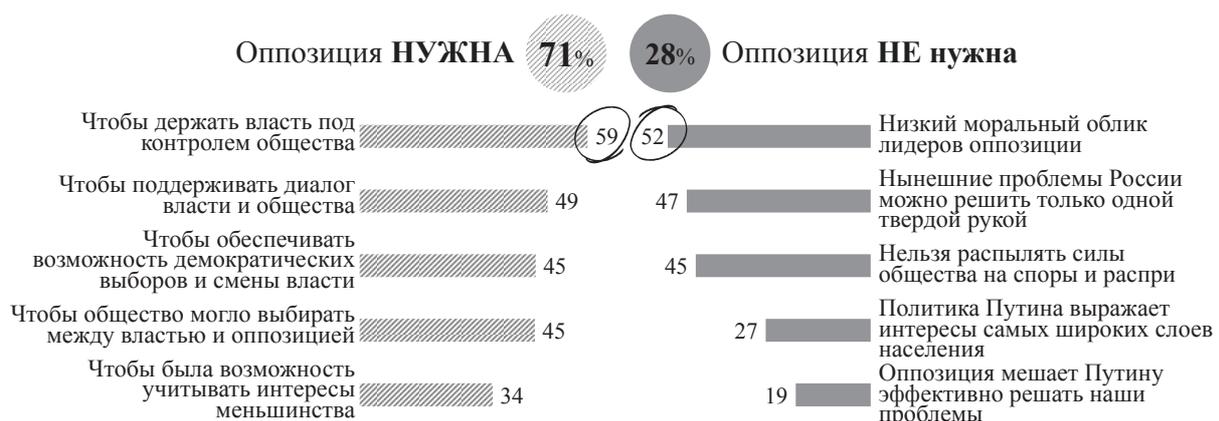
Рис. 2. Оценка необходимости оппозиции, %

⁵ Влияние телевизора. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/21/vliyanie-televizora/> (дата обращения: 02.03.2018).

⁶ Оппозиция: необходимость, узнаваемость и доверие. URL: <https://www.levada.ru/2016/03/14/oppozitsiya-neobhodomost-uznavaemost-i-doverie/> (дата обращения: 02.03.2018).

Несмотря на то что большинство молодежи склонно отмечать необходимость политической оппозиции власти, в некоторых подгруппах наблюдается сдвиг в сторону противников доминирующего мнения. Так, женщины и респонденты в возрасте 26–30 лет (33%) в меньшей степени склонны считать, что оппозиция власти нужна, того же мнения жители небольших городов, ПГТ и сел (38%). Большая доля противников оппозиции распределилась по ЮФО (39%) и СКФО (35%). Теперь обратимся к долям в подгруппах **“Ожидание от выборов”** и **“Намерение участвовать в политике”**. Несмотря на то, что наибольшая часть ожидающих стабильности от выборов — это респонденты, поддерживающие Путина, большинство все же склоняется к тому, что оппозиция нужна (другой вопрос — системная или внесистемная). Не намеренная участвовать в политике молодежь — это тоже, по большей части, сторонники Путина, но и они отмечают необходимость такого инструмента общественного развития, как оппозиция.

Теперь обратимся к причинам, по которым респонденты выбрали тот или иной ответ (рис. 3).

Q: Как вы думаете, почему России (НЕ) нужна оппозиция? (до 3х вариантов ответа)
База: 1154/ 471

Рис. 3. Причины (отсутствия) необходимости оппозиции, %

Необходимость оппозиции объясняется, преимущественно, тем, что власть необходимо держать под контролем общества (59% среди всех опрошенных). Данная причина также является первоочередной по данным Левада-центра⁷; подтверждаются и причины второго эшелона: чтобы поддерживать диалог власти и общества и чтобы общество могло выбирать между программами власти и оппозиции. Если обратиться к различиям по социально-демографическому профилю, то можно обнаружить интересные детали. Во-первых, 43% женщин считает, что необходимость оппозиции заключается в возможности

⁷ Оппозиция: необходимость, узнаваемость и доверие.

учета мнения меньшинства при принятии государственных решений. Во-вторых, с возрастом сильно падает такая причина, как обеспечение возможности демократических выборов и смены власти. В Санкт-Петербурге стала преобладающей возможность выбора между программами власти и оппозиции.

В ходе опроса были уточнены причины, по которым респонденты определили оппозицию как ненужный элемент российского общества. Больше половины молодежи артикулировало такую причину, как низкий моральный облик лидеров оппозиции. По данным Левада-центра эта причина набрала лишь 11% в 2016 г. Такое различие можно объяснить тем, что для продвижения или, наоборот, понижения электорального рейтинга кандидата активно используются СМИ, особенно накануне выборов. Поэтому в обществе и складывается определенное представление о моральном облике тех или иных политических деятелей.

Причины второго порядка — нынешние проблемы России можно решить только одной твердой рукой (47%) и нельзя расплывать силы общества на ссоры и распри (45%) — находят подтверждение в данных опроса Левада-центра⁸. Интересной особенностью является то, что люди с высшим и неполным высшим образованием в большей степени склонны отмечать низкий моральный облик и своекорыстие лидеров оппозиции как причину ее необязательности.

Оценка митингов — еще одна составляющая группы индикаторов, которые формируют такой компонент политических настроений, как “оценки политической жизни”. Для начала будут рассмотрены оценки митингов “за” власть. Практически каждый третий респондент (32%) поддерживает провластные митинги. Девушки, респонденты с достатком выше среднего и жители малых городов, ПГТ и сел склонны оказывать большую поддержку митингам за власть, нежели юноши, малообеспеченная молодежь и жители крупных населенных пунктов. Жители малых городов, ПГТ и сел не просто позитивно отзываются о митингах “за” власть, но еще и охотнее других готовы в них участвовать (17%). Наименьшая поддержка была встречена в Питере (58%). В УФО (41%) и ПФО (44%) митинги за власть напротив, воспринимаются положительно.

Оппозиционные митинги поддержал практически каждый второй (48%). Среди женщин доля желающих участвовать в них меньше. Возраст сильно влияет на оценку оппозиционных митингов, однако в случае провластных митингов значимых различий выявлено не было. Если больше половины (55%) респондентов ближе к 18 поддерживает их, то в старшей возрастной группе (27–30 лет) “группа поддержки” сокращается до 38% и резко возрастает доля критически

⁸ Оппозиция: необходимость, узнаваемость и доверие.

настроенных к оппозиционным митингам, коих становится 46%. Не поддерживают оппозиционные митинги люди с высшим образованием и зажиточные респонденты. Такие регионы, как ДФО и СФО, не просто выразили поддержку, но и готовы участвовать (27 и 29% соответственно) в акциях “за” оппозицию.

Выводом из выше рассмотренного компонента политических настроений “оценки политической жизни” является следующее: молодежь России политикой интересуется. Наличие демократии в стране, по их мнению, незначительное, однако она и не нужна — молодые люди предпочитают ей порядок. Контакты с властью молодежь избегает и дает низкие оценки своего влияния на принятие государственных решений в стране. Деятельность Путина на посту Президента оценивается выше среднего, и лишь каждый пятый готов назвать человека, который мог бы заменить нынешнего главу государства. Больше половины молодежи не одобряет деятельность Правительства во главе с Д.А. Медведевым. Большинство выделяет оппозицию как необходимый элемент российского общества, и главная тому причина — желание держать власть под контролем общества. Видимо, узды правления молодежь собирается держать путем одобрения оппозиционных митингов (но не всегда участием в них).

2. Ожидания от власти

Такой компонент политических настроений, как “ожидания от власти”, аккумулирует в себе чаяния и надежды, которые есть у народа. Ожидание — это некоторый идеал развития ситуации, который есть в представлении человека.

Российская молодежь по большей части определилась с тем, какие должны быть *идеальные отношения власти и народа*. 45% отметили, что власть и народ должны уважать друг друга и взаимодействовать в соответствии с принципами, установленными законом. Вторая по популярности модель взаимодействия — та, в которой власть опирается на народ, когда они едины в своих целях и стремлениях (30%). Опрос Левада-центра подкрепляет полученный результат своими данными: взаимоуважение и опора власти на народ — традиционно избираемые респондентами идеальные паттерны с 2000 г.⁹

Независимо от того, кто будет избран на пост Президента в марте 2018*, молодежь определилась с пожеланиями касательно политического курса. *Во внутренней политике* респонденты предпочли более

⁹ Взаимодействие граждан и государства. URL: <https://www.levada.ru/2015/04/06/vzaimodejstvie-grazhdan-i-gosudarstva/> (дата обращения: 02.03.2018).

* Подготовка статьи велась задолго до выборов президента в марте 2018 г.

либеральную линию, чем сейчас (41%). Полученные данные вполне логичны, ведь и демократии молодежи не хватает. Однако лидирующий тренд нельзя назвать однозначным: юноши и респонденты из возрастной группы 18–21 года настроены максимально либерально (45 и 46% соответственно), похожих настроений придерживаются жители Санкт-Петербурга (45%) и областных центров (46%). Девушки немного выпали из данного контекста, поскольку каждая четвертая затруднилась с ответом, а “уклон в либеральную” сторону объясняется особенностью женского выбора, которая была отмечена выше: слабый пол уходит от жестких оценок и стремится давать смягченные или нейтральные. Дабы не выбирать “более жесткую” линию, женщины остановились на либеральной. При рассмотрении подгрупп по возрастам становится очевидным, что молодежи постарше хотелось бы, чтобы курс правительства был жестче: они отходят от идеи либеральной внутренней политики, резко возрастает число сторонников более жесткого внутреннего курса. К ним присоединяются и жители малых городов, ПГТ и сел, где уровень жизни гораздо ниже, чем в более крупных городах. Данное наблюдение подкрепляется данными Левада-центра, которые комментирует социолог Д. Волков: «Ужесточения курса всегда хотят от четверти до трети россиян, но невозможно сказать, что они под этим подразумевают. Рядовые россияне не в курсе законодательных ужесточений, притеснения оппозиции — это проходит мимо них. К тем, кто так отвечает, относятся люди постарше и победнее: они живут не очень хорошо и хотели бы, чтобы “жесткая рука навела порядок”, у них нет никакой надежды, кроме как на власть»¹⁰.

Безотносительно к тому, кто будет избран на пост президента России в 2018 г., респонденты хотят, чтобы он проводил во внешней политике линию на снижение конфронтации с Западом — так ответили 40% молодежи. Вдвое меньше молодежи настроено на более жесткую конфронтацию с Западом, однако с возрастом эта доля повышается до 26%, в то время как либерально настроенных становится меньше. В небольших городах, ПГТ и селах респонденты распределились по всем возможным вариантам ответа равным образом: каждый четвертый хочет снижения конфронтации, вторая четверть — усиления конфронтации, еще четверть не хочет ничего менять, и остальные не определились с ответом. Примерно каждый четвертый предпочитает, чтобы проводимая политика оставалась такой же, как сейчас, и доля таких респондентов остается неизменной независимо от пола, возраста и места проживания.

Ожидания от выборов — пожалуй, самый интригующий индикатор. Выше наблюдались оценки с отсылкой к демократии, к желанию

¹⁰ Народ хочет пожестче. URL: <https://www.levada.ru/2017/07/05/narod-hochet-pozhestche/> (дата обращения: 02.03.2018).

видеть внутренний политический курс более либеральным, а внешний — менее конфронтационным в отношении к Западу. Но ответ не лежит на поверхности. Молодежь ждет от выборов Президента в марте 2018 г. одного — стабильности. Как отмечает А.Г. Левинсон, “наиболее надежным является такое предсказание: завтра будет как сегодня”¹¹. И респонденты независимо от пола и возраста по большей части перемен не ждут. Даже не наблюдается значимых различий в тех случаях, в которых они были до этого: по полу, возрасту и типу места проживания. 65% молодежи России ожидает, что все будет стабильно, без изменений. 24% посчитали, что в стране произойдут изменения, и ниже рассмотрим, какие причины были упомянуты в вариантах ответа на открытый вопрос.

Каких же изменений ожидает молодежь? Как видно из данных рис. 4, основные *ожидания перемен* почти в половине случаев (45%) связаны с внутренней политикой, под которой респонденты понимают в основном смену президента и правящей партии, особенно это наблюдается в младших возрастных группах.

Рис. 4. Ожидаемые перемены после выборов в марте 2018, %

Каждый четвертый молодой человек (25%) ждет изменений в социальной сфере, в которую входят повышение заработных плат, улучшения в сфере образования и здравоохранения и т.д. Респонденты из подгруппы 20–26 лет отмечают снижение процента по ипотеке (6%) и улучшения в медицине (7%). В целом, социальная сфера интересует по большей части молодежь из старшей возрастной группы (30% из группы 26–30 лет), в то время как более молодые респонденты скорее

¹¹ Самый надежный прогноз. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/20/samyj-nadezhnyj-prognoz/> (дата обращения: 02.03.2018).

ожидают перемен по части внутренней политики (50% в подгруппе 18–25 лет против 35% среди 26–30-летних).

Порядка 13% респондентов ждут изменений в экономике, а именно снижения цен. Однако в малых городах, ПГТ и селах свой взгляд на экономику, что и отметили 23% респондентов: в глубинках люди ждут возрождения сельского хозяйства и деревень (9%), а также экономического роста (7%).

Наконец, 29% молодежи ждут просто улучшений, и такая доля повышена среди женщин, 15% которых надеются, что наконец вспомнят о людях. В открытых ответах респонденты отмечали важность внешней политики и решения глобальных проблем, но говорили о том, что “про человека-то забыли”. Говоря о нехватке внимания со стороны власти, люди по большей части имеют в виду президента страны, что является примером лучших традиций русского патернализма: снятие с себя ответственности и надежда на то, что лидер страны найдет решение существующих проблем. И вот ключевые минусы Путина, которые были названы в ходе одного из опросов Левада-центра: «15% россиян ответили, что он “не заботится” и “забыл о простых людях”, 10% считают, что он слишком “мягок по отношению к министрам” и находится во власти своего окружения, 7% упрекают лидера страны за то, что он “не борется с коррупцией”»¹². Названные недостатки находят отражение в чаяниях и надеждах народа, которые они возлагают на президента, который будет стоять у руля страны после выборов в марте 2018 г.

В целом, все названные выше ожидания связаны с улучшениями в различных сферах и направлениях политики. В ходе анализа ответов на данный вопрос сложилось впечатление, что ожидание после выборов равняется желанию перемен в перечисленных областях. Люди отметили те проблемы, которые есть сейчас и пожелали, чтобы ситуация изменилась в положительном ключе — вот и еще один отголосок патернализма. Как отмечает политолог К. Калачев, “сработал механизм самозащиты, людям надоело ждать худшего... Это последний кредит народного доверия, который получает президент: либо будет рост экономики, доходов и качества жизни, либо через пару лет настроения станут резко протестными”¹³.

Что характерно, ожидающих ухудшений меньшинство — всего 7%. Наиболее пессимистичными оказались респонденты из малых городов, ПГТ и сел — там ухудшений ждет почти каждый пятый (19%).

¹² Россияне назвали отсутствие заботы о простых людях главным минусом Путина. URL: <https://www.levada.ru/2017/11/20/rossiyane-nazvali-otsutstvie-zaboty-o-prostyh-lyudyah-glavnym-minusom-putina/> (дата обращения: 03.03.2018).

¹³ Россияне снова надеются на светлое будущее. URL: <https://www.levada.ru/2018/02/16/rossiyane-snova-nadeyutsya-na-svetloe-budushhee/> (дата обращения: 03.03.2018).

Резюмируя политические ожидания, отметим, что основное из них — это взаимоуважение власти и народа. В целом молодежь не готова к жестким мерам и приветствует более либеральную политику по внутреннему курсу, а по внешнему — снижение конфронтации с Западом. От выборов молодежь ждет стабильности, но посчитавшие, что в стране произойдут изменения, отметили преимущественно позитивные сдвиги, которые олицетворяют то, чего не хватает сейчас.

3. Политическое поведение

Практически единогласно ответили молодые люди на вопрос “Надо или не надо, по вашему мнению, *привлекать молодежь к участию в политической и общественной жизни страны?*”: 92% сказали, что надо. И данная цифра подкрепляется данными ВЦИОМ, согласно которым 90% опрошенных в возрасте 18–24 лет заявили, что молодежь привлекать нужно¹⁴. В Центре отмечают, что эта доля заметно выросла с 2007 г. (на 15%). Вероятно, такой рост вызван изменением социально-политических условий в обществе. В течение 10 лет у руля страны оставались те же люди, вменяемой системной оппозиции сформировано не было, а вот внесистемная как раз ухватилась за молодых и привлекает к себе их внимание. Полные сил и энергии молодые люди говорят о необходимости их вовлечения в общественно-политическую жизнь страны, и большая часть из них готова участвовать в политике лично (67%).

Теперь проанализируем, во-первых, способы участия молодежи в политике и, во-вторых, причины неучастия (рис. 5).

Рис. 5. Участие в политике: способы и причины неучастия, %

¹⁴ Молодежь и политика: точки соприкосновения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116312> (дата обращения: 03.03.2018).

Как видно, к первоочередным способам, которыми молодежь готова проявлять участие в политической жизни страны, относятся голосование на выборах (21%), обращение к власти и диалог с ней (16%), а также участие в митингах (13%). С возрастом растет желание следить за правопорядком и контролировать деятельность политиков (в младшей возрастной группе доля ответивших так составила всего 1%, а к 26–30 годам увеличилась до 8%). В Санкт-Петербурге практически каждый четвертый готов к диалогу с властью (24%), среди них также велика доля готовых голосовать (28%). Малые города, ПГТ и села — те населенные пункты, где респонденты отвечали, что, конечно, они готовы участвовать в политике любым образом, но какая от этого польза, если их все равно никто не услышит и ничего не поменяется. Их доля составляет всего 7%, но она показывает, что именно в глубинках существует проблема отсутствия веры в какие-либо изменения. Респонденты с материальным положением выше среднего больше других готовы проявить себя в деятельности какой-либо политической партии и даже стать ее членом (9%).

Более контрастным оказался профиль причин, по которым молодежь не готова лично участвовать в политической жизни страны. Первостепенная причина артикулируется молодежью следующим образом: “Я занят своими повседневными делами, и у меня нет времени заниматься этим (политикой)”, именно так ответили 42% респондентов. Следовательно, политика не столь важна в жизни молодежи, если уходит на последний план. Вторая по значимости причина — отсутствие возможности что-либо изменить (31%). Практически треть молодых людей осознает бессмысленность своих действий в политической сфере, поэтому не готова лично участвовать в политике. И, наконец, причины третьего эшелона, которые были отмечены каждым четвертым респондентом, — это признание политики грязным делом, боязнь преследования со стороны властей и отсутствие знаний и понимания того, как действуют органы власти.

Участие в митингах — еще один индикатор политического поведения. Большинство молодежи в митингах никогда не участвовало (80%), однако есть различия по некоторым социально-демографическим показателям: юноши активнее девушек выходят на митинги, причем на оппозиционные (15% против 7%). Наблюдается небольшая разница в подгруппах по возрасту: 26–30-летние чаще младших подгрупп утверждали, что в митингах не участвовали. Казалось бы, с возрастом их доля наоборот должна расти: ведь увеличивается жизненный опыт, который с большей вероятностью должен включать в себя разные виды политической активности, в том числе и участие в митингах. Но нет, мы имеем дело с активно настроенной молодежью, которая, подхватив волну митингов, в них участвует. Самыми активными оказались областные центры, где 15% молодежи участвовало

в митингах “за” оппозицию. В глубинке поддержка оппозиционных митингов наоборот минимальна и составляет 6%.

В среднем вдвое меньше молодежи принимает участие в митингах “за” власть, нежели “за” оппозицию (5% против 11%). И эта доля остается стабильной независимо от пола, возраста, типа и места проживания.

Молодежи был предложен и вопрос об участии в политической жизни. Формы участия очень разнятся в зависимости от социально-демографических характеристик, однако две наиболее популярные формы среди молодежи — это участие в выборах (46%) и обсуждение политики в кругу друзей (45%).

На выборы чаще ходят респонденты постарше и те, у кого есть высшее образование (56%). В остальном значимых различий не наблюдается, поскольку выборы воспринимаются как гражданский долг.

Участие в дискуссиях на политическую тему чаще всего принимают юноши, жители Москвы, Питера и областных центров, более обеспеченные респонденты и те, кто намерен участвовать в политике.

Вторым по популярности действием, так или иначе связанным с политикой, оказалось получение информации о политике в интернете (31%) и по телевизору (32%). Телевизионные передачи, как принято считать, не пользуются популярностью среди молодежи, которая предпочитает искать любую информацию в интернете. Однако исследование показало, что это не так. В целом по выборке каждый третий молодой человек смотрит передачи на политическую тему. Чуть чаще юношей это делают девушки (35% против 29%), а еще чаще — жители небольших городов, ПГТ и сел (41%). В глубинках такая пассивная форма проявления политического действия является второй по популярности после выборов, обгоняя даже дискуссии с друзьями на политическую тему. Молодежь из отдаленных от больших городов мест вдвое реже использует интернет как источник для получения информации (20%), чем, возможно, и объясняется повышенная лояльность действующей власти. Политические телевизионные передачи активно смотрят противники оппозиции — среди них эта доля возрастает до 43%.

Интернет как источник получения информации о политике популярен среди юношей больше, чем среди девушек (36% против 26%), а также среди более юных представителей молодежи: 38% — в подгруппе 18–21 год, 32% — среди 22–25-летних и 24% — среди старшей подгруппы 26–30 лет. Хотя использование интернета территориально расширяется, он используется все же скорее в столице, Петербурге и областных центрах, нежели в глубинке. Также стоит отметить, что интернет — это площадка для сторонников необходимости оппозиции (34%).

Третья по популярности форма участия в политической жизни — это разновидности проявления интернет-активности: участие в группах политической направленности в социальных сетях и комментирование политических новостей там же (по 12%). Принадлежность к политическим группам в соцсетях наиболее популярна среди младших возрастных подгрупп (18–21 год — 16%), в то время как комментирование — среди тех, кто старше и среди юношей (16%).

Участие в виртуальных сообществах и комментирование одинаково популярны среди декларирующих необходимость оппозиции (14%) и ожидающих от выборов перемен (16%).

Участие в митингах и акциях — активная форма участия в политической жизни — популярно лишь у 9% опрошенных. По 11% набрали юноши и представители младшей возрастной подгруппы 18–21 год, а также жители Москвы, Петербурга и областных центров.

Практически каждый пятый (18%) признал, что никаких действий, так или иначе связанных с политикой, он не совершает. В ЮФО и СКФО доля политически пассивных молодых людей возрастает до 26%.

В итоге, такой компонент политических настроений как “политическое поведение” может быть охарактеризован следующим образом: молодежь практически единодушно согласилась с тем, что ее надо привлекать к участию в политической жизни страны, однако сами молодые люди проявили меньший энтузиазм в личной готовности участвовать в политике, что вызвано, главным образом, нехваткой времени и осознанием бесполезности данной инициативы. Молодежь продемонстрировала высокую готовность пойти на предстоящие выборы и проголосовать за Путина, хотя доля гипотетического электората внесистемной оппозиции заняла второе место. Митинги как активная форма политического участия не столь популярны у молодежи, по сравнению с участием в политических дискуссиях с друзьями, а также пассивными формами, в число которых входит поиск политически направленной информации.

Таким образом, мы приходим к выводу, что политические настроения молодежи России носят противоречивый характер: с одной стороны, молодые люди дают низкие оценки политической жизни, с другой стороны, они настроены на стабильность и при этом демонстрируют низкую политическую активность. Возможно, настрой на стабильность — это последний шанс для власти изменить ситуацию в лучшую сторону, обратить внимание на проблемы, волнующие людей. У молодежи есть опыт участия в митингах, и несмотря на ее сегодняшнюю пассивность, разочарование может подтолкнуть критически настроенных молодых граждан к деструктивным действиям, которые уже однажды имели место в 1990-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Взаимодействие граждан и государства. URL: <https://www.levada.ru/2015/04/06/vzaimodejstvie-grazhdan-i-gosudarstva/> (дата обращения: 02.03.2018).

Влияние телевизора. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/21/vliyanie-televizora/> (дата обращения: 02.03.2018).

Интерес к политике. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=727&q_id=52632&date=12.06.2011 (дата обращения: 13.02.2018).

Интерес молодежи к политике. URL: <http://fom.ru/Politika/13285> (дата обращения: 13.02.2018).

Молодежь и политика: точки соприкосновения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116312> (дата обращения: 03.03.2018).

Народ хочет жесточе. URL: <https://www.levada.ru/2017/07/05/narod-hochet-rozhestche/> (дата обращения: 02.03.2018).

Неполитическая нация. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/13/nepoliticheskaya-natsiya/> (дата обращения: 15.02.2018).

Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995.

Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001 (а).

Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб., 2001 (б).

Оппозиция: необходимость, узнаваемость и доверие. URL: <https://www.levada.ru/2016/03/14/oppozitsiya-neobhodimost-uznavаемost-i-doverie/> (дата обращения: 02.03.2018).

Плотникова Т.В. Политическое поведение в России: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2004.

Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопа. М., 2008.

Россияне назвали отсутствие заботы о простых людях главным минусом Путина. URL: <https://www.levada.ru/2017/11/20/rossiyane-nazvali-otsutstvie-zaboty-o-prostyh-lyudyah-glavnym-minusom-putina/> (дата обращения: 03.03.2018).

Россияне снова надеются на светлое будущее. URL: <https://www.levada.ru/2018/02/16/rossiyane-snova-nadeyutsya-na-svetloe-budushhee/> (дата обращения: 03.03.2018).

Самый надежный прогноз. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/20/samyj-nadezhnyj-prognoz/> (дата обращения: 02.03.2018).

Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М., 1996.

REFERENCES

Interes k politike [Interest to politics]. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=727&q_id=52632&date=12.06.2011 (accessed: 13.02.2018) (in Russian).

Interes molodezhi k politike [Interest of the youth to politics]. URL: <http://fom.ru/Politika/13285> (accessed: 13.02.2018) (in Russian).

Molodezh' i politika: tochki soprikosnovenija [Politics and the youth: points of contact]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116312> (accessed: 03.03.2018) (in Russian).

Narod hochet pozhestche [People want it tougher]. URL: <https://www.levada.ru/2017/07/05/narod-hochet-pozhestche/> (accessed: 02.03.2018) (in Russian).

Nepoliticheskaja nacija [Non-political nation]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/13/nepoliticheskaya-natsiya/> (accessed: 15.02.2018) (in Russian).

Ol'shanskij D.V. Massovyje nastroenija v politike [Mass moods in politics]. M., 1995 (in Russian).

Ol'shanskij D.V. Osnovy politicheskaj psihologii [The basics of political psychology]. Ekaterinburg, 2001 (a) (in Russian).

Ol'shanskij D.V. Psihologija mass [Psychology of the mass]. SPb., 2001 (b) (in Russian).

Oppozicija: neobhodimost', uznavaemost' i doverie [Opposition: necessity, recognition and trust]. URL: <https://www.levada.ru/2016/03/14/oppozitsiya-neobhodimost-uznavaemost-i-doverie/> (accessed: 02.03.2018) (in Russian).

Plotnikova T.V. Politicheskoe povedenie v Rossii: Monografija [Political behavior in Russia] / Otv. red. Ju.G. Volkov. Rostov n/D., 2004 (in Russian).

Politicheskaja socializacija rossijskih grazhdan v period transformacii [Political socialization of the Russians in the period of transformation] / Pod red. E.B. Shestopal. M., 2008 (in Russian).

Rossijane nazvali otsutstvie zaboty o prostyh ljudjah glavnym minusom Putina [The Russians named lack of care about ordinary people as the main Putin disadvantage]. URL: <https://www.levada.ru/2017/11/20/rossijane-nazvali-otsutstvie-zaboty-o-prostyh-lyudyah-glavnym-minusom-putina/> (accessed: 03.03.2018) (in Russian).

Rossijane snova nadejutsja na svetloe budushhee [The Russians hope for the best again]. URL: <https://www.levada.ru/2018/02/16/rossijane-snova-nadejutsja-na-svetloe-budushhee/> (accessed: 03.03.2018) (in Russian).

Samyj nadezhnyj prognoz [The most trustful forecast]. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/20/samyj-nadezhnyj-prognoz/> (accessed: 02.03.2018) (in Russian).

Toshhenko Zh.T., Harchenko S.V. Social'noe nastroenie [Social mood]. M., 1996 (in Russian).

Vlijanie televizora [Influence of television]. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/21/vlijanie-televizora/> (accessed: 02.03.2018) (in Russian).

Vzaimodejstvie grazhdan i gosudarstva [Interaction of citizens and the Government]. URL: <https://www.levada.ru/2015/04/06/vzaimodejstvie-grazhdan-i-gosudarstva/> (accessed: 02.03.2018) (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-273-276

СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: О XII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ “СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ”

Материал посвящен итогам проведения XII Международной конференции “Сорокинские чтения”, проходившей под названием “Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира”.

Ключевые слова: *Сорокинские чтения, современная социология, социальная несправедливость, социологический факультет.*

SOCIAL INJUSTICE THROUGH THE LENS OF SOCIOLOGY: ON XII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “XII SOROKIN READING”

Current article is dedicated to XII International scientific conference “XII Sorokin Readings. Social Injustice through the Lens of Sociology: Contemporary Global Challenges”.

Key words: *Sorokin readings, contemporary sociology, faculty of sociology.*

19–20 февраля 2018 г. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения”, которая уже многие годы является одним из самых значимых событий в жизни российского социологического сообщества. В этом году конференция была приурочена к Всемирному дню социальной справедливости, который был провозглашен Генеральной Ассамблеей ООН в 2007 г. и отмечается ежегодно 20 февраля¹.

Социальная справедливость является основополагающим принципом существования современных наций. Однако в какой степени социальная справедливость и причины несправедливости осмыслены научным сообществом? Какие вызовы основам справедливости бросают социальные, экономические, политические тенденции современного мира? Какой ответ на эти вопросы может дать современная социология? Конференция была посвящена поиску ответов на эти и другие вопросы.

¹ Всемирный день социальной справедливости 20 февраля // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/events/socialjusticeday/background.shtml> (дата обращения: 22.02.2018).

В 2018 г. на конференцию было подано более 700 заявок на участие в восьми секциях и одном круглом столе, 200 человек, среди них представители более 30 регионов России, а также граждане Италии, Китая, Израиля, Кубы, Сербии, Белоруссии, Черногории, Украины, Таджикистана.

19 февраля состоялось торжественное открытие и пленарное заседание конференции. В начале перед участниками конференции с приветственным словом выступил декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор Николай Генрихович Скворцов. Затем декан социологического факультета МГУ, доктор социологических наук, профессор Надежда Геннадьевна Осипова выступила перед собравшимися с первым пленарным докладом “Рыночный фундаментализм как идеология глобальной социальной несправедливости”, в котором были обозначены векторы экспансии рыночного фундаментализма и влияния чрезмерной веры в свободный рынок на социальную структуру общества и распределение ресурсов. Н.Г. Осипова проследила трансформацию либеральной идеологии от классических постулатов до современного неолиберализма и подчеркнула, что лишь сбалансированная социально-экономическая модель, опирающаяся как на рынок, так и на ответственное государство и общество, способна быть проводником социальной справедливости. Она призвала современных исследователей переосмыслить ошибочное восприятие современных трактовок *laissez-faire* и понимать различную степень готовности обществ к либерализации².

Следом выступил руководитель департамента исследований ВЦИОМ Степан Васильевич Львов с докладом “Справедливость на карте ценностного пространства россиян: признаки нарушения и возможности восстановления”. С.В. Львов много внимания уделил динамике восприятия справедливости россиянами, которая носит разнонаправленный характер. Докладчик обратил внимание, что социальная справедливость рассматривается гражданами через призму проблемных областей в ЖКХ, медицине, системе образования, сфере социальных услуг. Люди воспринимают несправедливость через призму системных проблем, с которыми они сталкиваются в своей каждодневной практике.

Затем с докладом “Популизм и социальные движения в XXI веке” выступил профессор департамента социальных и экономических наук Римского Университета “Ла Сапиенца” Антимо Фарро, бывший в 2010–2014 гг. президентом комитета по социальным классам и движениям Международной социологической ассоциации. Профессор Фарро рассказал о том, как обостренное восприятия растущей не-

² Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как идеология глобальной социальной несправедливости, Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира // XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения–2018”: Сб. мат.-в. М., 2018. С. 4–15.

справедливости как в развитых, так и в развивающихся обществах, послужили толчком к росту новых популистских сил, которые в том числе стали перехватывать старые смыслы справедливости, однако развивать их на новой идеологической почве.

Завершал пленарное заседание директор Информационного центра ООН в Москве Владимир Валерьевич Кузнецов, который выступил перед собравшимися с докладом “Повестка ООН в области устойчивого развития и социальное измерение”. В.В. Кузнецов в своей речи подчеркнул, что в сердцевине проблем сегодняшнего дня лежат изоляция и неравенство. Благодаря глобализации человечеству удалось добиться значительного прорыва, однако этот процесс сопровождался также и ростом несправедливости. С накоплением богатств выросли диспропорции в их распределении. Докладчик рассказал о целях Повестки 2030, разработанной ООН, которая направлена на решение накопившихся проблем, а также указал на особую роль современной молодежи в преодолении социальных расколов и развитии современных обществ.

20 февраля состоялись заседания восьми секций и круглого стола, которые были посвящены разным крайне актуальным вопросам: социальной несправедливости в современных социологических теориях, справедливости как приоритету социального управления в эпоху постмодерна, социальной справедливости как фактору функционирования и развития социально-политических систем, семейно-демографической дифференциации, социальному порядку, социальной несправедливости в социологии международных отношений, социальному государству, культурно-цивилизационному контексту социальной несправедливости, социальных расколах в высшем образовании.

В целом, как в рамках пленарного заседания, так и в рамках секций были обозначены схожие проблемы и вызовы, которые стоят сегодня перед социологическим сообществом в описании и анализе проблем социальной несправедливости. Несмотря на сложность и неоднозначность тематики участники конференции смогли задать интереснейшие векторы для дальнейшего обсуждения и исследования причин роста и урегулирования социальной несправедливости в современном мире.

Материал подготовили:

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Е.Н. Новоселова, канд. социол. наук, доц. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

* **Каневский Павел Сергеевич**, e-mail: baggio-18@yandex.ru

** **Новоселова Елена Николаевна**, e-mail: nauka@socio.msu.ru, alena_n_@mail.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Всемирный день социальной справедливости 20 февраля // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/events/socialjusticeday/background.shtml>

Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как идеология глобальной социальной несправедливости. Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира // XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения–2018”: Сб. мат-в. М., 2018. С. 4–15.

REFERENCES

Vsemirnyj den' social'noj spravedlivosti 20 fevralya [World Day of Social Justice February 20] // Sajt Organizacii Ob"edinennyh Nacij [United Nations website]. URL: <http://www.un.org/ru/events/socialjusticeday/background.shtml> (in Russian).

Osipova N.G. Rynochnyj fundamentalizm kak ideologiya global'noj social'noj nespravedlivosti Social'naya nespravedlivost' v sociologicheskom izmerenii: vyzovy sovremennogo mira [Market fundamentalism as an ideology of global social injustice Social injustice in the sociological dimension: the challenges of the modern world] // XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Sorokinskie chteniya–2018”: Sb. mat-v [XII International Scientific Conference “Sorokin Readings–2018”: Coll. mat-in]. M., 2018. С. 4–15 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-277-280

ОБ ИТОГАХ ПРОВЕДЕНИЯ СЕКЦИИ “СОЦИОЛОГИЯ” XXV МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ “ЛОМОНОСОВ–2018”

Материал посвящен итогам проведения секции “Социология” Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов–2018”. Мероприятие предназначено для поиска и удержания талантливой молодежи, а также обмена опытом и знаниями между молодыми учеными из различных уголков России и мира.

Ключевые слова: Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов–2018”, секция “Социология”, Весенняя социологическая школа, талантливая молодежь.

THE RESULTS OF “SOCIOLOGY” SECTION XXIV INTERNATIONAL CONFERENCE FOR STUDENTS, POST-GRADUATE STUDENTS AND YOUNG SCIENTISTS “LOMONOSOV–2018”

Article is dedicated to the analysis of “Sociology” session held as a part of the International conference for students, post-graduate students and young scientists “Lomonosov–2018”. The event is oriented towards talented young people, as well as exchange of experience and knowledge between young scientists from different parts of Russia and the world.

Key words: International conference for students, post-graduate students and young scientists “Lomonosov–2018”, session “Sociology”, Spring sociological school, talented youth.

С 9 по 13 апреля 2018 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова проходила юбилейная Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”.

Основными целями конференции являются развитие творческой активности студентов, аспирантов и молодых ученых, привлечение их к решению актуальных задач современной науки, сохранение и развитие единого научно-образовательного пространства России и стран СНГ, установление контактов между будущими коллегами.

Целевая аудитория конференции — студенты (бакалавры или магистры), аспиранты, соискатели и молодые ученые любой страны

мира в возрасте до 35 лет (включительно) — учащиеся или сотрудники российских и зарубежных вузов, аспиранты и сотрудники научных учреждений.

Формат конференции. Мероприятие традиционно включает в себя пленарные и секционные заседания. В 2018 г. работа конференции прошла по 40 секциям, отражающим основные направления современной фундаментальной и прикладной науки¹.

В рамках XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов–2018” традиционно прошла работа секции “Социология”.

Председателем оргкомитета стал декан социологического факультета МГУ, доктор социологических наук, профессор Н.Г. Осипова, заместителем председателя — заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ, кандидат политических наук, доцент П.С. Каневский, Ответственным секретарем — председатель Совета молодых ученых социологического факультета МГУ, кандидат социологических наук, доцент Е.Н. Новоселова.

Число участников конференции. За четверть века существования Международной научной конференции “Ломоносов” в ней приняли участие более 170 000 студентов, аспирантов и молодых ученых, представляющих более 70 стран мира. В 2018 г. на участие в конференции было подано более 17 000 заявок из 45 стран и всех регионов Российской Федерации, более 11 000 из которых успешно прошли экспертный отбор². Что касается секции “Социология”, то в 2018 г. на нее было подано более 600 заявок. Экспертным советом секции был проведен предварительный отбор участников конференции, было выбрано около 50 авторов докладов из России и ряда зарубежных стран. Всего в конференции приняли участие около 400 студентов, аспирантов и молодых ученых.

Работа конференции. В среду 11 апреля 2018 г. состоялось *Пленарное заседание секции “Социология”*. Декан факультета профессор Н.Г. Осипова произнесла приветственное слово и прочитала лекцию “Ренессанс личности в современной социологии”. На пленарном заседании были также подведены итоги *XIV Всероссийского конкурса имени Н.И. Кареева за 2017 г.* Победителям конкурса имени Н.И. Кареева были вручены дипломы победителей³.

В этот же день состоялась уже ставшая традиционной **Весенняя социологическая школа**, в рамках которой гостям секции была представлена возможность поучаствовать в следующих мастер-классах: социально-коммуникативные практики конструирования историче-

¹ См.: <http://www.lomonosov-msu.ru/rus/event/5000/page/592>

² Международный молодежный научный форум “Ломоносов–2018”. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/info.htm

³ Список победителей Конкурса им. Н.И. Кареева см. на стр. 280.

ской памяти (ведущие — доцент И.Н. Чудновская, М.Е. Липатова); геносоциограмма как инструмент в арсенале социолога (доцент И.К. Масалков), технологическая революция 4.0: как будет меняться общество и человек? (доценты О.В. Гавриленко, А.В. Маркеева).

Мастер-классы прошли весьма успешно, аудитории были полны, участники заинтересованы и активны, задавали массу вопросов и не отпускали преподавателей даже после формального завершения мастер-классов.

Направления работы секции. 12 апреля секция “Социология” продолжила свою работу в рамках 10 подсекций: современные социологические теории, методология социологических исследований, экономическая социология и менеджмент, социальные технологии, социология государственного управления, политическая социология, социология международных отношений, социология семьи и демографии, социология коммуникативных систем, социология образования.

Основной результат. Проведение секции в очередной раз доказало ее актуальность и тот интерес, который она привлекает со стороны молодых специалистов. В своих выступлениях участники затрагивали ключевые проблемы современного российского общества. В 2018 г. каждый докладчик увез с собой памятный сертификат участника XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов–2018”, а также электронный сборник с тезисами своего доклада.

Авторам лучших докладов секции “Социология” XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов” в торжественной обстановке заключительного пленарного заседания были вручены дипломы победителей⁴. Работы победителей традиционно автоматически участвуют в Конкурсе имени Н.И. Кареева за 2018 г.

Лучшими из лучших на секции “Социология” в 2018 г. стали представители города Казани — *Камиль Маратович Сафин* (Казанский национальный исследовательский технологический университет, Институт управления инновациями), *Алла Владиславовна Абросимова* (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций), *Елена Николаевна Рассолова* (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций), которые 13 апреля 2018 г. получили дипломы победителей из рук ректора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова академика В.А. Садовниченко.

⁴ Со списком победителей секции “Социология” и тематикой их докладов можно ознакомиться на сайте социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — <http://socio.msu.ru>

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА ИМЕНИ Н.И. КАРЕЕВА

I. Среди студентов:

1. **Семыкина Ксения Сергеевна**, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва. За работу “Однополые браки в российских СМИ: между нейтралитетом и опасением”.

2. **Медовская Татьяна Леонидовна, Агафонова Вера Владимировна**, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва. За работу “Феномен детских уличных игр в городском пространстве (на примерах Москвы и Санкт-Петербурга)”.

II. Среди аспирантов:

1. **Новицкая Варвара Викторовна**, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва. За цикл статей по маргинальной культуре в социальной структуре городского пространства.

2. **Антонова Татьяна Викторовна**, Среднерусский институт управления — филиал ФГБОУ ВО “Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации”, Орел. За работу «Участие в проекте “Медиа-волонтер” как одно из направлений социальной активности молодежи».

III. Среди молодых ученых:

1. **Болдина Марина Юрьевна**, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград. За работу “Инновации и традиции в решении экологических проблем: региональный срез на примере Волгоградской области”.

2. **Мартыненко Татьяна Сергеевна**, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва. Цикл статей по социальному неравенству.

Материал подготовили:

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Е.Н. Новоселова, канд. социол. наук, доц. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

* **Каневский Павел Сергеевич**, e-mail: baggio-18@yandex.ru

** **Новоселова Елена Николаевна**, e-mail: nauka@socio.msu.ru, alena_n_@mail.ru